

ԳԻՒՄ ՕՃԵՍ

ՆԱԿԵ
ՆՄԵԼԵՍՏՎԵՆԻՒԿ

2017

Annotation

Что вы будете делать, если к вам в кухню посреди ночи заберется странник по мирам и пространствам — и пригласит вас с собой?..

Аннит Охэйо

Йанто Путешественник

Глава первая, в которой к Мишке Солнцеву является невероятный гость

Всё началось со скуки. Уже много позже Мишка мог сказать это совершенно определено: во всей этой череде совершенно невероятных, порой даже просто пугающих приключений, был виноват всего лишь мимолетный порыв скуки. Вообще-то, Мишке, в его четырнадцать лет, такое состояние было вовсе не свойственно, — но что прикажете делать, если у вас то нудное, крайне неприятное состояние, которое врачи обозначают мудреным словом «ОРЗ», а ваши родители ушли в театр, и вернутся только поздним вечером? Читать нет ни сил, ни настроения, смотреть телевизор тоже, — да и что там смотреть, когда по первой программе опять выступает дорогой Леонид Ильич, а по второй идет какой-то невероятный по нудности концерт? Да и не нравилось Мишке пялиться в этот дурацкий лакированный ящик, — всё равно, словно смотришь через мутное стекло. Одно название, что цветной, — ну, видно, что цветочки на рукавах у артистов розовые, — ну и что? В окно и то интереснее смотреть...

Мишка вздохнул и поднялся с дивана. За окном чернела непроглядная сентябрьская ночь, — как обычно в сентябре, с дождем. В такую погоду и в такое время хорошо как раз лежать на этом самом диване с хорошей книжкой, — но все интересные книжки в доме давно читаны и перечитаны, а лезть в неинтересные не хотелось. Хотелось, как ни странно, гулять, — но куда пойдешь с температурой-то? Да и поздно вообще-то уже...

Мишка подошел к окну. Дом его стоял на берегу превращенного в озеро карьера, и в малолетнем возрасте он страшно любил смотреть на тусклые окна домов напротив, представляя, что это проплывающие мимо корабли, — или что даже он сам плывет куда-то на корабле. Иногда он так увлекался, что почти наяву чувствовал качку, и видел, как далекие огни движутся мимо бесконечной чередой...

Всё решил, как ни странно, мимолетный порыв свежего воздуха из форточки, — воздух был сырой, прохладный, пахнувший сырой землей и палыми листьями, и Мишка решил выйти на балкон, — хотя мама категорически это запрещала.

Ещё раз вздохнув, мальчишка поднялся на цыпочки, сдвинул тугой шпингалет, открыл внутреннюю дверь, потом наружную...

Сырой ночной воздух мягкой прохладной волной обдал лицо. Мишка шагнул на балкон, тут же поёжился, ступив на бетон босиком, потуже затянул халат, осмотрелся...

На улице, как и положено ночью, царил мрак. Налево, у школы, светили три тусклых синих фонаря, направо, между лесополосой и озером — ещё пять. Плюс тусклые желтоватые окна домов напротив. Вот, собственно, и всё. Озеро казалось провалом непроглядного мрака, над которым тлело тусклое, сизое, туманное небо. Неуютненько...

Мишка невольно передернул плечами. Над водой висел тонкий, похожий на шепот звон миллионов падающих капель, — странный, неприятный звук, словно над ушами вьются какие-то насекомые. Глухой, ровный шум падающей с крыш воды, ни людей, ни машин, — страшновато, в общем. Раньше он даже боялся выходить на балкон ночью, — вдруг из озера вынырнет какой-нибудь динозавр и схватит? Сейчас Мишка давно уже не верил в динозавра, но, всё равно, как-то неприятно, словно смотрит на него кто...

Он решил уже вернуться в комнату, — и в этот миг краем глаза заметил движение, сначала — лишь скользющую по мокрому асфальту тень. Кто-то шел по разбитой асфальтовой дорожке между домом и озером.

Мишка повернул голову, с удивлением заметив холодный синий отблеск на обнаженных плечах, — для десяти или двенадцати градусов сентябрьской ночи прохожий был одет, мягко говоря, легковато, — а скорее, и вообще не одет. Но, за плечами торчат какие-то палки, в руке тоже палка...

Прохожий вдруг замер, чуть повернувшись, потом вдруг быстро побежал, — совершенно беззвучно, как тень. Лишь когда он замер под балконом, Мишка понял, что он его заметил. Теперь он увидел, что это парень одного, примерно, с ним возраста, а палка у него в руках — это копьё.

* * *

Мишка ещё ничего не успел толком подумать, даже не испугался, — всё же, второй этаж, высота метров пять, — но мимо балкона из чердака в подвал проходил какой-то непонятный кабель. Мишка давно порывался выяснить, зачем он, но так и не собрался. Парень одним стремительным движением закинул копьё за спину, ухватился за этот кабель и быстро, — очень быстро! — полез вверх, шустро перебирая руками и упираясь в стену пальцами босых ног.

Мишку словно ветром внесло в комнату. Будь он здоров, он тут же захлопнул бы и запер дверь, и побежал в кладовку — за топориком. Но сейчас голова у него была как чугунная, и потому он просто замер, отчаянно пытаясь понять, привиделось ему или нет.

В проеме двери мелькнуло что-то темное, — незванный гость ловко спрыгнул на балкон, ещё миг, — и он вошел в комнату, щурясь от яркого света.

Мишка ещё попятился, потом замер, наткнувшись на тумбу маминой швейной машины, и ошалело глядя на гостя.

Перед ним стоял парень лет, примерно, пятнадцати, одетый лишь в короткую набедренную повязку из какого-то гладкого коричневого меха, — наверное, из бобра, подумал Мишка. Кожа у парня тоже была темная, — весь он, казалось, был отлит из гибкой коричневой стали. Мишка сам занимался боксом и плаванием, но такой великолепно развитой фигуры ещё ни у кого не видел. Глаза у парня были черные, волосы тоже — тяжелая, невероятно спутанная масса, которой, похоже, никогда не касалась расческа. С них, словно с крыши, на плечи струями стекала вода, но гостя это явно не трогало. Лицо его было хмурым и серьёзным — широкий лоб, четкие черные брови, короткий нос, высокие скулы, пухлые губы, очень красиво очерченные — словно дважды изогнутый лук. Неземное какое-то лицо, — Мишка немало смотрел уже «Клуб путешественников» с Сенкевичем, и какие народы живут на Земле, более-менее представлял. Но странный гость не был похож ни на негра, ни на индейца, ни на вьетнамца. На бедре у него, в синевато-серых пластмассовых ножнах, висел длинный нож с черной, резиновой рукоятью, торс накрест перетянут ремнями, за плечами торчат какие-то, тоже кожаные чехлы — и копьё. С очень тщательно обколотым наконечником из зеленоватого нефрита, — таких Мишка не видел даже в музее. Офигеть...

Странный гость смотрел на него очень внимательно и даже как-то неприятно. Мишка

вдруг заметил, что глаза у него на самом деле вовсе не черные, а... фиолетовые, просто очень густого оттенка. И волосы тоже со странным фиолетовым отливом. И даже кожа... Все оттенки на госте были какими-то... странными, из разряда «не бывает такого»...

— А айе са`нок, — сказал гость. Быстро, — он вообще всё делал очень быстро, — прижал ладони скрещенных рук к груди и едва заметно поклонился.

— Чего? — спросил Мишка.

— Пам? — гость удивленно моргнул. — Ай`еа тил тслам?

— Ни фига не понимаю, — сказал Мишка. — Ты по-русски вообще говоришь?

— А Йанто, — гость смешно повернул ладони пальцами внутрь, указывая на себя.

Похоже, он решил, что его просят представиться.

Мишка почесал в затылке.

— Ага, понятно. Ты — Йанто. А я — Мишка. Понимаешь? — он тоже повернул ладони к груди и повторил: — Мишка.

— Мий`шк, — повторил гость. Голос у него тоже был немного смешной, словно мурчащий. — А Йанто. Йомтинг?

— Ну ладно, — вздохнул мальчишка. — Ты Йанто, я Мишка, всё прекрасно. Что дальше? Что тебе тут надо? — вокруг гостя натекла уже приличная лужа. Грязная — его босые ноги были все в грязи.

— Пам? — повторил гость. — Най фйавинтксу.

— Не понимаешь? — перевел Мишка. — Ясно. Откуда ты взялся-то?

— Пам? — повторил гость. — Фииа киит`те франг?

— Понятно, — вздохнул Мишка.

Голова у него закружилась, он не понимал уже, наяву это всё происходит или во сне. Откуда этот Йанто, — настоящий, черт бы его побрал, первобытный человек! — вообще тут взялся? Ну да, лес тут близко, — за железной дорогой и лугом, — но там никаких первобытных людей нет же! Да и остались такие разве что в Южной Америке. Что он — пешком оттуда пришел? Через Атлантику и кучу границ? Бред, бред...

Йанто, между тем, пошел по комнате, очень внимательно всё разглядывая. Двигался он совершенно бесшумно, быстро, но не резко, с какой-то пугающей, — в ней было что-то змеиное, — плавностью. Много позже Мишка понял, что эта манера рождена жизнью в лесу: там резко двигаться нельзя, на шумишь, спугнешь добычу...

Мишка заметил, что за спиной у него пристегнуто два кожаных чехла, — один длинный и один покорооче — и... нет, не мешок, а что-то вроде кожаного ранца с множеством чем-то набитых отделений. Смотрелась эта штука офигительно, — если бы Мишка пришел с таким ранцем в школу, все в ней умерли бы от зависти. Вот только нож выпадал из общей картины. Смотрелся он откровенно чужеродно и даже страшновато, — чем-то похоже на ножи американских солдат, которые он видел в передаче «Международная панорама»...

Йанто между тем встал под лампочкой, щурясь, посмотрел на неё, потом протянул руку, коснулся — и тут же мгновенно отдернул руку, смешно сунув в рот обожженные пальцы.

— Ким лерту? — повернулся он к Мишке. Голос его звучал как-то... испуганно.

— Не понимаю, — повторил мальчишка.

— Пам? — вновь сказал Йанто. Похоже, что это словечко означало у него вопрос «что?» или удивление. — Керусей?

Мишка помотал головой. Он совсем не представлял, что делать. Сбежать из дома? Босиком и в халате? Смешно. Позвать на помощь? Тогда Йанто сам моментально сбежит, —

а узнать, откуда он взялся, страшно хотелось.

Йанто между тем уже выскользнул из комнаты, — ну и быстрый же, не уследить! — и Мишка, ругаясь про себя, пошел за ним. Гость стоял в проеме темной кухни, глядя внутрь, и Мишка бездумно включил свет.

— Йам! — Йанто шарахнулся назад, налетел на Мишку и сбил его с ног, — казалось, что мальчишку боднул бык. Йанто моментально развернулся, — и Мишка увидел, что в руках у него копьё. Направленное на него, между прочим. И нефритовый наконечник сейчас ни фига не казался забавным. Он был вставлен в конец аккуратно расщепленного древка и намертво примотан каким-то... сухожилием, наверное? И на нем запеклось что-то темное. Кровь. И держал копьё Йанто как-то... нехорошо, — уперев тупьё в основание ладони. Раз — и пришилит его, Мишку, к полу, словно бабочку в коллекции. И всё. Вообще — всё.

Испугаться по-настоящему Мишка всё же не успел, — Йанто так же мгновенно закинул копьё за спину и шагнул вперед, протягивая руку. Мишка бездумно протянул свою, — и тут же охнул, в один миг оказавшись на ногах. Йанто и в самом деле оказался здоровым, как лошадь. Ладонь у него была мозолистая, — и твердая, словно железная.

— Кем свуир`ра? Таа`ем? — зло сказал гость. На этот раз Мишка вполне его понял: это звучало как «с ума сошел? Жить надоело?» — или что-то вроде.

Тут же, мгновенно потеряв интерес к инциденту, Йанто повернулся и вошел в кухню, внимательно осматриваясь. Снова, щурясь, посмотрел на лампочку, заглянул в глаза своему отражению в стеклянной дверце шкафчика, собрал со стола хлебные крошки, понюхал, смешно сморщив нос...

— А, так ты, наверное, есть хочешь? — предположил Мишка. Насколько он помнил, жили первобытные люди неважно и всё время голодали, — хотя Йанто, как раз, вовсе не выглядел заморенным.

— Пам? — Йанто повернулся к нему.

Мишка вздохнул, открыл хлебницу и протянул Йанто кусок хлеба. Тот быстро взял его, смешно понюхал, осторожно откусил, прожевал... и посмотрел на Мишку явно вопросительно. В его взгляде явственно читалось: «и это всё?»

— А, ты же, наверное, мясо любишь, — предположил Мишка. Мяса в доме как раз не было, — только мороженая курица, но в таком состоянии её автогеном резать, разве что...

Вздохнув, Мишка открыл холодильник, — и достал полпалки копченой колбасы. К ней Йанто отнесся с куда большим энтузиазмом, — тоже понюхал, после чего сразу вцепился зубами, ловко обдирая кожуру. Похоже, он и в самом деле был голоден, но лопал вполне профессионально, тщательно прожевывая каждый кусок и чуть ли не урча от наслаждения.

Мишка снова вздохнул и помотал головой. Всё происходящее по-прежнему казалось ему совершенно нереальным. Вот, в его, между прочим, кухне сидит самый настоящий дикарь, и вовсю лопает его колбасу — это что, реальность?

Свет растекался по коже Йанто, словно масло, — казалось, что тугие мускулы и впрямь покрыты жидким металлом. Лохмы его тоже тускло блестели, в них густо набились сосновые иголки и прочий лесной мусор. Ну, точно, — он пришел из леса, перешел поле и железную дорогу, и вот он, Мишкин дом. Но откуда он, черт возьми, взялся в лесу? Всякие неизвестные племена, — они же все живут где-то в Амазонии, а тут тайга, в ней живут ханты и манси, ни разу, кстати, не похожие на это коричнево-смуглое чудо. Которое, кстати, протопало, можно сказать, нагишом невесть сколько километров дождливой сентябрьской ночью, — и даже не чихнуло... В отличии от него, Мишки, который и в одежде-то глупо

простыл...

Йанто между тем уже прикончил колбасу, деловито облизал пальцы и заоглядывался вокруг, явно ища воду. Ну да — после колбасы-то...

— Хочешь пить? — спросил Мишка.

Йанто вопросительно посмотрел на него.

— Пам? Йарр`э?

Мишка вновь вздохнул, достал из холодильника тетрапакет с молоком (Йанто тут же вскочил и подобрался, но, к счастью, ничего не сделал), отрезал уголок, налил молоко в стакан и протянул Йанто. Тот осторожно взял его, понюхал... и залпом выдул.

— Йам! — гость ошалело посмотрел на Мишку и молча протянул стакан, явно требуя добавки.

Мишка налил ещё... потом ещё... и очень даже скоро молока в доме не осталось. Интересно, подумал Мишка, чем я сам теперь буду ужинать. Магазин-то давно уже закрыт, да и колбасу мама хотела с картошкой пожарить...

Йанто между тем запустил руку в свой ранец... и достал оттуда здоровенный кусок мяса. Копченого, судя по запаху. Точнее, даже изрядно подгоревшего, но всё равно, пахнущего офигенно. Ничего себе, бедный голодный дикарь...

Об остальном Мишка думал, уже уплетая подарок (точнее, вежливо отпиленную ножом его часть) за обе щеки. Вкус у мяса оказался странноватый, — кое-где оно откровенно обуглилось, — но пошло оно на ура. Мишка запоздало подумал, что ему не стоит жрать мясо неизвестной зверюги, копченое над костром и явно не проходившее проверки в санэпидстанции, — но он тут же отмел эту мысль: сам Йанто-то его наверняка жрал, и совсем не выглядел отравленным.

Сам гость спокойно и с явным одобрением смотрел на него. Когда Мишка доел, Йанто впервые улыбнулся, показав белые, очень ровные зубы.

— Фа авве, — он протянул Мишке руку, но не пожать, а поднятую ладонь с растопыренными пальцами. Мишка, по какому-то наитию, так же протянул свою, — и Йанто прижал к ней свою горячую ладонь. — Авве, — повторил он.

Уже много позже Мишка узнал, что «авве» — это «брат».

* * *

Пока же его занимала лишь одна мысль: что делать? Где-то через час вернутся родители, — и что с ними будет при виде странного гостя, он представлял слишком хорошо. Шум, крик, милиция... Йанто, конечно, сбежит. Может быть, покалечив кого-нибудь по дороге, — в общем, такой вот вариант Мишку совершенно не устраивал. Башка была, как чугунная, ничего путного в неё не приходило, — и, в конце концов, он, вздохнув, поплелся к телефону.

— Фа эйнг? — встревожено спросил Йанто. Похоже, это означало что-то вроде «ты куда?»

— Да подожди ты, — проворчал Мишка, набирая номер Ленки Семеновой. Просить с помощи девчонку стыдно, — но Ленка жила этажом выше и быстро соображала, чего сейчас ему отчаянно не хватало.

Биип... биип... биип... а если Ленки не окажется дома? Или подойдет её мать и опять

начнет крутить мозги насчет того, что надо уроки учить, а не по подругам названивать?..

— Да? — у мальчишки отлегло от сердца. — Мишк, ты?

— Я, — Мишка покосился на стоявшего рядом Йанто. Тот смотрел на него с встревоженным любопытством: с палками разговаривает, уж не тронулся ли умом?.. — Слушай... тут такое дело... Короче, ты приходи быстрее, только никому не говори...

— Что случилось-то? — в трубке глухо бубнил телевизор, похоже, что срываться Ленке совсем не хотелось. — Трубу прорвало, что ли? — похоже, что ничего более страшного ей просто не могло прийти в голову.

— Да нет, — досадливо сказал Мишка. — Мне тут в окно парень странный залез.

— У тебя бред уже? — участливо спросила Ленка. — Второй этаж же!

Мишка вздохнул и покосился на Йанто. Бред стоял в двух шагах, опираясь на копьё. Из-под спутанных волос смешно торчали уши. «Не уши, а локаторы», как говорил в таких вот случаях отец.

— Он на балкон по кабелю залез. Честно! Ты только отцу не говори, а то он сразу милицию вызовет.

— Ладно, счас приду, — Ленка положила трубку.

Мишка вздохнул и набрал номер Сашки Парфенова. Стоило бы сразу позвонить ему, — но Сашка жил в доме напротив, в смысле, — за озером, и даже при большом желании мог прийти лишь минут через пять.

Биип... биип... биип...

— Да?

— Сашк, привет, — выдохнул Мишка. — Тут такое дело... ко мне парень какой-то залез, странный.

— Вор, что ли? — деловито спросил Сашка. — Так это, в милицию.

— Да не, — Мишка покосился на Йанто. — Он это... дикий. На Маугли похож, честно.

— Цыган, что ли? Так ты это...

Мишка вздохнул. Сашка, конечно, замечательный друг, всё такое, — но вот ход мыслей у него сугубо практический.

— Да не. Я...

В прихожей задребезжал звонок. Мишка едва не подскочил от неожиданности. Йанто мгновенно развернулся, взяв наизготовку копьё. Страшно представить, как он на телевизор смотреть будет...

— Сашк, тут это... Ленка пришла. Ты приходи быстрее, я не знаю, что делать, — звонок задребезжал снова, уже настойчивее. — И это... ты Витьке позвони, пусть тоже приходит. Пока!

Положив трубку, Мишка босиком пошлепал к двери. Сердце у него ёкнуло, — вдруг вернулись родители или ещё кто? — но в глазке он увидел нетерпеливо хмурящуюся Ленку. Замок щелкнул, дверь распахнулась, — и...

— Ой!..

— Йам!..

Ленка замерла, словно увидела гадюку. Йанто шарахнулся назад и тоже замер. Потом вдруг быстро, — очень быстро! — убрал копьё за спину и отчетливо, несмотря на смуглую кожу, покраснел.

— Лерту эн`ти саа? — спросил он, повернувшись к Мишке.

— Кто это? — Ленка, наконец, опомнилась.

— Йанто, — Мишка торопливо втянул её в прихожую и захлопнул дверь: ещё не хватало, чтобы на шум сбежались любопытные соседи. — В окно по кабелю залез, представляешь?

— Ты откуда? — Ленка попыталась подойти к Йанто, но тот быстро отступил назад, и посмотрел на Мишку уже явно встревожено.

— Саа уан`чок?

— Что? — переспросила Ленка, ошалело разглядывая гостя. В чистой, ярко освещенной гостиной Йанто смотрелся... примерно так же уместно, как медведь.

— Он русского не знает ни фига, — пояснил Мишка, нервно запахивая халат. Йанто тоже откровенно пялился на Ленку, и это совсем ему не нравилось.

— Станный он какой-то, — сказала Ленка, не отводя глаз от гостя. — Похож на индейца, но...

— Какого индейца? — удивился Мишка. — Они же вроде как красные. А он... фиолетовый какой-то.

— Амазонского, — пояснила Ленка. — Я таких в «Клубе путешественников» видела. Только они не такие... здоровые. Слушай... откуда он тут взялся?

— Сам не знаю, — Мишка вздохнул. — Из лесу пришел, наверное. Видишь, иголки сосновые в лохмах...

— Он же голый! — возмутилась Ленка. — А на улице холодно. Он бы там замерз сразу.

— Это ты у него спроси, — буркнул Мишка.

Йанто внимательно смотрел на них, переводя взгляд то на него, то на Ленку. Рот у него был приоткрыт, лицо отражало отчаянную работу мысли. Вдруг он как-то очень ловко вывернулся из своих ремней, гулко бухнул чехлы и ранец на пол (судя по звуку, он весил точно пуда два), и полез в какой-то из многочисленных карманов.

Мишка ещё толком не успел ничего подумать, — а Йанто уже выпрямился, держа на ладони горсть радужно блестящих шариков величиной с лесной орех. Мишка никогда не видел такого, — казалось, что в каждом шарике дрожит множество красновато-желтых радуг.

— Что это? — ошалело спросил он.

Йанто повернул ладонь. Шарики скатились с неё, превратившись в ожерелье.

— Ав`вэ эраё, — сказал он и протянул ожерелье Ленке.

— Это мне?! — не дожидаясь подтверждения, она цапнула ожерелье, — и тут же с громким стуком уронила его на пол. — Ой! Тяжелое!

— Ав`вэ кин, — Йанто мгновенно поднял ожерелье и сам надел его на ошалевшую вконец Ленку.

— Ой! — она прижала его ладонями к груди, и сразу же побежала к зеркалу в прихожей, конечно.

— Козел ты, — с чувством сказал Мишка, хмуро глядя на Йанто. Другому парню он бы, пожалуй, заехал за такое в ухо, — и удерживала его лишь память об обколоте наконечнике копья перед носом. Таких фокусов Йанто мог просто не понять.

— Пам? — Йанто повернулся к нему, по-прежнему с идиотской улыбкой на лице.

— Ка-зел, — с наслаждением повторил Мишка. — С рогами.

— Пам? Йарр`э? — на лице Йанто появилось озадаченное выражение.

Мишка с удовольствием добавил бы ещё несколько сочных эпитетов, — благо, Йанто не понимал ни фига, — но тут в прихожей восторженно запищала Ленка.

Вздохнув, мальчишка повернулся. На его взгляд, нитка радужных бус поверх синего, в цветочек, халата смотрелась... довольно нелепо. Но Ленка была явно без ума, — даже раздурманилась от восторга. Ну, чисто мартышка и очки. Смотреть противно.

— К`лл лам, — сказал Йанто, глядя на Ленку и вновь улыбаясь.

Мишка вздохнул. Наверное, он бы плюнул на всё и таки врезал Йанто в ухо, — а там будь что будет, — но тут в прихожей снова задребезжал звонок. Ленка, с писком срывая бусы, шарахнулась в комнату. У Йанто в руке как-то вдруг возник нож, — ни фи́га, кстати, не каменный. Жуткая эта штука не походила ни на один нож, виденный Мишкой в своей недолгой жизни, — острым углом срезанная на конце, заточенная с одной стороны толстая полоса сиренево-черного металла, ни разу не похожего на сталь. По лезвию густо бежали мелкие, как крупа, зазубрины, очень неприятные даже на вид, а длинной оно было сантиметров в тридцать, — собственно, не нож даже, а уже почти тесак. Таким голову, наверное, снести можно...

В дверь зазвонили снова, уже настойчивее. Йанто как-то вдруг оказался между ней и Ленкой, — очень естественно так. Похоже, он не раз уже так делал, когда в пещеру к нему вламывался... ну, скажем, медведь. Судя по тому, что Йанто был до сих пор жив, и даже не ободран, медведям хронически не везло.

Вздохнув ещё раз, Мишка поперся открывать, от всей души уже проклиная тот миг, когда его понесло на балкон. Если в этот раз там окажутся родители... но ему и на этот раз повезло: ещё подходя к двери, он услышал за ней взволнованные голоса друзей. Сашка, умница, не только позвонил Витьке, но ещё и дождался его где-то... И быстро же они подоспели. Бежали во весь дух, не иначе...

— Ну, где твой цыган? — едва Мишка отпер дверь, ребята шумно ввалились в прихожую, — запыхавшиеся, мокрые, с блестящими глазами. — Ох ты, ни фи́га себе...

Мишка обернулся. Йанто по-прежнему стоял посреди комнаты. Свой жуткий нож он, к счастью, спрятал, — но зато подобрал с пола копьё, и держал он его... в общем, нехорошо он его держал. Так, чтобы запросто проткнуть любого идиота, который подойдет к нему слишком близко. Из-за его плеча с интересом выглядывала Ленка. Черт знает, чем всё это могло кончиться, — и Мишка, вздохнув, шагнул вперед.

— Ребята, это Йанто. Йанто, это Сашка, это Ленка, а это вот, — Витька.

Йанто повернулся к нему.

— Пам? Йарр`э?

— Друзья это, балда, — с напором, как маленькому, пояснил Мишка. — Понимаешь? Дру-зья.

— Дрр`зья? — повторил Йанто, смешно наморщив нос.

— Друзья, — повторил Мишка. — Убери копьё, балда.

— Пам? — Йанто на мгновение задумался, потом всё же опустил копьё, уперев его тупьем в пол и сложив руки под наконечником. В этой позе было даже что-то торжественное. — Лайу лерту?

— Друзья, — повторил Мишка, уже начиная злиться. — Не опасные. Балда!

— Йо? — спросил Йанто. — Авве?

— Авве, авве, — повторил Мишка. — Успокойся.

— Йам! — Йанто аккуратно отставил копьё к стене и, прижав к груди ладони скрещенных рук, вежливо, слегка, поклонился всем трим.

— Что это с ним? — спросил Витька.

— Поприветствуйте его, — прошипел Мишка. — Так же. А то он обидится.

Ребята вразнобой повторили приветствие. Йанто облегченно вздохнул, и довольно криво улыбнулся. Похоже, что такое количество людей его слегка пугало даже.

— И что нам с ним делать? — спросил Сашка. — Тут его оставлять нельзя, ежу ясно.

— На дачу? — предположил Витька.

— Ага, на автобусе, — съязвил Сашка. — Нет.

— Давайте на чердак его, — предложила Ленка.

— А давайте, — согласился Мишка.

В их панельной «хрущевке» с плоской крышей был большой чердак, целый дополнительный этаж, практически. Мишка, естественно, облазил его вдоль и поперек.

— Давай, пошли, — повернулся он к Йанто.

— Пам? — спросил тот.

— Пам-пам-трапапам! — разозлился Мишка. — С нами пошли! — он на пальцах изобразил идущего человека.

Это, как ни странно, дошло, — Йанто быстро влез в свой ранец и чехлы, и замер, глядя на него вопросительно. Решив не тратить время, Мишка поперся в прихожую и сунул ноги в тапки. Смешно, — но идти никуда не хотелось. Хотелось спать. Голова гудела, словно её лягнул осел. Ну почему приключения сваливаются на неё именно тогда, когда ну совершенно не до них?..

Прислушиваясь и оглядываясь, они поднялись наверх. На самый чердак вела «двухэтажная» железная лестница, жутко крутая и узкая, а перед ней стояла железная же решетка, — чтобы не лазили разные нехорошие люди. Мишка привычно сунулся в щель между прутьями над лестницей... и застрял. На чердаке он в последний раз бывал весной, — а за лето здорово вырос.

— Вот гадство, — тихо сказал он. — Не пролезаю.

— Я пролезу, — предложил щуплый Витька.

— Йанто не пролезет, он здоровый, — рассудительно сказал Сашка.

— И что делать? — спросил Мишка.

Ему совершенно ничего не приходило в голову, но тут Йанто сам сунулся в дыру, предсказуемо застрял, тут же ухватился за прутья и начал тянуть. Под гладкой кожей вдруг резко проступили мускулы, — прямо как на какой-нибудь статуе Геракла. Послышался отчетливый скрип, — и прутья послушно разошлись в стороны. Йанто бодро пропихнул в дыру барахло, потом пролез сам и замер, глядя на ребят сверху.

— Ни фиги ж себе... — сказал Сашка.

Мишка кивнул. Согнуть стальные прутья толщиной с палец не смог бы, наверное, даже стокилограммовый мужик, — а Йанто был всё же не атлетического сложения. Страшно представить, каким здоровым он станет, когда вырастет...

Вздохнув, он полез вслед за Йанто. Здесь, на самом верху, была маленькая дверь, в сущности, — просто обитый железом люк, ведущий в темноту. За ним было сухо, но холодно. Отчетливо пахло голубиным пометом. Под тапками тихо похрустывал шлак. Ступив на него, Йанто зашипел что-то неразборчивое, но ничего больше не сказал.

— Ну вот, — Мишка включил прихваченный с собой фонарик. Бледный луч запрыгал по пыльным бетонным панелям. — Тут мы его и устроим. Там, дальше, в конце уютная комнатка есть...

— Надо матрац притащить, — деловито сказала Ленка. — И одеяло. Иначе он же тут

замерзнет...

— У меня на антресолях старый матрац есть, — сказал Мишка. — И одеяло, бабушкино ещё.

— Ещё подушку надо, — напомнила Ленка.

— Подушки нету. Только пуфик старый от дивана.

— Ладно, тащи пуфик, — распорядилась Ленка. — Да побыстрее, пока предки твои не вернулись!

Вздыхнув, Мишка побрел вниз. Оставлять друзей наедине с Йанто ему не хотелось, — мало ли что! — но спать на чем-то тому действительно надо, и не бегать же друзьям с подушками и одеялами по улице...

Достать проклятый матрац оказалось нелегко, — пришлось ставить табуретку на стул и вытаскивать кучу барахла, чтобы до него добраться. А уж переть всё это на чердак, — и подавно. Пуфик пришлось засунуть в матрац, а сверху всё это обмотать одеялом, — иначе всё сразу было не утащить. Видно за этой охалкой ни фиго не было, и Мишка жутко боялся, что наткнется на кого-то из соседей, — отвечать на расспросы было нечего. В щель между прутьями она не пролезала, и всё это пришлось просовывать в неё по частям, вернее, протаскивать. Мишка взмок, как мышь, и чувствовал себя вполне фигово, в то же время, напряженно прислушиваясь. Наверху, однако, он не слышал ни звука, но это тоже тревожило мальчишку.

Вновь смотав всё в рулон, он пролез на чердак. Тут никого не было, но где-то в конце горел ровный голубоватый свет. Ошалело помотав головой, он побрел к нему.

Здесь было что-то вроде угловой комнаты, — довольно уютной, без окошек, — и здесь прямо из пола бил яркий свет. Мишка не сразу понял, что бьет он из какого-то диска, диаметром в ладонь, — похоже, и его Йанто вытащил из своего ранца. Ничего себе первобытный человек...

Ребята сидели вокруг фонаря и что-то с аппетитом лопали. А, ну да, — ту самую «ветчину», которой его угощал Йанто. Сам Йанто, кстати, ничуть не отставал от остальных. Словно и не ел...

— Как вы тут? — спросил Мишка, сваливая барахло на пол и садясь на него.

— Ничего себе, — сказал Сашка, прожевав очередной кусок. — Лопаем, как видишь.

— Угу, — сказала Ленка, оторвавшись. — Нам ж его ещё кормить надо будет, а он лопает, как лошадь. И одно мясо, наверное.

— Не-а, — ответил Мишка. — Он у меня всю колбасу слопал. И молоко тоже уважает.

— Ну вот, и колбасу, — вздохнула Ленка. — Жрет за троих.

— Здоровый зато, — буркнул Витька. — С ним никого бояться не надо.

— Угу, и цирка не надо, — сказал Мишка. — Ребята, его же на улицу вообще выпускать нельзя! Народ сразу сбежится, как на слона. И привет.

— Ну и что нам с ним делать? — спросил Сашка. — Откуда он взялся-то хоть? Фонарик у него этот... и нож...

— Слушайте, может, он пришелец? — предположила Ленка. — Ну, как в книжках?

— Ага, босиком, и с копьём этим дурацким, — буркнул Мишка. — Не смейся.

— А кто их знает? — сказал Витька. — Вдруг у них такой обычай? Или он это... из зоопарка сбежал. Ну, помните, как у Стругацких? И всякого барахла там набрал?

— Угу, и прямо из Черного Вертолета выпрыгнул, — сказал Сашка. — Без парашюта. Не смейся.

— Тогда откуда же? Шпион американский?

— Ага, прямо с подводной лодки в нашем пруду выпрыгнул, — съязвила Ленка. — С парашютом.

— Нет, ребята, а что делать-то? — спросил Мишка. — Мы же даже расспросить его не можем, он по-русски не знает ни фиги. И ни на каком земном не знает, зуб даю.

— Русский и выучить можно, — бодро сказала Ленка.

— А кто учить будет? — спросил Мишка. — Ты?

— Я, — Ленка ничуть не смутилась. — Я, знаешь, и не таких оболтусов натаскивала.

— Так они ж хоть говорить умели, — сказал Мишка. — А тут...

— А тут по букварю учить буду, — упрямо сказала Ленка. — Он с картинками.

— Вот и учи, — буркнул Мишка. — Только, чур, вместе со мной.

— Боишься? — сразу ощетинулась Ленка.

— Боюсь, — честно признался мальчишка. Он и в самом деле боялся, — до чего может прийти, останься Ленка и Йанто наедине. Она и так уже смотрела на него, как в телевизор, — а Йанто смотрел на неё. Ну, не всё время, конечно, но смотрел. И это Мишке категорически не нравилось.

— Ну... ладно, — неохотно согласилась Ленка. — Я только за книжками сбегаяю.

— Что, ты хочешь прямо сейчас? — спросил Мишка. Голова у него болела уже сильно, да и температура, похоже, поднялась. Мама, как всегда, была права: не стоило ему на балкон босиком выходить. Ну совсем не стоило...

— Да. А что с тобой? — забеспокоилась Ленка.

— Башка раскалывается, — неохотно сказал Мишка. — Вот что, ребята: вы сами уж как-нибудь с ним разберитесь, а я пока домой пойду... Сейчас предки вернутся, — а меня нет, и дома всё разгромлено. И вас дома нет. И вообще... Вы уж позвоните потом, что и как. А мне ещё весь развал убирать...

Глава вторая, в которой ребята понимают, как непросто дружить с первобытным человеком

Проснулся Мишка очень поздно, — уже в десятом часу. Родители, разумеется, давно ушли на работу, дома царила мертвая тишина. За окном был обычный полупасмурный сентябрьский день. Голова прошла, температура тоже спала, осталась лишь какая-то упорная тяжесть в теле, — как обычно, когда простуда проходит. Ну да, — вчера мама, обнаружив ребенка в ужасном состоянии, скормила ему ударную дозу аспирина, и ещё заставила над картошкой дышать... То ли аспирин, то ли картошка определенно помогли, — Мишка чувствовал, что выздоравливает. А то ведь вчера...

Мальчишка резко сел и помотал головой. Наверное, у него вчера был бред. Никто не лез к нему в окно, не лопал его колбасу, не тыкал в нос копьё, и не болтал непонятными словами. Такого, разумеется, просто не могло быть. Ему это померещилось, — да может, и просто приснилось. Он спал жутко долго, — часов одиннадцать, не меньше, — и за это время во снах, как обычно, путаных и непонятных, прошла целая жизнь...

Мишка отбросил одеяло, и, подтянув пятки к заду, одним рывком вскочил. Как был, в трусах, побрел в гостиную. Никого, балкон наглухо закрыт, никаких грязных луж на полу, — ну да, вчера он тщательно вытер всё, и успел к самому возвращению родителей... или ему всё это тоже приснилось?

Мишка вздохнул. Конечно же, приснилось. Перечитал Сат-Ока, — вот во сне к нему в окно и залез самый настоящий индеец. То есть, как раз ненастоящий, как и положено во сне. А все эти подробности и забавные словечки он попросту придумал. Ну конечно же!..

И одеяло я тоже на чердак во сне отнес, подумал Мишка. Если во сне, — то оно, ясное дело, на месте. Если нет...

Сердце вдруг ёкнуло. Мишка замер в тишине, глядя на вспыхнувший вдруг на полу солнечный квадрат. Потом тупо, как во сне, поставил под антресолями стул, на него, — табуретку, осторожно залез на это хлипкое сооружение и распахнул дверцу. Барахло встретило его сплошной стеной древних чемоданов и коробок. Матрац и одеяло лежали за ними. Достаточно вытащить верхнюю, с разборной ёлкой, — и...

Сердце вдруг часто забилося. Мишка поймал себя на том, что страшно хочет слезть и забыть обо всём этом. Сжав зубы, он потащил тяжелую коробку на себя. Сейчас он увидит тугой бок свернутого матраца, — и бред кончится...

За коробкой темнела пустота. Матраца и одеяла не было.

* * *

Наверное, я лунатик, уныло подумал Мишка, аккуратно спустившись на пол. Утащил всё на чердак во сне. Вот блин! Хорошо хоть, никто не заметил...

Он яростно помотал головой. Ещё как заметил: это Ленка попросила его притащить матрац для Йанто. И Сашка это видел, и Витька, и они ему даже звонили, сказали, что всё хорошо, Йанто спит, как сурок...

Вновь вздохнув, мальчишка влез в халат и тапки, и с угрюмой решимостью поперся наверх. Наверняка, никакого Йанто там нет, — но забрать барахло всё равно нужно. Иначе предки рано или поздно заметят, и устроят скандал...

Перед разогнутыми прутьями Мишка замер, словно оглушенный. Сразу вспомнились вздувшиеся на руках Йанто мускулы, и этот тихий металлический скрип... Это что, выходит, во сне его силы удесятились? Или прутья всегда были разогнуты, а ему просто приснилось?..

Вновь яростно помотав головой, он пролез в дыру. Выбравшись на чердак, Мишка выпрямился и замер. Пусто, разумеется... но в самом конце, — как раз там, куда они отвели Йанто, — мерцали слабые отблески огня. Пожар... или, скорее, костер.

Мишка замер, глядя на него. Вдруг со страшной силой захотелось спуститься вниз, забраться в постель, накрыться с головой одеялом, — и лежать так весь остаток жизни. Потому что...

Наверное, там обосновался бич, подумал Мишка, сбросив тапки, и босиком пробираясь вперед по колючему шлаку. И он явно будет мне не рад. Ну и ладно, мне только одним глазком посмотреть...

Но, едва заглянув в комнату, Мишка ошалело замер.

Йанто, разумеется, был здесь. Он деловито жарил кролика над аккуратным, небольшим костром, и только улыбнулся Мишке, не прерывая своего, ответственного, как видно, занятия. Кролик жарился на тщательно изготовленном вертеле, пахло... пахло очень вкусно.

Мишка ошалело помотал головой. Кролики в здешних лесах не водились, — в этом он был совершенно уверен. Зайцы, насколько он помнил, тоже. Ближайшим местом, где он мог найти кролика, была деревня Зубровка, в семи километрах от города. Наверняка, Йанто, в душевной простоте своей, забрался к кому-то во двор, и попросту украл его. Нет, точно украл, — на стене висели ещё две аккуратно ободранных, как в магазине, тушки. Зайцы стаями не бегают, это Мишка знал точно...

Йанто вновь улыбнулся ему и помахал рукой, подзывая к себе. Выглядел он очень довольным, словно и не бегал всю ночь по холодным сентябрьским лесам. Ну да, для бешеной собаки сорок верст не крюк, — что Йанто стоит сбегать посреди ночи в ближайшую деревню, чтобы добыть себе завтрак? Он, наверное, всегда так живет... только вот где?..

Вздохнув, Мишка сел к костру, бездумно протянув руки. Тепло... У стены лежала немаленькая охапка валежника, — похоже, Йанто натаскал его из соседней лесополосы. Ранец и копьё стояли у матраца, там же стоял лук со спущенной тетивой и колчан со стрелами. Мишка, не отрываясь, смотрел на него, — вот что, выходит, Йанто таскал в своих чехлах!

Лук был очень странный, — из чего-то синеватого, обтянутый на концах обмотанной веревками кожей. У Мишки просто руки чесались посмотреть его поближе, но он всё же не решался, — кто знает, что подумает об этом сам Йанто?

Тот, между тем, снял кролика с огня, понюхал, и, очевидно, сочтя его готовым, приставил вертел к рогульке с другой стороны, — остывать.

— Фт`эй авве, — сказал он с улыбкой.

— Привет, — ответил Мишка и тоже улыбнулся. Что делать дальше, он не знал. Ленку на помощь уже не позовешь: она в школе и освободиться только к вечеру. А русский язык подтянуть он бы и сам не отказался.

— Пр`вет, — повторил Йанто. — Нэ?

— Да, — сказал Мишка. — Нэ — да. Понимаешь?

— Пр`вет, — да, — ответил Йанто. — Йомханг?

Мишка улыбнулся. Так или иначе, но начало было положено... и отложено, потому что тут Йанто вспомнил о кролике. Подняв вертел, он протянул его Мишке. Тот взялся за другой конец, — но Йанто не спешил отпустить свой.

— И что? — спросил Мишка.

— Э`ви авве, — Йанто улыбнулся. Вытащив свой жуткий нож, он одним молниеносным движением разрубил кролика пополам — вместе с вертелом! — так что в руках у Мишки осталась лишь его задняя часть.

— Ни фига себе... — выдохнул он. Конечно, разрубить таким вот тесаком палку в палец толщиной очень даже можно — но он даже толком не почувствовал удара. Да что там удар! Он и движения Йанто почти не заметил — так, мелькнуло что-то... и смотрелось это жутковато. Наверняка, гость рубил так не одно только жаркое...

Йанто чуть удивленно посмотрел на него, убрал нож, полез свободной рукой в ранец. Достал увесистый кожаный мешочек, похожий на кисет, зубами распустил завязки...

Мишка ожидал увидеть соль, — но там оказалось что-то темное, похожее, больше на золу. Йанто сгреб её пальцами и щедро посыпал свою часть кролика. Потом, снова с улыбкой, протянул мешочек Мишке.

— Что это? — спросил тот.

Где-то он читал, что первобытные люди пользовались золой вместо соли, — но картошку с золой он уже пробовал, запеченную — и вкус не слишком понравился ему. Да и на зубах скрипит противно...

— Фтэ, — ответил Йанто, продолжая протягивать мешочек. Отказываться было невежливо, и Мишка запустил пальцы внутрь.

К его удивлению, там оказалась не зола, а что-то, вроде чая, — какая-то высушенная и мелко истолченная трава, ещё и с чем-то смешанная. Вздохнув, он посыпал этой смесью свою часть кролика.

Йанто вновь улыбнулся ему и сел, поджав ноги. Мешочек он поставил между ними, — и, взявшись за вертел, вцепился в мясо зубами. Мишка последовал его примеру. Чуть не обжег руку о горячее мясо, вздохнул, — руками есть было всё же непривычно, — и тоже откусил кусок, тут же удивленно уркнув. Оказалось очень вкусно. Трава напоминала базилик, и была смешана с солью, не обычной, а, скорее, морской, горьковатой, — очень необычное, но вовсе не плохое сочетание.

Мальчишка не завтракал, а потому лопал с завидным аппетитом, — как, впрочем, и сам Йанто. Довольно быстро от кролика ничего не осталось. Мишка не знал, что делать с костями, — да и с жирными руками, если на то пошло, — но Йанто разгреб ногой шлак и похоронил в нем останки несчастного кролика. С руками он разобрался ещё проще — облизав их. Мишка усмехнулся: попробуй он проделать что-то подобное за столом — точно заработал бы ложкой по лбу. Но выбора, увы, не оставалось — не вытирать же руки об халат? — и пришлось последовать примеру Йанто. Тот смотрел на него с откровенной усмешкой — но не обидно, а... как на младшего брата, наверное.

— Слушай, — сказал Мишка. — А откуда ты взял этот нож?

Йанто непонимающе взглянул на него.

— Пам?

— Нож, — мальчишка протянул руку, указав на синевато-серые пластмассовые ножны. — Откуда?

— Кэ`нэр? — недоуменно спросил Йанто. — Крр?

— Откуда ты его взял? — повторил Мишка. Йанто по-прежнему внимательно смотрел на него, и молчал. Показывать своё оружие он явно не собирался. Наверное, на этот вот счет в его племени существовало какое-то строгое табу.

Мальчишка вздохнул, осмотрелся, потом подошел к охапке дров, взял обломок сука, засунул за пояс халата. Посмотрел на Йанто. Показал на обломок, на охапку. Повторил:

— Откуда?

Йанто почесал в затылке, — потом до него, наконец, дошло. Он вдруг пугающе быстро поднялся, подошел к своему ранцу и достал оттуда рулон какого-то белого материала, — казалось, он сам смутно светился в полумраке, как пролитое молоко. Йанто расстелил его по постели и жестом подозвал Мишку поближе. Тот сразу же подошел, с интересом глядя на гладкий, примерно полуметровый квадрат. Потом, не удержавшись, потрогал. Материал был толстый, мягкий и удивительно скользкий, — наверное, какая-то пластмасса.

Йанто, между тем, достал из ранца странный предмет, — что-то вроде полукругло расплющенной на конце черной палочки. Взяв его поудобнее, он провел острием по листу, — на нем осталась ровная синяя черта.

Йанто посмотрел на Мишку, улыбнулся, и провел по листу расплющенным концом палочки. Черта, как по волшебству, исчезла. Чем-то это походило на древнегреческое стило, которым можно было и писать, и заглаживать написанное, — но на листе не осталось совершенно никаких следов. Мишка даже потрогал его, — ничего. Та же идеально гладкая поверхность. Прочная. Вовсе не воск.

— Что это? — спросил он.

Йанто удивлял его всё больше. Мишка и не слышал о таких вот штуках, — но они не фи́га не походили на первобытные. Даже на американские не очень.

— Фйа`о, — ответил Йанто. — Кэл`вэйа фйа`о.

— Понятно, — буркнул Мишка. — Для чего это?

Йанто сел поудобнее... и начал рисовать. Всего за пару минут из под его «пера» вышел портрет самого Мишки, — похожий, больше, на карикатуру в стенгазете, но всё же, вполне узнаваемый.

— Йо? — Йанто повернулся к нему. — Кайу`крр хум крр не клл`тэ?

— Не так страшна мама, как рисуют её первоклассники, — пробормотал Мишка, глядя на собственную губастую лопающую физию. Нет, попадись такое в стенгазете, — он бы точно надрал художнику уши, — просто для вдохновения.

— Пам? — от задумчивости между бровями Йанто даже пролегла смешная морщинка. — Йарр`э?

— Фигня это, — сказал Мишка, пристально глядя на него. — Фиг-ня, понимаешь?

— Фиг`я? — повторил Йанто.

— Фигня, фигня, — сказал Мишка. — Сотри это.

— Пам?

— Пам-пам! — разозлился Мишка. — Сотри!

Он протянул руку и сам яростно потер рисунок. Безрезультатно. Эта странная штука рисовала не чернилами, — если вообще чем-то рисовала. Казалось, что рисунок, как татуировка, скрыт в глубине странного полупрозрачного материала.

— Не фигя ж себе... — сказал мальчишка.

— Фиг`я? — повторил Йанто. — Йомханг? — он, наконец, повернул «стило» и быстро стер рисунок. Задумчиво взглянул на Мишку. Начал рисовать вновь, уже не так быстро.

Под его рукой на листе постепенно проступал... город. Чем-то очень похожий на Ригу, которую Мишка не раз и не два видел в фильмах, — трех-четырёхэтажные, уютные какие-то здания, какая-то площадь...

Но не Рига. За крышами в лохматые тучи уходила трехгранная башня, немислимой, должно быть, высоты.

У Мишки вдруг пересохло в горле. Сам по себе рисунок был не бог весть какой, — нацарапай такой, например, Витька, он бы и ухом не повел, а то бы и сказал, что меньше фантастики читать надо. Но Йанто не умел читать. Он не мог видеть фильмов. Он мог рисовать только то, что видел своими глазами. А Мишка превосходно знал, что таких вот высоченных зданий на Земле нет. Пока что. Так откуда же взялся Йанто? Из будущего? С луком и грязными пятками? Нет, бред... Разве что его завезли на Землю с какой-то совсем дикой планеты...

Но Йанто, между тем, быстро рисовал дальше, — и Мишка вдруг почувствовал, что в глубине живота расплзается неприятный такой холодок. Сам по себе возникавший под рукой Йанто рисунок пугающим совсем не был — пугала мысль, что такое вот бывает наяву...

...Какой-то канал или туннель — не разобрать, заваленный разбитыми машинами, бочками и ещё каким-то хламом... посреди него — солдат или, скорее, какой-то полицейский, — в противогазе и каких-то толстых щитках, похожих на щитки черепахи... в руках — какая-то непонятная фиговина, похожая на раздвоенный автомат — но точно не знакомый Мишке АК-47 или даже американский М-16. Снова «смена кадра» — «полицай» лежит у бочки, из горла торчит стрела. Над трупом стоит сам Йанто, держа тот самый нож в ножнах.

Мишку передернуло. «Полицай», что и говорить, смотрелся жутковато, — но он в жизни не решился бы взять любую вещь с покойника.

Тут же он понял, что покойником «полицай» стал не сам. Его убили. И убийца — сидит сейчас прямо перед ним, довольно улыбаясь. Стало страшновато. Он уже видел Йанто, так сказать, в деле, — и понимал, что в случае чего шансов у него не будет. Ни малейших.

— Так ты его в самом деле... того? — наконец, спросил он.

— Нэ! — Йанто мгновенно вскочил, схватил лук, и вдруг бросился в глубину чердака, прыгая туда и сюда, словно сумасшедший заяц и издавая совершенно дикие звуки, — наверное, изображая выстрелы или свист пуль. Колесом — только пятки в воздухе мелькнули, — нырнул куда-то в сторону, скрылся. Тут же выскочил, вскинул лук, рванул тетиву, — лук издал внушительный басовый звук и Мишка невольно дернулся, хотя и видел, что стрелы на тетиве нет.

Йанто отшвырнул лук, схватил себя за горло, грохнулся на спину, выгнулся, суча ногами и булькая. Мишку снова передернуло, — очень уж натурально всё это смотрелось. Совсем не забавно.

Йанто замер, тут же вскочил и гордо водрузил босую ногу на труп невидимого врага. Мишка даже на мгновение поверил, что он в самом деле там лежит. В любом театре Йанто оторвали бы с руками.

Юный актер, между тем, деловито подобрал лук и стремительной рысью вернулся в

комнату. Замер перед Мишкой, гордо выпрямившись и широко улыбаясь. Его зубы и белки глаз, казалось, сами светились в полумраке. Всё представление заняло, по ощущениям, всего секунд десять.

— Э`ал — э`ко — э`конг! — заявил он, тут же мотнул головой, поставил лук на место и вновь сел у костра, скрестив босые ноги. — Йанто — ф`кэу цам`си`ю!

— Йанто — великий воин? — с усмешкой перевел Мишка. Йанто энергично кивнул.

— Йанто — в`кий ве`ен. Нэ?

— Воин, — машинально поправил Мишка. — Во-ин. Понимаешь?

— Вой`ен, — повторил Йанто и улыбнулся. — Керусей?

— Воин, воин, — сказал Мишка и вздохнул. Стыдно сказать — но он чувствовал сейчас что-то, вроде весьма черной зависти. Дед много рассказывал ему, как бил фашистов на Втором Белорусском, — и Мишка порой мечтал попасть в сорок первый, — или хоть в сорок четвертый, с автоматом, а ещё лучше, — на танке. Уж он бы тогда...

— Воин, — повторил Йанто неожиданно чисто и Мишка вздрогнул. Учился Йантс очень быстро. Дикарь там или нет, — но дураком он точно не был. — Дэ?

— Да, — поправил Мишка. — Нэ — да. Понимаешь?

— Да, — Йанто широко улыбался, должно быть, в знак одобрения своей сообразительности. — Нэ — да. Йомханг?

— «Йомханг» — это «хорошо»? — спросил Мишка.

Йанто подумал, закатив глаза под лоб.

— Да. Хрр`шо.

— У тебя язык смешной, — сказал Мишка. — Как у белки какой-то.

— Пам? — Йанто удивленно взглянул на него. — Йарр`э?

— «Пам» — это «что»? — спросил Мишка.

— Пам — да. Ч`то, — всё же, земные сочетания звуков пока давались Йанто не очень хорошо.

— Послушай... — сказал Мишка. Любопытство его буквально распирало, — а как ты сюда попал?

Йанто молча смотрел на него, словно хвалимый кот. Мишка вздохнул. Взял «стило» и кое-как нацарапал рядом с убитым «полицаем» родной дом. Провел к нему жирную стрелку. Поставил над ней не менее жирный знак вопроса и снова посмотрел на Йанто. Тот очень внимательно следил за ним, — даже брови сдвинул от напряжения. Потом недовольно помотал головой и посмотрел явно вопросительно.

— Йарр`э?

Мишка вздохнул. Задача явно предстояла не из легких. Прикусив от усердия язык, он по памяти нарисовал город с башней, рядом — схематичную фигурку Йанто с луком, идущую к его дому, и снова поставил жирный знак вопроса.

На этот раз до Йанто дошло. Забрав у Мишки «стило», он быстро стер все рисунки. Подумал, начал рисовать вновь.

Мишка смотрел, чувствуя, что с каждым штрихом запутывается всё больше. Какая-то долина с рекой, окруженная неправдоподобно высокими деревьями, и ещё более неправдоподобно кудрявыми облаками. Над рекой, на выступе скалы, — сам Йанто с ранцем и луком в руке, с закрытыми глазами. Наверху, в воздухе — фигурки людей. Какие-то зигзаги, — то ли молнии, то ли просто работа мысли. Сам Йанто, летящий вверх ногами в вихре. Он же, с обалделым видом сидящий у дерева, в котором без натуги угадывалась

обыкновенная земная сосна. Какая-то смутная светлая полоса, обрамленная темным. Гусеницеобразное огнедышащее чудище, в котором Мишка лишь с большим трудом узнал поезд...

Закончив рисунок, Йанто вновь улыбнулся и ткнул пальцем в Мишкин нарисованный дом.

— Кэл`ку авве, — сказал он.

Мишка ошалело почесал в затылке. Кое-что, похоже, начинало брезжить: Йанто явно попал сюда из какого-то другого мира. Но как, черт его побери? На инопланетного пришельца он всё же не тянул. Слишком уж обычный. Ни зеленой кожи, ни рожек, ни щупалец. И хвастаться ещё любит.

— Откуда ты? — спросил он.

Йанто зевнул, сонно глядя на него. Ну да — он же всю ночь носился, и «батарейка вдруг села», как говорила мама в таких случаях...

— Заяц сонный, — буркнул Мишка. Он пририсовал к дому схематичного себя, потом нарисовал в стороне такого же схематичного Йанто. А над ним — жирный знак вопроса.

На сей раз до Йанто дошло сразу. Он забрал у Мишки «стило», и, небыстро уже, то и дело зевая, нарисовал какой-то густой лес с двурогими деревьями, а над ними — конус горы, увенчанной роскошной гривой дыма.

— Вулкан, — буркнул Мишка. — Очень информативно, — но чего же он ожидал? Что Йанто нарисует ему звездную карту и скажет, с какой планеты он явился? Он, поди, и слова-то такого не знает, считает, что земля плоская, а родина для него — то, что он привык видеть вокруг...

Мальчишка почесал в затылке. Ладно, черт с ней, — родина Йанто вполне может подождать. Но как он, черт побери, сюда попал? Не с Черного же Вертолета спрыгнул, в самом-то деле?

Не придумав ничего лучшего, он нарисовал Йанто в кружке, себя — в таком же кружке. И соединил их стрелкой со знаком вопроса.

Йанто удивленно взглянул на него. Буквально выхватил «стило». Стер Мишкину стрелку, начал торопливо рисовать. Кружки... кружки... кружки с какими-то непонятными загогулинами... стрелка прыгала от одного к другому, кружков становилось всё больше, — и к кружку с Мишкой она прыгнула после, наверное, десятого, да и то, похоже, лишь потому, что на листе уже не оставалось места.

— Ни фиги себе... — выдохнул Мишка. Он начал, наконец, понимать, откуда у первобытного юноша такое количество странных вещей — понимать, но не верить, потому, что поверить в такое вот было просто невозможно. — Так ты умеешь... путешествовать между мирами?

Йанто очень спокойно посмотрел на него, — как человек, добравшийся, наконец, до цели длинного и трудного пути.

— Да.

И зевнул. Глаза у него закрывались, и Мишка понял, что толку от дальнейшего разговора не будет. Да и у него самого голова, честно говоря, просто шла кругом.

Он ещё раз посмотрел на усеянный кружками лист. Интересно, сколько уже лет Йанто вот так шарится по мирам... только не спросишь уже: душераздирающе зевнув, Йанто на заплетающихся ногах побрел к подаренному матрацу, сел на него. Сонно посмотрел на Мишку. Снова зевнул. Неразборчиво сказал что-то вроде «у`рар алым» — наверное, это

значило «спокойной ночи» или «пойди нафиг, спать хочу». Мишка неохотно поднялся.

— Ладно, дрыхни... авве, — сказал он. Похоже, что это словечко обозначало что-то вроде «друг».

Йанто сонно посмотрел на него, пробормотал что-то вроде «фа авве», тут же плюхнулся, замотался в одеяло и, похоже, мгновенно задрях. Мишка видел лишь его волосы и босые ноги, довольно-таки грязные. Взгляд его соскользнул на стоявший рядом лук, потом на ранец. Страшно хотелось посмотреть, какие ещё диковины в нем спрятаны, — но героическим усилием Мишка подавил это желание. Получилось бы подло, — да Йанто и не станет ничего прятать, непременно похвастается всем, что собрал на долгом пути...

Ещё раз вздохнув, мальчишка пошел домой.

Глава третья, в которой из-за любопытства всё идет кувырком

Весь этот день Мишка провел, как во сне. Казалось, что голова превратилась в бесконечно крутящийся барабан с лотерейными билетами, — мысли пересыпались и шуршали, казалось, сами по себе, и никак не желали утомиться. Или в голове шуршал и пересыпался весь Мишкин мир — всё, что он до этого знал, оказалось... ну, пусть верным, — но совершенно, безнадежно неполным. Нет, в то, что другие миры существуют, он верил, но в то, что какой-то дикий совершенно мальчишка сможет, черт его знает, каким способом, прыгать, или входить, или что он там делал — из одного в другой? Такое вот в строго материалистическую картину Мишкиного мира не укладывалось совершенно никак. Но и в то, что Йанто, — просто ушлый шутник, специально притащивший кучу диковин единственно для того, чтобы разыграть его, уже совершенно не верилось.

В общем, ощущение было такое, словно он поднес к глазам расфокусированный бинокль — вроде бы и видно, и, в то же время, не видно ни фиги — смотря, какой глаз закрыть. И тянет повернуть колесико — да только не нащупать. Помочь тут могли только дальнейшие расспросы, — но Мишка понимал, что Йанто продрыхнет до вечера, а туда-сюда без нужды бегать глупо: могут и заметить. Но и сидеть дома, считая секунды, тоже было совершенно невыносимо.

Мишка сбегал в магазин (не удержался, конечно, и по дороге заглянул на чердак — но Йанто дрых непобедимо), а потом сделал совершенно неожиданную для себя вещь: взял из стола чистую тетрадь — и начал записывать всё, что случилось. Раньше Мишка терпеть не мог писать, — писал только то, что заставляли в школе, — а теперь вдруг понял, что это занятие чудесно помогает разложить мысли по полочкам. Да и время занять, чего там, — когда Мишка, наконец, выдохся, был уже второй час. Он удивленно посмотрел на тетрадь, — Зинаида Петровна, русичка, точно офигела бы от такого подвига, — и отправился обедать. Но тут же, по закону подлости, зазвонил телефон. Звонил Сашка, разумеется.

— Привет, — сказал он. Голос у него был запыхавшийся, — ну да, примчался из школы и сразу кинулся звонить. — Йанто как?

— А что с ним станет? — ответил Мишка с поразившим его самого спокойствием. — Дрыхнет.

— Снова? — удивился Сашка.

— Ну да. Он ночью на охоту бегал, представляешь? Кролика добыл. Меня угостил даже.

— Сырым?

— Ну почему, — обиделся Мишка. — Жареным. На костре. Дров он тоже притащил.

— А зажег чем? — спросил прагматичный Сашка.

Мишка почесал в затылке. Об этом он как-то не подумал.

— Не знаю, — честно ответил он. — Не застал.

— Проспал?

— Угу. Кто его знал, что он ночью попрется?

— Беспокойный пассажир, — сказал Сашка с неожиданным одобрением. — Ладно, пока, мне уроки надо делать. Вечером созвонимся, ладно?

Мишка, вздохнув, положил трубку — но телефон тут же вновь зазвонил. В этот раз звонил Витька. Ну а Ленка, понятно, не стала звонить, а зашла лично. Конечно же, на глаза

ей попалась злосчастливая Мишкина тетрадь, и остаток дня он провел, переписывая свой первый литературный подвиг начисто.

* * *

Когда Сашка, наконец, позвонил во второй раз, Мишка даже удивился: он ждал этого звонка так долго, что даже перестал в него верить. Дело в том, что в голову ему пришла некая, совершенно гениальная идея — а, так как возможности осуществить, или, хотя бы, проверить её на практике пока что не было, время тянулось мучительно медленно.

От нетерпения мальчишка принялся читать собственноручно написанную историю вчерашних приключений, — и едва не спалился, потому что несвойственный ему ранее интерес к тетрадям удивил родителей, и пришлось врать, что Ленка натаскивает его по русскому, и он повторяет материал. Что было, в общем, чистой правдой, — только не всей, а хорошего настроения Мишке это отнюдь не добавляло. Всё же, врать родителям он не любил, и делал это лишь в совершенно крайних случаях, — вроде того, что куртку он порвал зацепившись за гвоздь на заборе, а не сползая с крыши соседней пятиэтажки и весело дрыгая ногами в пустоте. Родителям такие вещи знать, определенно, не стоило. Последнюю его идею они бы тоже точно не одобрили, так что Мишка старался вести себя, как обычно, чтобы не возбуждать ненужных подозрений. Вроде бы получалось, хотя окончательно он и не был уверен. И вот...

— Выходи давай, — без долгих предисловий сказал Сашка. — Мы идем уже. И пожрать что-нибудь прихвати, а то Ёанто снова на охоту пойдёт, а там мало ли что...

— Хорошо, иду, — только и смог сказать Мишка. — Мама, можно я гулять пойду? — тут же спросил он, положив трубку. Это была решающая часть плана, и он, на самом деле, очень волновался. Если сегодня ничего не получится, — до завтра он может просто не дожить. Мишка чувствовал это.

— Ну, куда ты пойдешь, больной? — вполне предсказуемо, впрочем, сказала мама.

— Я только в подъезд, — Мишка неожиданно смутился, хотя сказал, в общем, чистую правду.

— К Ленке? — сразу же догадалась мама. — Ладно, иди. Только на улицу — ни-ни, понятно? Тебе завтра в школу уже, знаю я тебя.

— Спасибо, мам! — в прихожую Мишка, казалось, вылетел на крыльях. Одеваться, правда, пришлось по полной программе (мама вполне отчетливо подозревала, что подъездом он всё-таки не ограничится), но Мишка, собственно, не возражал, — на чердаке, куда он собирался, и в самом деле было холодно. Утащить что-то съестное в таких условиях не получилось бы, но уж это Мишка предусмотрел заранее: еще днем купил дюжину яиц (на свои карманные деньги, между прочим!), сварил их, и заранее отнес на чердак, чтобы торжественно вручить их Ёанто. Хотелось сделать это побыстрее, но Мишка решил дождаться друзей: честно сказать, идти наверх одному почему-то не хотелось.

Вздыхнув, он присел на подоконник, но ждать долго ему не пришлось: буквально через несколько минут внизу гулко хлопнула дверь и послышался знакомый топот.

— Мишк, привет! — Сашка отсалютовал «авоськой», из которой торчала палка копченой колбасы, — к прокорму Ёанто он подошел, как обычно, основательно. «Авоська» была и у Ленки, в ней покоилась литровая бутылка молока. В другой она, почему-то,

держала свой школьный портфель. Ну да — там же книжки, она решила Йанто русскому учить, вспомнил мальчишка. У Витьки сумок не было, зато на груди болтался отцовский фотоаппарат, возможно, добытый не совсем легальным способом.

— А это зачем? — удивленно спросил Мишка.

— А на память! — ответил Витька. — Йанто сфотографировать надо, а то никто в жизни не поверит же.

— А на фига? — спросил Мишка. — Меня и так почти уже сегодня замели, когда... — он едва успел прикусить язык.

— Ну, это... для науки, — Витька, почему-то, смутился.

— Жратва для Йанто где? — оборвал спор Сашка.

— Наверху уже, — ответил Мишка. — Ладно, пошли. Только тихо, а то нас Марфа Петровна из шестьдесят четвертной точно накроет...

Протискиваясь через прутья в теплой куртке и не менее теплых штанах оказалось непросто, и Мишка едва не застрял — но, протиснувшись, вздохнул с облегчением. Йанто точно был на месте, — в конце чердака уже привычно мерцал свет костра. Отчетливо пахло дымом. И жареным мясом, — ну да, вспомнил Мишка, у Йанто ещё два кролика же, ему наша колбаса нужна, как рыбе зонтик...

— Вот дурак, — хмуро сказал Сашка. — Кто в подъезде учует или в окно заметит — и привет, пожарные с милицией.

— Там в комнате окна нет же, — сказал Мишка.

— Ладно, замяли. Жратва где?

— А вот, — Мишка поднял узелок с вареными яйцами.

— О, нормально. Пошли.

Йанто, разумеется, уже ждал их: один кролик жарился на вертеле, второй уже остывал, на вертеле же, вертикально всаженном в шпак. Сам виновник торжества встретил их стоя, в знакомой «рыцарской» позе, положив руки на копьё и широко улыбаясь.

— Фт`эй авве, — сказал он. — Соэ, — он широко повел рукой, приглашая к, так сказать, столу.

Отказавшихся, как легко догадаться, не было. Ленка испуганно пискнула, когда Йанто ловко располовинил кроликов своим жутким тесаком, — но возмущаться, почему-то, не стала.

Угостив гостей, Йанто почесал в затылке, — ему ничего не осталось, — но Сашка торжественно вручил ему колбасу. Йанто сказал своё «йам!», сел, и тут же начал точить её, словно кролик морковку. Смотрелось это уморительно смешно, и Мишка пару раз едва не подавился. Точно подавился бы, если бы Ленка не ткнула его локтем в бок.

Какое-то время все сосредоточенно жевали. Пахнувший дымом кролик с приправой-фтэ оказался удивительно хорош. Колбаса тоже пошла у Йанто на ура, так что взятого Ленкой молока на всех оказалось явно мало.

— Дальше что? — спросил Сашка, деловито облизывая пальцы и глядя на глупо улыбавшегося Йанто. Улыбался тот, глядя на Ленку, и Мишке это категорически не нравилось.

— А вот! Смотрите, — Мишка подтянул к себе забытый Йанто разрисованный лист. — Видите?

— Ни фига себе, — Сашка пощупал странный материал. — Где он это взял-то?

— Ты сюда смотри. Видишь? Йанто к нам из другого мира попал. Вот отсюда, —

Мишка ткнул в кружок с вулканом. — Через все эти миры. Понимаешь?

— Сам? — недоуменно спросил Сашка. — Безо всего?

— Ну, я не знаю, — Мишка покосился на Йанто. — Тут спрашивать уже надо.

— А нас он с собой может в какой-то мир забрать? — спросил вдруг Витька. — Ну, просто посмотреть?

Мишка улыбнулся.

— Я уже думал об этом. Давайте спросим.

Взяв «стило», он нарисовал рядом с Землей ещё один, пустой кружок со знаком вопроса, потом показал на себя, на друзей, и ткнул в него пальцем.

Йанто какое-то время удивленно смотрел на него, потом пожал плечами.

— ЪГаюн, авве.

— Не знаешь? — перевел Мишка.

Йанто вновь пожал плечами.

— ЪГаюн. ЪГ`хейю ит.

— Надо попробовать?

Йанто кивнул.

— ЪГ`хейю — да.

— Ну так попробуй!

Йанто хмуро посмотрел на него.

— Инг лы`сы. У`рар ф`ко. Кар`йу. Нгуйай. Йомханг?

— Может не получится? — перевел Мишка. — Ну... от нас всё равно не убудет же. Давай, — он снова ткнул в кружок.

Йанто вдруг широко улыбнулся.

— Йэ, авве! Пайум!

Он стремительно вскочил, свернул лист и сунул его в ранец. Лук моментально отправился в чехол, через секунду к ранцу оказалось прицеплено и копьё. Йанто осмотрелся, глядя, не забыл ли чего, потом протянул Мишке руку.

— Сут`тэ, авве.

— Ага, — Мишка крепко сжал его шершавую горячую ладонь. Йанто протянул вторую руку Сашке.

— Сут`тэ.

Сашка взялся за его руку с другой стороны. Ленка и Витька не заставили себя долго ждать и взяли за руки уже их, — получилось что-то вроде хоровода.

— И что дальше? — спросил Мишка.

Йанто покосился на него.

— Тайу ту тэ. Йур.

— Не мешай? — перевел Мишка.

Йанто кивнул. Потом закрыл глаза и замер, словно прислушиваясь к чему-то.

Мишка тоже замер... но ничего не случилось. Йанто стоял, словно столб — и, казалось, даже не дышал. Ребята ждали. Прошла минута, вторая...

Нетерпеливо вздохнул Витька. Ленка переступила с ноги на ногу. Сашка недовольно засопел.

Да ну, фигня всё это, подумал Мишка. Всё это — просто очень ловкий розыгрыш. Сейчас Йанто рассмеется, и на чистом русском скажет «размечтались, одноглазые!» И...

У него вдруг страшно закружилась голова. Освященная костром комната завертелась

вокруг, словно в какой-то сумасшедшей карусели. Мишка вдруг почувствовал, что падает — но не вниз, даже не вверх, а...

Какая-то чудовищно мощная сила подхватила его и швырнула в ревущую черноту.

* * *

На какой-то миг он просто исчез, растворился в ревушем миллионами голосов мраке. Потом его словно ладонями ударили по ушам — резко и больно! Каменистая земля бросилась под колени. Мишка ударился в неё руками и замер, пытаясь осознать, что это с ним, и на каком это он свете. В нос ударил жаркий, пахнущей серой воздух, сухой и пыльный. Как-то вдруг мальчишка понял, что стоит на четвереньках, глядя на буро-фиолетовую россыпь камешков, освещенных низким, словно бы закатным солнцем.

Мишка яростно помотал головой и поднялся. Неспешно, так как тело стало неожиданно тяжелым. И замер, ошалело открыв рот.

Затхлая чердачная комната исчезла без следа. Перед ним лежала неровная долина, заваленная камнями всех форм и размеров, черно-фиолетовая в свете садящегося в пыльную багровую мглу невероятно огромного, приплюснутого солнца, — на его поверхности отчетливо виднелись пятна. Солнце было наискось перечеркнуто смутной черной полосой — или, скорее, целым пучком разнокалиберных полос. Над головой они превращались в невероятную розовато-белую дугу, перемахнувшую всё небо, — тоже словно набранную из полос разной яркости и толщины. Слева от неё висели два розовато-фиолетовых серпа, заполненных смутным свечением, — совсем как молодая луна. Хотя, почему это «совсем»? Это луны и есть. Две, — как-то отстранено подумал Мишка. Точно не Земля.

Ошалело моргнув, он перевел взгляд на землю. Справа, словно окаменевшее вдруг грозное облако, в небо поднимался багрово-фиолетовый скалистый кряж. Исчерченный черными отвесными теньями, он неровными уступами убегал к продернутой волокнами безмерно далеких облаков смутной фиолетовой мгле, в которой, ещё не касаясь горизонта, тонуло солнце. Слева, словно руины обелиска, торчал уступчатый утес, а за ним, дальше — другой, огромный, похожий на средневековый замок с донжоном. И нигде — никаких следов жизни. Фиолетово-рубиновая светящаяся мгла стучалась перед безмерно далекими скалами, словно парящее в воздухе озеро.

Мишка смотрел на всё это, пока солнце не зашло, и мрачное фиолетовое сияние не померкло, растворившись в почти черной гряде безмерно далеких облаков. Над ней серебрилось два лунных серпа, — один вдвое больше земного, — и неизменно сияла колоссальная ажурная арка. Справа от неё на багрянце заката горели две неожиданно ярких звезды, — желтая и белая.

Вновь помотав головой, Мишка обернулся, тут же испуганно вздрогнув, — едва ли не за его спиной торчал ржаво-рыжий волокнистый стебель толщиной в его тело и высотой метра в четыре, раздвоенный на конце и увенчанный парой светло-рыжих пузырчатых «шишек». За ним, до далеких зеленовато-бурых холмов, тянулись такие же растения. Окруженные увенчанными такими же «шишками» подростом, они росли далеко друг от друга, — наверное, за целые десятки метров. Между ними там и сям прозрачными столбами поднимался пар, а за холмами вздымался морщинистый конус горы, увенчанный огромной тучей клубящегося дыма, — внизу темная, наверху она ещё золотилась в лучах уже ушедшего за горизонт

солнца. От неё к земле тянулись темные космы, словно бы дождя, — но не дождя, конечно, а пепла.

От горы тянулся глухой, но непрерывный грохот, земля под ногами иногда вздрагивала, — словно в неё что-то поддавало снизу. Слева виднелись конусы других, бездействующих вулканов, и, где-то, уже очень далеко, золотились клубы другой дымной гривы. Сияющая полосатая арка ныряла за них, — а рядом с ней висели ещё две луны, одна меньше земной, вторая — раз в пять больше. Всё было похоже на какую-то картинку о Земле времен архейской эры — и, в то же время, совершенно ни на что не похоже.

Мишка вновь помотал головой и ещё раз осмотрелся. Сашка обалдело смотрел на перемахнувшую всё небо арку, — в самом деле, что это такое? Витька тоже. Ленка прижимала к груди свой портфель. Йанто, взобравшись на большой валун, вытянулся в струнку, осматриваясь и принохиваясь. Мишка чихнул. Едкий, пыльный воздух ощутимо щипал нос.

— Что это? — спросил Сашка, показывая на арку. — Офигеть. Концов не видно. Какого же оно размера?

Мишка запрокинул голову, глядя в зенит. Там было видно, что арка всё же не сплошная, а... дымчатая, что ли? И эта дымчатость еле заметно, но всё же отчетливо двигалась. По крайней мере, снизу. Верхние полосы казались неподвижными.

— Она не сплошная, — сказал Сашка. — Сквозь неё — помните? — солнце просвечивало.

— Тогда что же это? — спросил Витька.

— Кольцо, — вдруг сказала Ленка. Устав держать портфель, она бухнула его на землю и села рядом с ним сама. — Как у Сатурна. Только мы видим его снизу.

— А, ну да, — в голове вдруг словно что-то щелкнуло и мир обрел понятный вид. Мишка тоже сел, глядя на текущие через всё небо реки каменного — или из чего там состоят кольца? — крошева. Картина, надо сказать, была впечатляющая. Даже завораживающая, чего уж там. Если присмотреться — то кажется, что плывет сама земля, а кольцо стоит на месте...

— Мы что, на Сатурне? — спросил Витька.

— Не, там минус сто шестьдесят, — сказала Ленка. — И солнце там маленькое. А тут вон какое большое же! Мы точно не в Солнечной Системе.

— А где тогда? — спросил Мишка.

— А это у Йанто надо спрашивать.

— До звезд световые годы же, — сказал Сашка. — Даже ученые пока не знают, как долететь. А мы раз — и тут.

— И это у Йанто надо спрашивать.

— Ага, как же, он ответит, — Мишка покосился на Йанто. Тот с крайним интересом смотрел на торчавший справа колоссальный утес — основание его тонуло в тени, но морщинистый, уступчатый шпиль ещё золотился в свете зашедшего уже здесь солнца. Утес был точно страшной высоты, — его тупая, словно обломанная верхушка уходила за плывущие по небу редкие фиолетово-бурые облака. По основанию утеса взбирались пятна отчетливой зелени, выше что-то белело, — но точно не снег. Мишка торопливо сбросил шапку, куртку, стащил через голову свитер, — даже после заката в воздухе висела душная жара. Земля была горячая, — и явно не от солнца. Мальчишка вновь посмотрел на поднимавшийся там и сям пар. Прямо Долина Гейзеров какая-то!

Сашка тоже разделся до футболки, подошел к одному из растений, пнул толстый рыжий «росток», но тот еле качнулся, словно деревянный.

— Не трогай его, он, может быть, ядовитый, — сказала Ленка.

— Так я ж есть его не собираюсь, — обиделся Сашка. — Мне только эту фигню отломать, для интереса.

— Ты что, хочешь эту дрянь домой тащить? — возмутилась Ленка. — А вдруг она заразная?

— Да ну тебя! — обиделся Сашка. — Йанто вон сколько по мирам бродит — и ничего ему...

— В самом деле дрянь, — сказал Витька. — Словно плесенью покрыта. Брр! Лучше уж камней набрать.

— Ага, драгоценных, — съязвил Мишка. — Ну, куда мы со всем этим пойдём? В школьный музей? Или сразу в краеведческий?

— А всё равно... — упрямо начал Сашка, но тут же махнул рукой и пошел к ближайшему столбу пара. Мишка неохотно поднялся и пошел вслед за ним. Идти было трудновато, — словно с доверху набитым рюкзаком. И дышалось тяжело, — при каждом вдохе воздух ощутимо давил на грудь.

— Тут гравитация больше, — сказал он. — И воздух плотнее. И... фу!

Он замер, словно наткнувшись на стенку. Пар, как оказалось, поднимался над ямой с бурно кипящей грязью. Смотрелось это жутковато, к тому же, из ямы невыносимо несло гнилыми протухшими яйцами. Дальше, там и сям, курились другие похожие ямы, в которых тоже клочкотало и булькало. А венчала всё это зрелище многоэтажная пепловая туча над серо-коричневым гребенчатым конусом вулкана. В ней то и дело отчетливо сверкали молнии. Оттуда неровными волнами катился грохот — глухой, но непрерывный. Страшно представить даже, как всё это выглядит вблизи...

Йанто между тем ловко спрыгнул с камня, — и ткнул рукой в сторону утеса.

— За`э рып, — сказал он, после чего просто зашагал в указанном собой же направлении.

— Вот черт лохматый, — буркнул Мишка, но всё же пошел вслед за ним. По крайней мере, в ту сторону местность поднималась, и скалы у основания утеса едва проступали через сплошной ковер темной зелени. Да и таинственные белые пятна настойчиво дразнили взгляд.

За Мишкой потянулись и другие ребята. Идти оказалось непросто, — возросшая тяжесть упорно давила на плечи, да и земля оказалась, мягко говоря, неровная. Впрочем, какая это земля? Сплошные камни, а иногда даже и не камни, а просто торчащие выступы материковой скалы. Противные рыжие «хвощи» Мишка старался обходить подальше: в самом деле, ну их. Венчавшие их пузырьчатые «шишки», казалось, призрачно светятся в сумерках, — а такое уж и давно ему не нравилось. Кто знает, чего от них можно ждать? Вдруг это не растения даже, а животные, и притом, хищные? Не скажешь же — не листьев, ни цветов не видно, одна мерзкая рыжая «шерсть», и впрямь очень похожая на плесень...

Дрожащий желто-белый свет лег на равнину, из-под ног побежали стремительные тени. Обернувшись, Мишка увидел несколько ослепительно ярких звезд — они неслись по небу, оставляя за собой дымные хвосты. Одна из них навывлет пробила громоздящееся у горизонта облако, закрутив его в рваную струящуюся спираль.

Одна за другой, звезды канули за далекой грядой туч и там несколько раз полыхнуло

красновато-желтое зарево. Всё произошло беззвучно, как во сне.

— Ух ты, метеорит! — воскликнул Витька.

— Болид, — машинально поправила Ленка. Она задумчиво посмотрела вверх. — Я читала, что кольца Сатурна должны быстро — ну, за несколько миллионов лет — исчезнуть. Выпасть на планету, как метеориты. Вот.

— Значит, оно и на нас может грохнуться?! — возмутился Витька.

— Ну, это вряд ли, — возразил Сашка. — Если бы тут постоянно метеориты падали — тут всё в кратерах было бы, как на Луне.

— А тут и так всё в кратерах, — Витька показал на бурлящие ямы. — Черт его знает, от чего они.

— Это грязевые вулканы, — сказал Мишка. — Я такие в прошлом году видел, когда на юг ездил. Ну, не такие, поменьше, конечно, но всё равно... Они, в общем, безвредные — ну, если в них не прыгать.

— Спасибоочки, — Витька передернул плечами. — А нам обязательно к этой чертовой горе тащиться? Раз уж Йанто может из мира в мир прыгать, — то уж на гору-то ему плевое дело попасть.

— Черт, действительно, — Мишка посмотрел на утес. Казалось, что он совершенно не приблизился. — Эй, Йанто!

Тот замер и обернулся к нему.

— Пам?

— Иди сюда, — Мишка поманил его рукой. — Ты можешь... ну, забросить нас прямо к горе? А то по этим камням мы туда до утра будем тащиться.

— Ч`то? — Йанто непонимающе смотрел на него.

— Лист дай, — Мишка руками показал, что рисует.

Йанто пожал плечами, но сбросил с них ранец и достал лист. Мишка ткнул пальцем в кружок, изображающий Землю, обвел друзей рукой, потом ткнул пальцем в Йанто и в землю под ногами. Йанто смотрел с непроницаемым видом. Рдеющее пламя заката тусклыми искрами отражалось в его длинных глазах.

Вздыхнув, Мишка вновь обвел рукой друзей, потом ткнул пальцем в Йанто и в вершину горы. Йанто по-прежнему молча смотрел на него. Мишка изобразил рукой, как летит вверх тормашками. Йанто покачал головой.

— И что это значит? — спросил Мишка.

Йанто сел. Достал «стило». Нарисовал волнистую линию, которая, наверное, изображала равнину. Потом — узнаваемый силуэт горы. Потом — соединяющую их стрелку. И — решительно перечеркнул её.

— Не можешь? — спросил Мишка.

Йанто кивнул. Ткнул «стилом» в одну из стрелок, соединяющих кружки-миры, снова кивнул. Потом коснулся перечеркнутой стрелки и покачал головой.

— Не можешь прыгать внутри миров? — догадался Мишка.

Йанто ещё раз кивнул, и для верности изобразил пеший поход пальцами.

— Нет, я так не согласен, — Витька стащил футболку и утер ей вспотевшее лицо. — Давайте домой, а? Я тут весь взмок уже. И дышать трудно.

— А в самом деле, — поддержал его Сашка. — Кроме пейзажа тут и смотреть не на что. К тому же, здесь жарко, грязно и воняет. Ну его нафиг. В следующий раз попросим Йанто мир поинтереснее найти.

Мишка почесал в затылке. С одной стороны, посмотреть, что там белеет на горе, ему хотелось. С другой — такими темпами они и впрямь будут до утра ковылять по камням, чтобы увидеть в итоге... ну, каменную соль, например. Или мрамор. Или что ещё там может расти такими огромными кристаллами. Основание утеса тонуло в тени, так что рассмотреть их получше не получалось, — а бинокля у них, разумеется, не было. Надо будет в другой раз прихватить, чтобы не бегать по камням, как ненормальным...

— Ладно, хватит на сегодня, — сказал он. — Домой давай.

Йанто молча смотрел на него. Мишка вздохнул. Потыкал пальцем в Землю, для наглядности.

— Домой давай. Понятно?

Йанто печально покачал головой.

— Инг лы'сы. У'рар ф'ко. Кар'йу. Нгуйай. Йомханг? — повторил он.

— Может не получится? — сказал Мишка. — А ты попробуй.

Йанто нахмурился. Потом он вдруг начал пририсовывать к стрелкам-путям из мира в мир стрелки, ведущие обратно.

А потом перечеркнул их все до одной.

— И что всё это значит? — спросил Мишка, чувствуя вдруг противную такую слабость. Он уже всё понимал... только никак не мог поверить. — Не можешь вернуться ни в один мир, в котором побывал раньше?

Йанто хмуро посмотрел на него.

— Да.

Витька плюхнулся задом на каменистую землю. Бросил мокрую футболку. Посмотрел на перечеркнутую небо колоссальную радугу колец.

— Ну, всё, — сказал он. — Приплыли...

— И что нам теперь делать? — хмуро спросил Мишка.

— Валить отсюда надо, — ответил Сашка. — Пусть не домой, хоть куда-нибудь... А то ведь тут даже воды нет.

— А в самом деле... — Мишка облизнул пересохшие губы. Пить ему уже хотелось, — а воды тут, в самом деле, не было. Не говоря уж о какой-то еде. Да и места для ночлега не просматривалось. — Надо. Только вот куда?

— Йанто же вроде как может выбирать мир... кажется, — ответил Сашка. — Давайте подумаем.

— А что тут думать-то? — сказал Витька. — От Йанто мы толку не добьемся, ежу ясно. Пока он русский не выучит, хотя бы, только мы тут все помрем раньше. Надо в высокоразвитый мир какой-то — ну, знаете, как в фантастике. Там наверняка разберутся как-нибудь, как домой нас вернуть.

— А действительно, — Мишка от досады почесал в затылке. Ну почему эта разумная во всех отношениях мысль не пришла в голову ему? — Только как мы это Йанто объясним?

— А чего объяснять? — сказал Витька. — Дайте лист, — я нарисую.

— В самом деле... — только и смог сказать Мишка.

Тянуть Витька не стал, — забрав у Йанто «стило» он быстро стер схему с мирами и начал рисовать что-то похожее на «Мир 2000 года» из «Техники-молодежи». Ну, там парящие в небе города и всё такое. Рисовал он относительно неплохо, и рисунки получались приличные. Даже Йанто смотрел с явным интересом.

— Ну вот, — сказал Витька, закончив. — Отправь нас туда.

— Пам? — Йанто вопросительно посмотрел на него.

— Отправь нас туда, — повторил Мишка. Он обвел рукой друзей, и для наглядности ткнул рукой в рисунок. — В такой мир. Сможешь?

— Эл'ту нгайунг, — ответил Йанто, задумчиво прикусив губу. — Лрр'ток, — добавил он, пожав плечами.

— Попробуешь? — перевел Мишка. — Ну, так давай. Чего тянуть-то?

Йанто задумчиво осмотрелся вокруг, вновь пожал плечами. Потом аккуратно свернул лист и сунул его в ранец.

— Прр'тэ, — сказал он и протянул Мишке руку.

— Ну вот, это дело, — Мишка крепко сжал его ладонь.

Ребята быстро собрались в кружок, держа друг друга за руки. Йанто замер, опустив ресницы.

Интересно, на что это похоже, подумал Мишка. Видеть другие миры — и выбирать, в какой из них войти? Сколько всего можно...

Воющий холодный смерч обрушился на него, — и втянул в глухую безмолвную тьму.

Глава четвертая, в которой ребята видят чужое будущее

В этот раз Мишка очнулся, сидя на траве. Самой обычной, земной — по крайней мере, неотличимо на неё похожей. А перед носом у него был самый обычный земной лес, — породы деревьев, правда, незнакомые, но если не всматриваться, — не отличишь. И сила тяжести нормальная, и воздух не бьет по ушам. И тепло — но совсем не жарко. И воздух мягкий, пахнувший землей и зеленью. Короче, самый обычный воздух.

— Ого, что это? — спросил за его спиной Сашка.

Мишка обернулся. Они оказались на круглой, диаметром метров в сто, поляне. Середину её занимал сетчатый купол диаметром метров в шестьдесят и высотой, соответственно, в тридцать. Светло-серый, почти белый, но внутри него было темно.

— Не знаю, — Мишка посмотрел вверх.

Небо было явно вечернее, ясное — но прямо над головой, на высоте, которую на глаз не определить, висела серебристая сфера. Она сверкала, как зеркало, отражая вниз лучи низко стоящего солнца. Под ней тремя лучами расходились фермы с какими-то непонятными шпукovinaми. Сфера висела неподвижно, хотя никаких опор или даже тросов не было.

— Ни фига себе, — Витька тоже задрал голову. — Что это?

— Не знаю, — Мишка осмотрелся. Ленка тоже обалдело смотрела на сферу, прижимая к груди портфель. Йанто крутился на месте, осматриваясь и принюхиваясь. — Высоко как...

— А это? — Витька направился к куполу и Мишка пошел вслед за ним.

Купол состоял из гладких прутьев или труб толщиной в два его пальца, разделенных трехгранными ячейками — в них прошла бы рука, но не больше. Сплошной — эта сетка уходила вглубь и разглядеть, что там, внутри, не получалось. Примерно через каждый метр из купола росли такой же толщины стержни, увенчанные сферами величиной с футбольный мяч. Чем-то это походило на схему вируса гриппа из книжки.

Мишка подошел вплотную. Прутья в самом деле оказались гладкими, холодными, — но не как сталь, а как дюраль, скорее. Неокрашенные. И, как мальчишка не всматривался, он не мог заметить никаких швов, — вся эта конструкция была словно отлита из цельного куска металла. Она покоилась на сплошной гладкой подошве, уходящей в грунт, и назначение её было совершенно непонятно.

— Залезем, а? — Витька подергал неподдающийся прут, и поставил на другой ногу.

Мишка почесал в затылке, потом посмотрел вверх. Внизу склон купола был почти отвесным, но наверху быстро закруглялся. К тому же, торчавшие из него стержни не дали бы ему упасть, даже если бы он и сорвался.

— А давай, — согласился он. — Заодно и осмотримся.

— А нам ничего за это не будет? — спросила Ленка.

Мишка осмотрелся. Забора или табличек «Не влезай, — убьет!» вокруг не наблюдалось, из чего следовало, что создателям этой вот штуки было откровенно пофиг, залезет кто на неё, или нет.

— Не-а, — честно сказал он.

И полез.

Лезть в самом деле оказалось очень просто, — как по шведской стенке в школе. Торчащие шуковины мешали, но не слишком, да и склон, в самом деле, постепенно становился пологим. Поднявшись на несколько метров, Мишка обнаружил, что остальные присоединились к ним, — в самом деле, не ждать же им внизу, пока они с Витькой смотрят на мир?..

Но подъем оказался всё же несколько длиннее, чем думал мальчишка, — он недооценил размер конструкции. Высота оказалась изрядная, — он даже запыхался, но тут же обнаружил, что может уже просто идти, как по ступенькам, держась за удобно торчащие шуки.

Он оглянулся — и удивленно замер. Высота была уже приличной — метров двадцать — и лес остался внизу. Где-то далеко за ним возвышалось...

Больше всего эта штука походила на пять букв «М», составленных, так сказать, фасадами — попарно торчащие кинжальные пики, резко расширявшиеся книзу и соединенные перевернутыми параболическими арками. У основания они сливались в единый монолит из какого-то черного, как уголь, материала. Чем-то эта штука напоминала готический собор, — но не с двумя башнями, а с целым их десятком, и смотрелась жутковато, честно сказать.

— Смотрите, дом! — крикнул Витька.

Мишка повернулся. В самом деле, слева от «собора» из-за леса виднелась длинная многоэтажка — белоснежная, с черно-зеркальными полосами окон. Справа поднимался колоссальный покатый купол — так далеко, что его очертания были смазаны воздухом. Похоже, что размер его составлял, минимум, несколько километров. Ещё дальше справа из-за леса торчало несколько каких-то тонких шпилей.

Глядя на тени, Мишка понял, что смотрит на север. «Собор» был на востоке, многоэтажка — на юге. Что на западе, он пока не видел, — покатый склон купола поднимался над ним ещё метров на десять.

— Где это мы? — спросил Сашка, догнав его.

— Не знаю, — Мишка вздохнул. Сначала ему показалось, что он попал на Землю, хотя бы и в будущем, — но теперь он надеялся, что ошибся. Видеть на Земле такие вот черные рогатые штуки ему точно не хотелось. — Давай дальше пойдём.

Добравшись до вершины купола, мальчишка замер на несколько минут, отчаянно пытаясь переварить то, что увидел. На западе лежал роскошный ковер зелени, изрезанный золотистыми змеями рек. Низко над ним стояло вполне обычное солнце, — но его окружали какие-то смутные изогнутые квадраты, и Мишка не мог отделаться от мысли, что они парят ЗА солнцем, — а значит, их размер составляет уже миллионы километров. На юго-востоке, за «собором», поднимался могучий зеленый вал. То ли густо заросшая возвышенность, то ли колоссальные деревья, отсюда не получалось рассмотреть. Город был на юго-западе. Многоэтажка возвышалась в каком-то километре, а дальше тянулись почти обычные кварталы тоже белых одинаковых зданий. Ещё дальше к западу блестели серебристые сферы, — может быть, нефтехранилище?

А вот за ними возвышалось нечто, до невозможности похожее на колоссальную букву «А» — два наклонных, сомкнутых у верхушки массива, соединенных толстой поперечиной.

Тоже, наверное, дом — но такой огромный, что размер его Мишка даже боялся представить. Рассмотреть эту штуку получше не получалось, — низко стоявшее солнце било в глаза, и она казалась просто темным силуэтом, рассеченным узкими полосками косо освещенных стен.

— Охрненеть, — сказал Сашка, останавливаясь рядом с ним. — Где это мы?

— Это у Витьки надо спрашивать, — сказал Мишка. — Он это рисовал же.

— Я не такое рисовал, — буркнул Витька. — Я рисовал... ну, будущее. Только Йанто перестарался, похоже. Тут просто «Машина времени» какая-то.

Мишка вздрогнул, наконец, осознав, что напоминает ему этот пейзаж: Землю восьмьсот какого-то тысячного года. Тот самый пейзаж с огромными дворцами, который увидел Путешественник. Он сам не мог понять, почему так, потом догадался: вокруг не было никакого движения. Ни машин, ни самолетов, — ничего, что говорило бы о присутствии человека. Только шелест листвы и летающие над кронами птицы. В небе там и сям что-то блестело, — какие-то маленькие серебристые баллоны с фермой сбоку, из которой, всегда на на юг, торчал ряд длинных игл, — но они не двигались, словно впаянные в воздух, паря на огромной, должно быть, высоте.

— Куда пойдём-то? — спросил Сашка. — Не век же нам на этой штуковине торчать.

— А туда, — Мишка показал на город. — Куда ещё-то?

* * *

Они спустились — как обычно, это оказалось дольше и сложнее, чем подниматься, — и гуськом пошли на юг. Йанто с копьем наготове шел впереди, и Мишка поймал себя на мысли, что без него ему стало бы здесь... неуютно. Он уже видел Йанто, так сказать, в деле, и не сомневался, что с любой неожиданностью тот справится не только лучше их, но и лучше почти любого из взрослых. Тут же при этой мысли Мишке стало почему-то обидно, но вот почему, — он додумать не успел. От поляны отходила явственно различимая тропа, — и от этого на душе стало полегче. Люди явно здесь бывали, — причем, такие, которые не стеснялись ходить пешком.

Вблизи, правда, оказалось, что тропа заросшая, — никто не ходил по ней уже, минимум, месяц, — но это Мишку уже не особенно огорчило. Главное, что люди тут есть, — а ходить сюда, в общем, особенно незачем.

Они нырнули в лес — но всего метров через двести удивленно замерли. Впереди была новая поляна, — а посреди неё стоял дом. Двухэтажный, деревянный, страшно старый, — он перекосялся и уже начал разваливаться. Окна и двери выбиты, вокруг лежит всякий хлам, — в общем, обычная развалюха, из которой выехали все жильцы и которая дожидается сноса. Таких Мишка в своей жизни повидал немало. Настораживала лишь островерхая деревянная крыша с круглыми окнами на торцах. Такие ему до сих пор не встречались.

— Смотрите, книги! — Ленка бросилась к пожухлой под дождями россыпи. Такие Мишка тоже уже видел, — старые газеты, учебники и всё такое прочее, чего на новой квартире хозяевам нафиг не нужно. Всё же, он подобрал одну, — и замер.

Буквы на обложке были русские — но вот складывались они в совершенно незнакомые слова: «Рылыа орыгыр ыагу».

— По каковски это? — спросил Сашка, глядя на книгу. — Я как-то чукотский букварь видел — там похоже. Тоже буквы «ы» много.

— А черт его... — Мишка раскрыл книгу. Увы — картинок в ней не оказалось, а текст был отборной бессмыслицей. «Рвоыг дыоаг», и всё в таком духе. Он бросил книгу и взял другую. Тут ему повезло, — в ней оказались рисунки, но каких-то изоляторов и распределительных щитов, — наверное, учебник для электриков. И снова — «ьюаны ырагп». — Даже и не скажешь такое — язык сломается. Бред какой-то...

— Тут газеты, — сказал Витька.

Мишка встрепенулся — но напрасно. Газеты размокли от сырости и рвались при попытках их поднять. Буквы расплылись, а на фотографиях ничего нельзя было разобрать. Мишка смог разглядеть что-то вроде перрона, у которого стояла торпедобразная штукавина с множеством больших колес, — не то цистерна, не то какой-то современный паровоз. У неё стояли люди в пальто и шляпах, но лиц уже не получалось разглядеть. Тут же валялись какие-то мятые ржавые миски, полусгнившие сумки и какое-то не опознаваемое уже тряпье. Ничего интересного.

— А это что? — спросил Сашка. Он показывал на черное, похоже, металлическое кольцо диаметром сантиметров в пятнадцать. Внутри его как-то странно преломлялся свет, — вначале Мишка решил, что это лупа, но он не видел отблеска стекла. Свет просто... преломлялся. — Интересно...

Сашка нагнулся и протянул палец, собираясь сунуть его в кольцо, — но Йанто вдруг цапнул его за руку.

— Понгу! — резко сказал он. — Ра`а!

— Что? — спросил Сашка.

Вместо ответа Йанто подобрал ржавый стальной прут, — и ткнул им в кольцо.

Трах! Сантиметров пять прута просто... исчезли. Точнее, взорвались, превратились в крошку, которая с силой врезалась в землю, — в неё словно выстрелили из дробовика. Само кольцо подскочило, как живое, и ребята отпрянули.

— Вот б...! — Сашка побелел. Мишка представил, ЧТО стало бы с его пальцем, — и побелел тоже.

— Мок`ри, — сказал Йанто. Он тоже выглядел изрядно обалдевшим. — Ны`ул. Йомханг?

— Да поняли мы, — буркнул Мишка. — Вот гадость!

Йанто между тем потыкал прутком в бок кольца, потом ловко цапнул его пальцами. Ничего не случилось. Мишка с удивлением заметил, что оно и в самом деле увеличивает предметы, словно настоящая линза, — только не из стекла, а... Словно внутри этой штуки искажено само пространство, подумал мальчишка.

Йанто между тем поднял «линзу» на уровень глаз и прищурился, глядя через неё вдаль.

— Юуул! — удивленно сказал он и повернул «линзу» к Мишке. — Н`гай!

Мальчишка осторожно заглянул в «линзу». Она увеличивала и далекие предметы — правда, изображение получалось фиговое. Но если отодвинуться, — они становились видны очень четко, правда, маленькие и перевернутые. Обычная линза... за исключением материала.

Йанто, между тем, сорвал стебель бурьяна и сунул его в линзу. Стебель сломался, — какая-то сила не пропускала его. Йанто надавил сильнее...

Фррр! Половина стебля мгновенно превратилась в труху, отлетевшую метра на два и теперь медленно оседавшую.

— Ни фига себе... — сказал Мишка. — Вечная мясорубка. Мясо сунул — и фарш. Или

семечки лущить...

— Оэ! — Йанто повернулся к нему. — Ны та`ан! Йовэй!

Он деловито приложил огрызок стебля плашмя, — сначала к одной стороне линзы, потом к другой, потом деловито скинул ранец, достал из него кусок замши, аккуратно завернул в него линзу, перевязал тут же добытым из ранца шнурком, — и сунул в один из множества кармашков. Вот откуда в нем берутся всякие странные шгуки, подумал Мишка. Интересно, сколько ещё там такого...

Ребята разбрелись вокруг, но ничего интересного им больше не попало — только несколько каких-то шгук, похожих на конденсаторы. Мишка сунул один из них в карман, — просто на всякий случай, потом с сомнением посмотрел на дом.

— Туда давайте заглянем, — предложил Витька. — Вдруг там ещё что интересное?

— Да ну его, — буркнул Сашка. — Давайте в город пойдем. А то солнце скоро сядет.

— В самом деле... — Мишка с сомнением посмотрел на небо. Заглянуть в дом хотелось, — но увидеть город хотелось всё же гораздо больше.

За поляной ребята отыскивали продолжение тропы. Ещё метров четыреста, — и они удивленно замерли на берегу широкой, но мелкой реки. Сквозь воду отчетливо просвечивало дно.

Реку пересекал древний, деревянный, уже отчетливо перекосившийся мост, — он смотрелся очень странно на фоне низкой, искрящейся, словно бы сахарной набережной. За ней начиналась обширная пустая площадь, — а за ней возвышалась та самая многоэтажка с ломаным фасадом и черно-зеркальными окнами. Отсюда стало видно, что в ней добрых этажей двадцать, — и добрых полкилометра в длину.

Мальчишка осмотрелся. На западе река, красиво золотясь, убегала к заходящему солнцу. На востоке впадала в другую, более широкую реку, или, как вдруг подумал Мишка, в канал. На дальнем его берегу сплошной стеной стоял лес, из-за него торчали черные шпили «собора». Людей нигде не видно, и мальчишке стало страшновато. Что-то во всём этом было ужасно неправильное.

— Мы что, так и будем тут стоять? — спросил Сашка.

— А где все? — спросил Витька. — Люди где? Не нравится мне это...

— А ты людей рисовал? — спросил Сашка.

Витька опалело почесал в затылке.

— Нет. Черт, а ведь надо было... Йанто, похоже, понимает всё слишком буквально.

У самого Йанто никаких сомнений, похоже, не возникло, — он бодро зашагал по мосту, потом обернулся и посмотрел на ребят.

— Ай! — сказал он и для пояснения махнул рукой. Смысл был ясен.

— Ну что, — вздохнул Мишка. — Пошли...

* * *

Мост, как оказалось, не доходил до набережной, кончаясь небольшой насыпью. Ребята осторожно сошли на берег и замерли, осматриваясь. Из растущей здесь травы тут и там раздавались резкие, неприятные звуки, — словно кто-то чиркал ножом о тарелку. Мишка, поморщившись, пошел на звук — и увидел громадного, сантиметра в четыре, кузнечика. Явно не северного вида. Может эти... Как там их? Цикады?..

Вблизи звук был уже едва переносим, и Мишка пнул стебель.

— Пшел!

«Кузнечик» развернул прозрачные, как у стрекозы, крылья, и с треском куда-то улетел. Но со всех сторон слышались похожие скрипучие звуки, — разве что чуть потише, и мальчишка вновь поморщился. Гадость...

Йанто, между тем, подошел к невысокой, ему по грудь, набережной, и легко, словно мушкетер на лошадь, вскочил на неё. Выпрямился, замер, осматриваясь. Повернулся к ребятам.

— Ай!

— Да иду я, иду, — Мишка тоже подошел к набережной. Вблизи её зернистая поверхность ничем не походила на сахар, — скорее, на друзу горного хрусталя. Никакого ограждения, только невысокий барьерчик, а дальше, метров на триста, огромная, как аэродром, площадь, покрытая чем-то, очень похожим на бетон. Да, наверное, это и есть аэродром, подумал мальчишка. Тут летающие автомобили наверняка должны быть. Только вот почему-то ни одного не видно...

Он взобрался наверх и, вслед за Йанто, пошел к зданию. Розовато-белый фасад поднимался всё выше, — пока не уперся в зенит. Весь первый этаж занимала сплошная витрина из черного, непрозрачного стекла высотой метра в четыре. Сам фасад покрывало что-то гладкое, похожее на ошупь на фарфор.

— И дальше что? — спросил Сашка. — Где все?

Они подошли к замеченным издали дверям, — но те не имели ни ручек, ни замка, и неясно даже было, как их открыть. Честно, будь под рукой камень, — Мишка с удовольствием запустил бы им в стекло, в надежде, что появится хоть кто-нибудь. Но камня тут не нашлось, не нашлось даже пыли, — всю площадь словно только что вымели. Стучать в дверь Мишка не стал, — и так ясно, что внутри никого нет.

— Куда дальше-то? — спросил Витька. — Я, между прочим, есть уже хочу.

Мишка осмотрелся. Выбора особого нет, — вправо или влево. Но справа над лесом угрюмо чернел «собор», и идти туда не хотелось. Слева, уже над самым горизонтом, висело вот-вот готовое зайти солнце.

— Давайте туда, — сказал он. — Там проход во дворы есть.

— Ладно, пошли, — буркнул Сашка.

Йанто с интересом смотрел на здешний лес, — но, когда все ребята пошли в другую сторону, ему оставалось лишь вздохнуть и пойти вместе с ними. Похоже, что города он не очень любил — да и откуда?..

Свернув во двор, ребята замерли. Здесь оказалось уже темновато, в окнах не горело ни одного огня. Матово-белые дорожки призрачно светились на фоне густой темной зелени, словно пролитое молоко. На невысоких металлических тумбах торчали, очевидно, фонари, — по три длинных змеевидных «шеи», увенчанных овальными пластинами с множеством маленьких лампочек. Смотрелось это странновато.

Ни людей, ни зверей не наблюдалось, но вот машины тут, как оказалось, были: едва ребята прошли метров двадцать, в цоколе ближайшего дома откинулась длинная низкая пластина, и из-за неё выплыло какое-то странное устройство, — плоская, тоже овальная шпукovina длиной всего сантиметров в тридцать, ярко-синего цвета. Она летела низко над землей, с отчетливым электрическим потрескиванием. Трава под ней сгибалась и расступалась. Ленка испуганно пискнула, и «тарелка» замерла метрах в трех от них. На

переднем её торце блестели четыре синих глаза, — наверное, камеры. Она и в самом деле походила на две сложенных друг с другом овальных тарелки. Из щели между ними торчали плоские острые «хвосты», — они заметно передвинулись, и «тарелка» отплыла в сторону, разметая по пути пыль.

— Что это? — нервно спросила Ленка. Чем-то «тарелка» походила на мышь, — а мышей, как известно, боятся все девчонки.

— Не знаю. Робот какой-то, — ответил Мишка.

— А`в! — Йанто вдруг бросил Мишке копье. Мальчишка едва успел поймать его. Копье больно ударило по рукам и оказалось неожиданно тяжелым. Йанто, между тем, шустро вытащил из чехла лук и надел на него тетиву. Потом одним ловким движением наложил на неё стрелу и замер, подозрительно глядя на «тарелку». Она, попискивая, двигалась то вправо, то влево, словно рассматривая их с разных сторон. К ней присоединилось ещё несколько. Откуда они взялись, Мишка не заметил.

— Что будем делать? — спросил Сашка.

— Они нас не тронут, — предположил Витька. — Наверное, они вообще безвредные.

— Ага, а это?

Откуда-то сверху плавно спускалась куда более солидная штука, длиной, наверное, в добрых метра два. Она состояла из светлого трубчатого каркаса с какими-то непонятными блоками внутри. Снаружи к ней крепились большие квадратные пластины, наклоненные под углом в сорок пять градусов — по паре спереди и сзади и по шесть штук с каждого бока. На переднем торце этой штуки Мишка заметил что-то, подозрительно похожее на приснопамятную линзу, только ещё больше — диаметром сантиметров в двадцать. По ней пробегали слабые сизые блики, за ними чернел крошечный мрак. Эту линзу окружали ещё несколько разнокалиберных, поменьше, и мальчишка не мог отделаться от чувства, что эта странная штука пристально смотрит на них.

— Не знаю, — Мишка поймал себя на том, что стоит перед Ленкой, воинственно выставив копье, и, смутившись, опустил его, — не хватало ещё, чтобы здешние люди приняли его за дикаря!..

Ленка за спиной завизжала и мальчишка рывком обернулся. Одна из фонарных «змей» склонялась к ним — плавно, беззвучно и страшно. Мишка замер, — словно перед настоящей змеей, — и тут их залил яркий сине-белый свет. Мальчишка испуганно зажмурился — но с ним ничего не случилось.

Мишка осторожно приоткрыл один глаз. Они — все пятеро — замерли в круге света. Ничего больше не изменилось.

— Тьфу, фигня какая глупая, — Сашка поднялся, отряхивая штаны. Он ухитрился отпрыгнуть так резво, что даже упал.

— Эйуан! — с досадой сказал Йанто, хлопнув себя луком по бедру. — Эйнг!

Мишка заметил, что стрелы на тетиве у него нет. Похоже, он выстрелил, — но то ли промазал, то ли стрела просто отскочила от «змеи». Ленка уцепилась за Витьку, — но тут же отскочила, как ошпаренная. Делая вид, что ничего такого не случилось. Ну, это как обычно...

— Дальше что? — спросил Сашка. — Так и будем тут стоять?

Мишка осмотрелся. Свет был очень яркий, — привычные ему уличные фонари светили всё же послабее, — и за его кругом ничего видно не было. Он попытался выйти из него, — и тут же испуганно замер, когда над ним склонилась и вспыхнула вторая «змея».

— Это автоматика какая-то, — сказал он. — Наверное, чтобы свет экономить. А мы испугались, словно дикари какие-то.

— Испугаешься тут, — Витька, прищурившись, посмотрел на «змею». — Нормальные фонари не шевелятся. А эта хрень по кумполу стукнет — и привет.

— Это если у тебя в кумполе мрак крошечный, — съязвила Ленка. — Ребята, что дальше-то делать? Люди где?

— Не знаю. Уехали, наверное, — сказал Мишка. Он уже понимал, что город покинут, — за это говорило отсутствие любых средств передвижения, — но не понимал, как такое вообще могло быть. Одно дело — война, эвакуация — но ведь тут никакой войны не видно!..

— Куда все могли уехать? — спросила Ленка. — Космос осваивать?

— Чушь, — возразил Сашка. — Хотя... кто их тут знает?

Ребята подошли к двери подъезда, — но она оказалась во-первых металлической, а во-вторых не открывалась. Мишка для проверки подергал за ручку, — дверь держала мертво, хотя никаких замков он не видел.

— Дальше что? — спросил Витька. — Я, между прочим, есть хочу.

— Надо какой-то магазин найти, — предложила Ленка.

— Ага, и чем платить будем? — спросил Мишка. — Наши деньги у них точно не в ходу. Да и у меня два рубля всего...

— Тут у них коммунизм должен быть же, — предположил Витька. — Всё бесплатное.

— Ага, и линия доставки какая-нибудь, — сказал Мишка. — Чтобы сразу на кухню. Или вертолетом на балкон там.

— Тут нет балконов, — сказал Сашка. — Кстати.

— Ну, тогда в окно, — буркнул Мишка. — Очень удобно. Заказал — и готово. Никуда идти не надо.

— Так может, они все там? — Сашка показал на дом. — Сидят по квартирам, смотрят телевизоры или что у них... А что снаружи — им просто не интересно.

Мишка поискал глазами камень. Он хотел кинуть его в ближайшее окно, — просто чтобы опровергнуть Сашкину гипотезу, которая ему, почему-то, категорически не нравилась, — но вокруг, как назло, ничего не было. Стерильная чистота.

Йанто всё это время осматривался. Вдруг он сделал несколько быстрых шагов и повернулся к ребятам.

— Ай!

— Куда? — спросил Мишка. Но Йанто просто повернулся и пошел. Ребятам осталось лишь пойти за ним, а за ними увязалась орава «тарелок», — их тут собралось уже штук двадцать. Мальчишка нервно посматривал на них, но ничего страшного они пока не делали, — просто попискивая крутились вокруг, словно не вполне понимая, кто они и что с ними делать. Чем занималась штукавина побольше, Мишка разглядеть не мог. Фонари-змеи в самом деле тянулись к ним, загорались и гасли, когда ребята проходили, — они шли в движущемся озере света. Смотрелось это очень странно, — Мишка словно оказался во сне. Ощущение реальности незаметно покинуло его, — он уже не вполне понимал, кто он и что с ним.

Мальчишка зевнул, — и с удивлением понял, что хочет спать. Ну да — дома в это время он уже ложился. Или он уже лег, а всё это ему просто снится?..

Тут он, наконец, заметил, что привлекло внимание Йанто, — поперечная улица, замкнутая очередной стеклянно-фарфоровой громадиной. Перед ней стояли какие-то...

наверное, фонари — ажурные, изогнуто сужавшиеся кверху шгуки высотой метров в пять. На каждой вогнутой дуге смутно тлеет десяток молочно-белых квадратов.

— Что это? — спросил Сашка. — На фонари непохоже, — слишком здоровые. Как надолбы какие-то...

Мишка осторожно вышел на середину улицы. Совершенно пустой, кстати. Справа в её конце смутно темнел лес, слева она убегала к черному на фоне заката силуэту ещё какого-то дома. Бесчисленные полосы стекла на фасадах отливали мрачным, упорным багрянцем. И тишина. Нехорошая такая тишина — ни птиц, ни собак, ничего...

— Мне здесь не нравится, — сказала вдруг Ленка. — Давайте ещё куда-нибудь...

— Думаешь, там лучше будет? — спросил Мишка.

— А почему нет?

Мальчишка вздохнул и подошел к «фонарю». Вблизи он уже мало походил на фонарь, и смотрелся, честно сказать, страшновато, — словно торчавший из-под земли черный металлический коготь. Огромный. Оправленные в металл квадраты шириной сантиметров в двадцать, словно отлитые из опалового, полупрозрачного стекла, тускло светились. На ощупь они оказались очень гладкие и очень холодные, — Мишка даже испуганно отдернул ладонь. Вся эта штука смотрелась... чужеродно. Совсем не как изделие человеческих рук...

Йанто — он отошел уже метров на двадцать — вдруг обернулся и помахал им рукой.

— Ай! Ойэ!

— Да идем мы, — буркнул Мишка. — Уже идем.

Йанто, как оказалось, привлек очередной проход во двор, — густо заросший деревьями и потому темный. Фонари здесь оказались другие, — большие прямоугольные панели с тонкими трубками, тлеющими сероватым, тусклым, грязно-белым светом.

— Перегорели, что ли? — Витька задрал голову.

— Наверное, — Мишка пожал плечами и замер, осматриваясь. Йанто тоже замер, прислушиваясь к чему-то.

— Самолет! — крикнул Витька, тоже услышав характерный, стремительно нарастающий рев.

Мишка запрокинул голову — и едва не свалился, когда, казалось, прямо над ней пронеслось что-то громадное. Точно не самолет — что-то овальное, размером, наверное, с половину футбольного поля. Мишка успел разглядеть лишь темное днище, на котором сияли четыре сине-белых, ослепительных кольца. Смерч раскаленного воздуха сбил его с ног, рев ударил в уши так, что мальчишка на какое-то время оглох. Во дворе затрещали деревья, тучей поднялась пыль.

Мишка расчихался, пытаясь понять, на каком же он свете. Как-то совершенно некстати вспомнились рассказы бабушки об эвакуации и налетах немцев. Спасибо, хоть бомбу на башку не сбросили...

— Все живы? — крикнул Сашка. Голос его звучал глухо, как через вату.

— Все, все, — буркнул Мишка, поднимаясь на ноги. — Вот же хрень!

За домами — как раз там, откуда они шли — несколько раз вспыхнул и погас очень яркий белый свет. Мишка замер, прислушиваясь, — но взрывов слышно не было. Впрочем, уши заложило от рева, — он с трудом разбирал, что говорят товарищи.

— А это что? — спросил Витька, показывая куда-то назад.

Мишка повернулся. Там, где только что светлел проход на улицу, была сплошная тьма. Ну, не сплошная, — она поднималась до четвертого этажа и выше обрывалась, как

обрезанная.

Сердце обморочно стукнуло, ноги ослабели. Мишка упал на четвереньки, яростно помотал головой. Вдруг словно что-то щелкнуло в ушах — вернулись звуки. Он повернулся и сел. Нет, темнота не катилась на него, как ему сначала показалось, — она просто стояла стеной между домами. Неподвижной стеной.

Йанто быстро повернулся на пятках, осматриваясь, подобрал своё копье (Мишка его просто бросил, вот позор-то!) подошел к темноте. Осторожно потыкал в неё. Удивленно замер, потом повернулся к ребятам.

— Ай! Э`ви!

— Что там? — Мишка поднялся, ещё раз помотал головой и подошел к нему. Было страшновато, — он в жизни не подошел бы к этой внезапно возникшей темноте, но быть трусом в глазах Йанто не хотелось.

— Лэр`ту, — сказал Йанто, протянув ему копье. — Лум`пэ.

— Что? — спросил Мишка, принимая оружие.

— Лум`пэ, — повторил Йанто, показывая на стену тьмы. Вблизи она походила просто на очень густой черный дым, — но он не двигался и не клубился, а неподвижно висел на месте. — Пэнг! — он ткнул рукой.

— А! — Мишка потыкал копьем в темноту. К его крайнему удивлению, она оказалась плотной! Казалось, что он тычет в большую кипу ваты, — наконечник копья легко входил в темноту, которая сначала поддавалась, но потом быстро становилась неподатливой. — И что это? — он повернулся к Йанто. Тот лишь пожал плечами.

— Сйу`ок, — он протянул руку и коснулся темноты. Тут же резко отдернул её, снова потрогал...

Мишка тоже опустил копье и осторожно протянул руку. Что-то, похожее на паутину, — она легко подавалась под пальцами, но их тут же противно закололи разряды, — словно от сотни наэлектризованных расчесок.

— Ничего себе... — Мишка почесал в затылке. — Это силовое поле какое-то...

— Пам? — Йанто вопросительно смотрел на него.

— Штука такая, которая ничего не пропускает, — туманно пояснил Мишка. Правду говоря, сказать больше он не мог: в фантастических книжках, которые он читал, о природе силового поля ничего не говорилось.

— А смотрите — оно выпуклое! — сказал подошедший Сашка.

Мишка поднял голову. В самом деле — поле выгибалось, нависая над головой, а потом становилось покатым. Оно походило на лежащую на земле колбасу. Посмотрев по сторонам, мальчишка заметил, что дуги странных «фонарей» плотно огибают его. Хотя, конечно, никакие это, на самом деле, не фонари...

Он подошел к ближайшему. Увы — никаких проводов, никаких деталей — ажурный, но монолитный металл, холодный и скользкий, как стекло.

— И как мы пойдем назад? — дрожащим голосом спросила Ленка.

— А куда идти назад? — спросил Сашка. — И зачем? Давайте дальше пойдем — может, встретим кого...

Они пошли вдоль стены дома. Но второй выезд на улицу тоже оказался перекрыт... и третий тоже...

— Влипли, — пробурчал Мишка, замкнув круг. Уже заметно стемнело, странный серовато-белый свет фонарей, казалось, стал ярче — но в домах вокруг не светились ни

одного окна. Мальчишка подошел к ближайшей двери, — но она тоже оказалась заперта, причем, непонятно как. Окна же тут, похоже, вообще не открывались, — они составляли одно целое со стеной.

— Ту`ул! — вдруг крикнул Йанто, показывая куда-то вверх.

Мишка задрал голову. Небо уже потемнело, — но высоко наверху был ещё день, и там, сверкая на солнце, медленно двигалось...

Больше всего эта штука напоминала просто кусок трубы, — но зрение у Мишки всегда было хорошее, и он видел на ней множество каких-то мелких деталей. Да и в самой скорости этой штуки было что-то знакомое, — так по небу плыли спутники. Но, если эта штука на самом деле на орбите, то она ОГРОМНАЯ, — километров тридцати в длину. А рядом с ней плыли другие яркие точки, — с разной скоростью и в разных направлениях. Десятки, сотни... словно машины на улицах.

— Так вот они все где... — протянул Витька, тоже глядя вверх. — Сколько же там всего...

— Только вот нам туда не допрыгнуть, — буркнул Сашка. — Высоковато будет.

— Может, посигналить им? — предложила Ленка.

— Угу, чем? Фонариком? — спросил Мишка. — У нас и фонарика нет, между прочим. Да даже если бы и был...

— Надо космодром найти, — предложил Сашка. — Или хоть радиостанцию.

— Угу, а где? — спросил Витька.

— Надо осмотреться с высоты, — предложил Мишка. — Залезть на эту букву «А» или что она там. Она высотой в несколько километров, похоже.

— Мы даже с этого двора выйти не можем, — буркнул Сашка.

— Так выход давайте искать, — предложил Мишка. — А то точно помрем тут от голоду.

— Э`ви! — Йанто показал в глубину двора, где виднелся странный фиолетовый свет.

Ребята побрели за ним, — и удивленно замерли у начала ведущего вниз пандуса. Сам он и ограждавшие его стены были из какого-то монолитного черного камня, — а внутри висело прозрачное фиолетовое сияние.

Медленно, то и дело замирая, ребята спустились к нему. Мишка увидел огромный пустой зал с потолком, подпертым шестигранными колоннами. На нем, и на полу тоже, ярко горели фиолетовые квадраты. Йанто потыкал в сияние копьём, потом протянул руку, потрогал — и вдруг шагнул в него.

— Йам! — он вдруг толкнулся и повис в воздухе, словно космонавт. Взмахнул руками, повернулся. Помахал ребятам. — Э`ви!

— Да что же это... — Мишка подошел, и осторожно потрогал свечение. Плотное — и слегка щекочущее кожу, но рука его ощутимо потеряла вес. Он задержал дыхание, — и решительно шагнул вперед. Немного защипало нос, — и плотная, подвижная среда обволокла его. Он словно оказался под водой, — но тут вполне можно было дышать.

Мишка тоже толкнулся, — и неторопливо всплыл к потолку. Испуганно замахал руками, стукнулся о перекрытие — и замер, ошалело осматриваясь. Йанто резко толкнулся ногами — и... поплыл, в самом деле, как в воде.

Мишка тоже толкнулся и задрогал ногами. Сначала у него ничего не получалось, — но он быстро приспособился. Тут же к ним присоединились остальные. Смеясь, ребята затеяли игру в догонялки, — и Мишка вдруг потерял ощущение реальности. Казалось, что всё это происходит во сне. Он словно летал — так, как обычно летал во сне. Или плавал — никак не

получалось понять.

Сам зал оказался шестигранным, с ведущим вверх пандусом в каждой стене, — а в его центре зияла шестигранная же шахта. Мишка завис над ней, ошалело глядя вниз. Шахта уходила очень глубоко, — дно сверху казалось едва заметным. На стенах горели те же фиолетовые квадраты, спускаясь вниз шестью ровно горящими цепочками. Теперь он твердо был уверен, что всё это точно происходит во сне.

Йанто встретился с ним взглядом, — глаза в этот миг у него были совершенно сумасшедшие, — и решительно скользнул вниз. Выбора не оставалось, — Мишка «нырнул» вслед за ним, а вслед «нырнули» и остальные.

В отличии от настоящей воды, «давление» оставалось постоянным. Мальчишка, правда, немного боялся, что фиолетовая дымка вдруг погаснет, и он камнем полетит вниз, — но ничего такого, конечно, не случилось.

Шахта оказалась глубиной метров в сто. Кончалась она на почти обычном перроне, залитом ярким белым светом. Мишка выскользнул из фиолетовой дымки, и мягко спрыгнул на пол. Здесь оказалось очень тихо, воздух прохладный и чистый. Вправо и влево тянулся приплюснутый овальный туннель, — с поперечно ребристыми стенами, но без рельсов или чего-то похожего.

— Ага, — сказал Сашка, тоже прыгая на пол. — Метро. Куда поедем?

— На запад вроде бы туда, — Мишка показал налево. — Но не знаю, как часто тут поезда ходят.

— Если вообще ходят, — буркнул Витька и протянул руку Ленке, помогая ей спуститься на пол. — Смотрите, как всё тут надраено — похоже, тут давно уже люди не бывали...

— Не бывали, потому что нет мусора? — усмехнулся Мишка.

— Ага. Что-то вроде этого. Одни роботы остались, почему-то...

— Йам! — Йанто замер у края перрона, упираясь в воздух. Лишь теперь Мишка заметил смутную сероватую дымку, отделявшую туннель от перрона. По краям проема светились уже знакомые ему опалово-молочные матрицы, — только не квадратные, а длинные, окаймленные металлом. Да уж, упасть на рельсы тут точно не получится...

С тихим шипением из туннеля вынырнул приплюснутый серебристый поезд. Пустой — Мишка всё же надеялся увидеть тут людей. Он остановился, потом мягко сдвинулся вбок, к платформе. Сегменты корпуса длинного вагона дружно поднялись вверх, открыв ряд прямоугольных проемов. Он ничем не походил на уже знакомые Мишке вагоны метро, — разделенный глухими переборками на множество отсеков, в каждом из которых в ряд стоял десяток кресел.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Поедем? — Витька проскользнул внутрь вагона и плюхнулся в одно из кресел, очень удобных на вид.

Мишка последовал за ним, вслед за ним в вагон скользнули Сашка и Ленка. Йанто, однако, остался на перроне.

— Чего ты ждешь? — крикнул Мишка. — Залезай!

Йанто, однако, замахал рукой, требуя, очевидно, вылезти.

— Йэ`рин! — крикнул он. — Сэт йэ`рин!

— Да лезь сюда, не бойся! — крикнул Мишка.

— Йэ`рин!

— Да чтоб тебя!.. — Мишка приподнялся, выбираясь из кресла, — но в этот миг дверь

вагона захлопнулась с мягким, отдавшимся в ушах ударом. Он мягко качнулся, возвращаясь к середине туннеля, — и тронулся так резко, что мальчишку буквально швырнуло назад, в кресло. Ещё миг — и станция с Йанто исчезла. За выпуклым, прозрачным до невидимости окном всё быстрее и быстрее заскользила назад ребристая стена туннеля.

— Ой блин, — только и смог сказать Мишка. — Вот влипли...

— Не паникуй, — сказал Сашка. — На следующей станции выйдем и будем Йанто ждать. Он на втором поезде приедет, если не совсем дурак.

— А если нет?

— Не гони волну... раньше времени.

Мишка вздохнул и замолчал. Ехали они недолго, — всего пару минут по ощущениям, — но очень быстро. Когда поезд остановился на следующей станции, и ребята торопливо выбрались наружу, мальчишка удивленно приоткрыл рот. Они оказались в...

Он просто не знал, как ЭТО назвать. Огромное, неопределенной формы... пространство, окруженное множеством каких-то причудливо изогнутых террас, пронизанных массой эстакад, матово-белых и прозрачных труб. Всё это заливал густо-малиновый, лимонно-желтый, голубой свет, исходивший непонятно откуда, — как Мишка не крутил головой, он не видел ни одной лампы. Всё это пространство тянулось, и тянулось, и тянулось вверх, постепенно сужаясь, и венчалось чем-то вроде колоссальной люстры — по крайней мере, так она выглядела снизу.

— Охренеть, — сказал Витька. Мишка только кивнул. Он просто представить не мог, что бывает... такое. По стенам бежали разноцветные надписи, но нигде — ни одного человека. Всё это пространство заполнял слабый, но непрерывный гул. Пустота и безлюдье пугали.

— Куда они все делись? — спросил Витька. — Свет везде горит, реклама мигает... и никого.

— Не знаю, — буркнул Сашка. — Да оно, наверное, и к лучшему, — а то бы утащили нас на опыты...

— Да ну тебя, — сказал Мишка. — Они же явно не дикари какие тут. Тут вон цивилизация какая... просто фантастика настоящая.

— Только без хозяев, — сказал Сашка. — Нет, в самом деле, куда все делись? Вдруг тут должна какая-то катастрофа случиться? Или война? У меня та штука летающая из головы не идет. Как-то непохожа она на мирно пахущий трактор... И тот робот во дворе... Что-то тут очень сильно не так...

— Кынг! Крр`нек!

Рывком обернувшись, Мишка увидел Йанто у дверей поезда. Ошалело глядя вокруг, они и не заметили, как он подъехал. Йанто мгновенно подбежал к ним.

— Кынг! — снова резко сказал он, и в сердцах хлопнул себя древком копья по бедру. — Ф`нат!

— Да ладно тебе, не кипятись, — миролюбиво сказал Мишка. — Надо было с нами ехать, а не стоять там болванчиком.

Йанто смешно сдвинул брови.

— Пам?

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — сказал Сашка. — Дальше-то что?

Мишка длинно выдохнул. Пусть у него и отлегло от сердца, — но положение их лучше не стало. Хотелось сразу есть и спать, — да и раздобыть какое-нибудь оружие тоже не

помешало бы. Происходящее вокруг доверия не внушало.

— Тут вокзал какой-то, — сказал он. — Значит, и буфеты должны быть, и комнаты отдыха, и схемы путей какие-то. Так что давайте искать...

* * *

Ребята осмотрелись, — и Мишка сразу же заметил пару странных штуковин, деловито направлявшихся к ним. Вначале он принял их за огромных — с барана — светло-серых собак, но тут же понял, что они неживые — тонкие каркасы ног, какие-то круглые штуки, вроде динамиков, вделанные в панцирь. Над ним торчало что-то вроде механической руки, увенчанной оправленной в металл стеклянной банкой. Двигались эти штуковины отчасти комично, механически переставляя ноги, но при том — довольно быстро.

Как-то вдруг Мишка заметил, что под «банкой» — сквозь стекло которой просвечивали какие-то темные шестигранники, — торчит темный, закругленный на конце цилиндр, вроде бы пластмассовый, а под ним — короткий толстый ствол.

— Ребята, что это? — довольно-таки нервно спросила Ленка.

— Не знаю, — буркнул Витька. — Роботы какие-то...

— Не нравятся они мне, — сказал Мишка. Он как-то вдруг заметил, что стволы роботов смотрят точно на него. Они не стреляли — но, может быть, лишь потому, что...

За спиной тихо зашипел подходящий поезд.

— Валим отсюда! — вдруг заорал Сашка. — Быстро!

Витька и Ленка не спорили, сразу бросившись к вагону. Йанто не двинулся, с интересом глядя на подходящие машинки, — но Сашка схватил его за руку и неожиданно грубо рванул.

— Валим!

К чести Йанто возражать он не стал, с похвальной быстротой нырнув в вагон. Мишка проскочил в него последним, — и замер, глядя на бодро семенящих роботов. На первый взгляд ничего жуткого в них не было — и, если бы они не двигались, он ничуть не испугался бы. Но как раз их движения — однообразные, совершенно одинаковые, — пробирали его до озноба. Живые существа никогда не способны делать таких одинаковых движений. Словно вдруг ожил и пошел стол, — это движение мертвого и пугало сейчас больше всего.

Мишка сжался в кресле, глядя в черный зрачок ствола — он был больше, чем даже у ружья двенадцатого калибра, — но тут дверь, наконец, опустилась, и вагон резко тронулся.

— Ат к`эа? — сразу же спросил Йанто. — Пам?

— Роботы это, — пояснил Мишка. — Как в фантастических книжках, знаешь? Хотя, откуда тебе...

Йанто смешно нахмурил брови.

— Р`боты? — переспросил он. — Да?

Мишка кивнул.

— Роботы, да.

— Ца палутэ? — спросил Йанто. — Турр?

— Да не знаю я! — вдруг огрызнулся Сашка. — Просто мне показалось...

— Что показалось?

Сашка повернулся к нему.

— Что они хотят нас того... этого... ну...

— Хотели — так и грохнули бы, — философски заметил вдруг Витька.

— Может, это вовсе и не пушки, — сказал Мишка. — Там никаких патронных лент не было, зуб даю. Может, это... ну, не знаю... пожарные.

— Пушки тоже разные бывают, — заметил Сашка. — Может, они плазмой стреляют или ещё чем. Мы же в будущем, вроде как. Здесь что угодно может быть.

— И что нам теперь делать? — спросила Ленка.

— Следующей станции ждать, — ответил Сашка. — А там посмотрим.

Всего через пару минут вагон замер — и ребята увидели тот же самый колоссальный зал, только с другой стороны.

— Едем дальше, — объявил Сашка, когда двери открылись. Мишка заметил роботов, — отсюда они казались совсем крошечными, но он узнал их, — и заметил ещё несколько, в разных углах зала. Похоже, что подземная линия огибала его, и сейчас они ехали обратно.

Через полминуты дверь захлопнулась, и вагон опять нырнул в туннель.

— И что мы будем делать, если эти шгуки везде? — спросил Витька.

— Везде они не могут быть, — ответил Сашка. — Там, где мы сели, их не было же.

— Там другие были, наверху, — упрямо сказал Витька.

— Ну так они же нас не тронули, — ответил Мишка. — Посмотрели только.

— Там, наверху, роботы были бытовые, — сказал Сашка. — Дворники или ещё кто. А эти — вроде как полиция.

— Если полиция — то ничего они нам не сделают, — ответил Мишка. — Максимум, арестуют и посадят в кутузку.

— Угу, и там мы помрем с голоду, — сказал Витька.

— Почему? — возразил Мишка. — Раз тут есть роботы-полицейские, то уж роботы-официанты точно должны быть.

— Угу, и мы в этой кутузке сидеть будем до конца века, — возразил Сашка. — Людей-то нет тут, выпустить некому.

— Может, они как раз и вызовут? — с надеждой предположил Витька.

— А если нет? — Сашка повернулся к нему. — Или вообще сдадут в поликлинику на опыты?

— Да ну тебя, — буркнул Мишка. — Развел, понимаешь, панику на пустом месте...

— Может, и развел, — Сашка хмуро взглянул на него. — А ну как нет? И мы сейчас там и лежали бы рядом? С вот такими дырками в брюхе? Жизнь-то одна, знаешь ли...

Йанто с интересом слушал их, оживленно поблескивая своими странными темно-фиолетовыми глазами, но ничего не говорил. Мишка дорого дал бы за возможность увидеть, что сейчас творилось у него в голове — но, увы, о подобной возможности ему оставалось лишь мечтать...

Через несколько минут вагон замер на станции, как две капли воды похожей на ту, на которой они сели. Здесь совсем никого не было, и ребята вышли. Лифта или эскалатора здесь, правда, тоже не нашлось, лишь два проема, заполненных уже знакомой им фиолетовой дымкой. Над ними чернели два треугольника. Левый был обращен вершиной вверх, правый — вниз.

— Похоже, там сюда, — сказал Сашка и вошел в левый проем. Он не ошибся, — его ноги сразу же оторвались от пола, и его понесло вверх.

Вздохнув, Мишка последовал его примеру. Его сразу же обняло плотное, слегка колющее кожу свечение, и упруго потащило вверх. Ну да, это куда как удобнее всяких там

лифтов, — только вот барахтаться в воздухе было всё же... как-то несерьезно. Мишка даже невольно хихикнул, представив, как бы смотрелись в этой шахте какие-то солидные товарищи.

Вслед за ним в неё вошли Витька и Ленка. Йанто немного задержался — но затем вошел и он. Что бы он обо всем этом не думал, оставаться одному ему тут явно не очень хотелось.

Эта шахта была такой же глубокой, как и первая, — только выходила не в подземный ангар, а в небольшой, ярко освещенный павильон. Стелянные двери были закрыты, но, едва Мишка подошел к ним, тут же сами раздвинулись. Невольно вздрогнув от неожиданности, он торопливо вышел.

Они оказались на небольшой площади, с двух сторон замкнутой многоэтажными домами. С двух других сторон угрюмо темнел лес, отделенный каналами — впереди пошире, слева поуже. Мишка понял, что они в другом углу города. Прямо перед ним канал пересекал узкий гладкий мост, — и такая же гладкая светлая дорожка ныряла в темноту зарослей. На ней горели неяркие, густо-зеленые фонари, и Мишке захотелось пойти по ней. Но тут же он вспомнил, что как раз там, за лесом, скрывался мрачный черный «храм», и поёжился. Сейчас он хотел, чтобы моста тут не было вовсе. Правда, вдоль берега канала стояли такие же изогнутые «фонари», похожие на чудовищные когти.

— Ну и что делать будем? — угрюмо спросил Витька. — Я есть хочу. Да и спать на земле как-то неохота.

— Можно дальше поехать, — предложила Ленка. — Там наверняка найдется какой-то магазин или гостиница.

— Линия как раз к «храму» ведет, — сказал Мишка. — Похоже, что следующая остановка — как раз там.

— Ну и что? — спросил Витька. — Думаешь, там людей в жертву приносят?

— Да ну вас! — возмутилась Ленка. — Что хорошее сказали бы!

— Ну... — начал Мишка — но в этот миг Йанто вдруг подобрался и вскинул лук.

Мишка ошалело посмотрел на него, — но тут кусты у дорожки зашевелились. Ещё миг, — и из них выбралось что-то вроде громадного черного паука или, скорее, скорпиона: вверх торчал короткий тонкий хвост, увенчанный двумя громадными, с авторучку, шипами. Бодро перебирая ногами, тварь побежала к ним...

Банг!

Мишка рывком повернулся, — и увидел, как Йанто быстро накладывает на тетиву вторую стрелу. Тварь словно пнула, — она грохнулась на спину и беспорядочно задергалась. Из самой середины её тушки торчала стрела. Ленка завизжала. Словно в ответ, в зарослях мощно зашумело: похоже, к ним ломилась целая орда таких же.

— А`в! — Йанто вдруг бросил Мишке копьё. — С`эт а`в!

Мальчишка машинально поймал его. Всё это уже было, и он просто не успел испугаться. Йанто вдруг побежал к мосту, вскочил на парапет. Мишка встал рядом с ним. Мост был узкий — метра полтора — и один хороший боец мог остановить на нем целую армию. Он где-то даже читал о таком, — это было в Фермопилах... или нет?

Из зарослей на дорожку хлынула волна нечисти. На самом деле твари оказались не очень большие, — не больше метра в поперечнике, — но на передних их лапах торчали огромные, как серпы, когти, да и двигались они очень быстро. Увидев что-то похожее дома он бы, наверное, просто грохнулся бы в обморок, — но сейчас ощутил что-то вроде... восторга?..

Банг!

— Йэээ! — заорал Йанто. Он стрелял с едва уловимой быстротой, — и у начала моста выросла груда дергающихся тел. Но твари лезли и по ним, как одержимые, — их явно гнал не голод, а что-то, намного более жуткое...

Очень быстро стрелы у Йанто кончились. Он бросил лук и выхватил нож, не слезая, однако, с парапета.

Он просто псих, — как-то отстранено подумал вдруг Мишка. Надо было просто убежать... а теперь...

Твари бежали к нему одна за другой, словно вагончики поезда. По бокам их хвоста торчали какие-то короткие перья — или жабры? Что это вообще такое?..

Не добегая метров трех, первая тварь прыгнула. Мишка рефлекторно выставил копьё, — тварь с хрустом наткнулась на него и повисла, жутко суча всеми лапами. Хвост яростно дергался, пронзая воздух, запахло чем-то кислым, — кровью? ядом? И она оказалась тяжелая, — сила удара едва не вывернула копьё из рук, и мальчишка даже отступил на шаг. Нет, что же это такое?..

Рассуждать было некогда, — на него прыгнула вторая тварь. Мишка вновь рефлекторно выставил копьё, — тварь наткнулась на первую, и полетела в канал. За ней туда полетела вторая, потом третья... четвертая, однако, догадалась пробежать снизу. Мишка огрел её насаженной на копьё первой тварью — она, наконец, слетела с острия, — и быстро отпрыгнул назад. Тварь бодно побежала к нему, — и он с хрустом пришил её сверху копьём. Шипы щелкнули по древку, расщепив его, — и, когда Мишка попытался поднять насаженную на копьё тварь и сбросить в канал, оно с треском сломалось. Тут же на него прыгнула ещё одна, — тут всё и кончилось бы, но в воздухе её встретил нож Йанто, начисто отрубив две ноги. Тварь грохнулась на бетон кверху брюхом, — и Мишка всадил в него расщепленный обрубок. Он с хрустом пробил панцирь, — и тварь беспорядочно задергалась. Мальчишка отскочил назад в поисках нового оружия, — но на глаза ему попался лишь бесполезный сейчас лук Йанто.

Сам Йанто явно не собирался отступать, — он словно танцевал, то крутясь на месте, то прыгая туда и сюда. Нож в его руке мелькал, как молния, рассекая броню тварей с глухим треском. Разрубленные тушки летели вправо и влево, падая в канал. Но поток их казался бесконечным, — а потом из зарослей на том берегу выбралось нечто, совсем уже кошмарное, — как бы приподнявшись, оно ползло на двух огромных двупалых лапах. Размах их был добрых метра три, — а из узкой башки торчало четыре полуметровых бивня.

К счастью, мост оказался слишком узким для этой чудовищной гадины, — она остановилась у его начала, мотая башкой туда и сюда, и перекрыв проход меньшим тварям. Йанто замер, глядя на неё, — а потом вдруг поднял нож, словно салютуя. Мишка не знал, что он собирается делать, — но точно между бивнями вдруг вспыхнуло яркое, нестерпимо раскаленной пятно, — а потом башку твари оглушительно мощно разорвало полыхнувшим во все стороны огнем.

* * *

Мишка ошалело замер. Дымящиеся куски отвратительной плоти с шумом разлетелись по кустам, огромное тело рухнуло. Над ним повисла туча пара, — и прямо сквозь неё,

перехлестнув через упавшую тушу, хлынула волна меньших тварей. Но тут же одна из них тоже взорвалась, а потом взрывы загревели один за другим, почти с пулеметной быстротой. На том берегу непрерывно палило, гремело и сверкало, куски тварей разлетались, как шрапнель, пар и дым клубились, скрывая всё. Мишка, ошалеv, смотрел на этот невероятный фейерверк. Он длился, наверное, всего несколько секунд, потом всё вдруг стихло, и мальчишка замер, оглушенный. На том берегу клубился пар, за ним, в сумраке зарослей, ничего видно не было.

Йанто вдруг бросился в воду, — он весь был облит чем-то темным, наверное, кровью тварей, — и сейчас яростно отмывался. Мишка тупо смотрел на него, не в силах не то, чтобы что-то сказать, но даже и подумать что-то. Потом он оглянулся. Ребята тоже стояли неподвижно, словно превратившись в соляные столбы, — а над ними парила уже знакомая ему двухметровая платформа с наклонными пластинами.

Это она и стреляла, как-то отстранено подумал он, глядя в глаза многочисленных «линз» — совершенно черные, пустые и страшные. Но эта штукавина спасла им жизнь, и он, почти инстинктивно, поклонился ей — или, скорее, тем, кто мог смотреть на него через эти линзы. Машина, конечно, не ответила, — да ей и нечем было ответить...

Мальчишка повернулся к лесу... и понял, что ничего ещё не кончилось. Там что-то двигалось, медленно и мощно. Пронзительно трещал и хрустел сминаемый подлесок. Йанто торопливо выбрался на берег, отряхнулся, как собака, подобрал лук и нож, посмотрел на ребят. Они понемногу попятились к станции, — другого укрытия поблизости не было. В голове у Мишки словно выбило пробки, — он никак не мог поверить, что всё это происходит наяву.

Наконец, из зарослей выплыла чудовищная, метра в четыре, склоненная к земле башка, — плоская, обрамленная неровными выступами, чем-то похожая на голову муравья. Снизу из неё торчали метровые, наверное, жвала, — а над ней двумя рядами горели шесть тускло-белесых глаз величиной с тарелку. Мальчишка оцепенел, словно кролик перед змеей, — но тут между этих глаз вдруг вспыхнуло ослепительное пламя. Спрессованный воздух гулко ударил по ушам. В башке твари открылся метровый дымящийся пролом, но она, однако, осталась стоять — а может, у неё не было ног, и упасть она уже просто не могла?..

Мишка так и не смог понять это — в «фонарях» что-то затрещало, и тут же, отрезав их от леса, воздвиглась десятиметровая стена абсолютной тьмы. Теперь Мишка понял смысл этого ограждения. На площади сразу же стало темнее, — ребята едва различали друг друга в тускнеющих сумерках. Лишь за спиной призывно светился павильон станции.

— Ничего себе... — сказал, наконец, Витька. — Я и не думал, что ты можешь так драться.

— Я? — Мишка прижал руки к груди. Он вспомнил, как отбивался насаженной на копьё тварью — черт, такого он даже в фильмах не видел... — Да ну, вот Йанто — тот да...

— Хс`хце! — Йанто поднял руку, прислушиваясь.

Мишка замер, прислушиваясь. Слабый гул долетел до него, тут же угас — и вернулся нарастающим ревом. Он уже слышал его — совсем недавно.

На сей раз корабль пролетел в стороне от них и скрылся над лесом. Ещё несколько секунд, — и из-за леса вдруг выплеснулось страшное фиолетово-лиловое зарево. Земля резко ударила по пяткам, — а потом волна раскаленного воздуха бросила мальчишку наземь. Вслед за ней обрушился сокрушительный грохот, заставив всё тело завибрировать и пронзив уши острой болью. Сверху посыпались сорванные ураганом ветки. Затем всё кончилось.

Мишка перекатился на живот, потом встал на четвереньки и помотал головой. В ушах оглушительно звенело, но в остальном он, вроде бы, уцелел. Наконец, он встал и обернулся. Над лесом пугающе быстро выросла лохматый дымный гриб. В нем крутились и падали на землю какие-то горящие лохмотья. Ядерный, как-то сонно подумал мальчишка. — Ядерный взрыв. Надо где-то укрыться...

Он посмотрел на павильон, но легкую конструкцию смело, — на её месте громоздилась куча изломанных пластмассовых панелей. Все окна в окружавших площадь домах тоже вынесло, и они зияли страшноватой чернотой. Там, внутри, что-то стрекотало и попискивало, и это откровенно пугало. Йанто, впрочем, ничуть не испугался, — подбежал к одному окну, подпрыгнул, ухватился за раму, и в один миг нырнул внутрь. Там тут же вспыхнул неяркий голубоватый свет. Мишка замер... но ничего страшного с Йанто не случилось: через секунду он высунулся и помахал рукой.

— Э`ви! — крикнул он.

Мишка вздохнул и подошел к окну. Высоковато — но Йанто протянул ему руку, и без затей втащил внутрь. Сил ему было не занимать.

Мальчишка спрыгнул на пол и осмотрелся. Комната смотрелась очень странно: стены блестят, как стеклянные, пол покрыт какой-то упругой гладкой массой, и усыпан осколками выбитого окна. Босой Йанто стоял на них совершенно спокойно. Мишка догадался, что его ноги никогда не знали обуви, и наверняка привычны к ещё менее дружелюбному окружению. Их хозяин с любопытством осматривался, держа в опущенной руке свой страшный нож. Но здесь он смотрелся уже вполне естественно.

Вслед за ним Мишка перевел взгляд — и вздрогнул. На стене висел большой красочный плакат — там, на фоне тускло-лилового, испятнанного облаками океана, висел огромный космический корабль, тяжеловесный, темно-серый, похожий сразу и на подводную лодку, и на какой-то двигатель, и на какое-то промышленное здание. Глаз путался в множестве мелких деталей, — Мишка не сразу понял, что это вовсе не картина, а *фотография*. Внизу шла размашистая надпись на знакомом уже «ырвыг дыроаг».

— Ни фиги себе... — только и смог сказать Витька, взобравшись вслед за ним в окно. — Военный, наверное...

— Да ну, оружия же нет, — в самом деле, на корабле не было ничего, похожего на орудийные башни. Но это ничего тут не значило. Мишка вспомнил, как смешная двухметровая платформа устроила на их глазах побоище. А что может натворить такая громадина — даже и подумать страшно...

Вслед за Витькой Йанто втащил в окно Ленку, потом Сашку. В комнате стало тесновато. Мишка вдруг понял, что она явно принадлежала ровеснику, — разбросанные повсюду вещи, какие-то модели кораблей и этот плакат...

Йанто, тем временем, нырнул в темный проем снесенной с петель легкой двери, — она лежала прямо на полу, — и там тоже вспыхнул свет. Автоматика какая-то, похоже...

Мишка пошел вслед за ним. Так, это, наверное, прихожая, — синяя стальная дверь впереди явно вела в коридор или на лестницу. Слева за приоткрытой дверью знакомо поблескивал кафель, а справа была ещё одна комната, темная, но там, в темноте, что-то мерцало. Мальчишка прошел в неё, — и замер, прижмурившись, когда бесшумно вспыхнул яркий голубоватый свет. Комната оказалась небольшой, но облицованной чем-то вроде синезеленого полупрозрачного стекла, за которыми, наверное, скрывались лампы, — они создавали странное ощущение рассвета на морском берегу.

А посреди комнаты стояла серая, очевидно, пластмассовая штука, удивительно похожая на гроб. К торцу её была прикреплена наклонная пластина из стекла, — а на ней, внутри несложной схемы, мерцала зеленая человеческая фигурка. Сбоку торчала ещё одна панель с маленьким экранчиком, — на нем было что-то, совсем уже непонятное, — и вторая, квадратная, с единственной большой красной кнопкой в полукруглом углублении.

— Ни фига себе, — сказал Сашка, входя вслед за ним. — Это что?

— Не знаю, — буркнул Мишка. — Саркофаг какой-то...

— Смотри — мигает... может, там живой кто-то?

— А давайте посмотрим, — Витька шагнул вперед и, прежде, чем кто-то успел его остановить, нажал на кнопку.

* * *

Мишка испуганно замер... но поделаться ничего уже не мог. Что-то противно и высоко пискнуло, экранчики суматошно замерцали и вдруг погасли. Внутри «гроба» что-то глухо зажужжало, потом тяжеленная, похоже, крышка нехотя поднялась и отвалила в сторону. Под ней, на какой-то сине-зеленой, полупрозрачной и, наверное, очень упругой массе лежал голый и худой мальчишка, всего лет четырнадцати. Его накрывала легкая металлическая рама, — а от неё ко всему телу тянулись разноцветные проводки, кончавшиеся небольшими присосками. Смотрелось всё это очень противно, — да и дохнуло из «гроба» далеко не розами, — но присоски тут же, как по волшебству, отскочили, проводки втянулись, и рама тоже откинулась, словно нехотя отпуская жертву.

Мишка боялся увидеть под ними нечто, уже совершенно невообразимое, но абориген оказался человеком, причем, довольно симпатичным: темно-золотые волосы, лицо короткое и широкоскулое, пухлогубое, с ярко-зелеными глазами. Несколько секунд он лежал неподвижно, бессмысленно глядя в потолок, потом начал яростно выдергивать трубки, которые входили ему в рот и чуть ли не во все отверстия на теле. Наконец, сел — и снова замер, ошалело глядя на окружившую его компанию. Потом вдруг попытался вскочить, — но потерял равновесие, и грохнулся бы на пол, если бы Витька не подхватил его. Местный вырвался и заорал не своим голосом — у Мишки даже зазвенело в ушах. Он не представлял, чем бы всё это кончилось — то есть, совершенно, но Сашка вдруг шагнул вперед, — и вlepил мальчишке полновесную оплеуху. Тот сел на попу и замолк, схватившись за щеку. Взгляд его стал крайне изумленным, — но всё же, хотя бы отчасти, осмысленным, хотя и метался туда-сюда, как у загнанной в угол крысы. Взгляд этот Мишке очень не понравился, и точно — мальчишка вскочил и пулей бросился за дверь. В прихожей он налетел на Йанто, и снова заорал не своим голосом. Потом до Мишки долетел сочный звук оплеухи, — Йанто вполне разделял взгляды Сашки на лучшее средство от истерики.

Мишка повернулся. Так и есть — абориген снова сидел на полу, а Йанто стоял перед ним в явной растерянности. К счастью, ему хватило ума убрать свой нож, — один вид этой жуткой штуки мог бы довести до истерики даже не столь испуганного человека. Но и без него Йанто — мокрый, обсыпанный пылью, — весьма походил на водяного или ещё какую нечисть, вроде лешего. От него резко и неприятно пахло, — должно быть, кровью убитых им тварей, — и от одного этого запаха волосы буквально вставали дыбом. Мишку ничуть не удивляло, что местный смотрит на него, как птичка на змею.

Сашка подошел к нему сзади, взял за плечи и силком поставил на ноги. Местный ошалело осмотрелся, потер ладонью покрасневшую щеку, — и вдруг бросился в комнату. Мишка испугался, что он выскочит в окно — ищи его потом! — но у выбитой рамы местный остановился, ошалело глядя на царящий снаружи разгром, обернулся, в пулеметном темпе выдал несколько совершенно неразборчивых фраз, взвизгнул, заметив, наконец, Ленку, торопливо схватил что-то вроде черно-красного полосатого халата и закутался в него.

— И что нам с ним делать? — уныло спросил Витька. — Он же тоже русского не знает ни хрена. Мало нам одного Йанто было...

Местный, однако, не терял даром времени. Подбежав к столу, он схватился за какую-то штуковину, похожую на крупную гальку. Рядом с ней лежала большая плоская железная коробка, — из неё на каком-то штативе торчали две толстых круглых палки, и между ними, прямо в воздухе, вдруг вспыхнуло цветное, непонятное изображение, быстро замигало, изменяясь. Местный лихорадочно дергал «гальку» туда и сюда и щелкал вделанными в неё кнопками. Мишка удивленно смотрел на него, — он ни фиги не понимал, что тут происходит, и это очень его злило.

Изображение на экране мигнуло. Мешанину непонятных полосок и прямоугольников вдруг сменило лицо девушки, очень похожей на местного мальчишку, но на удивление ухоженной, — её гладкая, красновато-коричневая кожа и волосы блестели, словно влажные, а ярко-зеленые глаза, большие и длинные, косо поднимались к вискам. Одета она была во что-то, вроде ярко-белого платья с алыми, словно бы рублеными значками на высоком воротнике. Она удивленно уставилась на мальчишку, — и тот снова разразился речью, судя по паническим интонациям, — что-то вроде «спасите-помогите-хулиганы зрения лишают!». Девушка смотрела на него скептически, — и мальчишка быстро отступил в сторону, картинно обводя рукой собравшуюся вокруг компанию. Лицо девушки тоже приняло довольно ошалелый вид, — но она быстро опомнилась и бросила мальчишке несколько коротких, резких слов. Тот снова разразился возмущенной речью, — но экран тут же погас.

* * *

Мальчишка замер и повернулся к ним с явно испуганным выражением. Казалось, что вопрос «а бить не будете?» написан у него прямо на лице.

— Не бойся, мы тебя не тронем, — сказал Сашка, но местный, казалось, не слышал его, — он быстро моргал и смотрел так же испуганно. Мишке тоже захотелось дать ему оплеуху, — но это был бы уже перебор, и он сдержался.

Мальчишка в ответ разразился очередной пулеметной речью с тем же смыслом: «не будете ли бить?» Мишка вполне мог его понять, — кто угодно испугался бы, обнаружив в своем доме толпу незнакомцев — но, всё равно, ему стало как-то неприятно. Трусов он не любил, — горячо и почти инстинктивно. Йанто, готовый без раздумий драться с любой невообразимой жутью, был ему куда ближе, чем...

— Слушай, а звать-то тебя как?

— А? — очень по-земному сказал мальчишка, прижав руки к груди.

— Звать-то тебя как? — повторил Мишка.

— Йоло. Ыйван Йоло, — догадался мальчишка.

— Ёлка, короче, — тут же перевел Витька. — Чукотская.

— А? — Йоло повернулся к нему.

— Ёлка, — серьёзно повторил тот. — Ты — Ёлка.

— А? — выражение на лице Йоло стало откровенно недоуменным.

— Хорош гнать, — сказал Мишка. — Йоло так Йоло. Нормальное такое имя, югославское.

— А? — Йоло повернулся к нему.

— Б! — не выдержал Сашка. — Ребята, он же, похоже, помощь вызвал — милицию или «скорую», или кто у них тут...

— И что? — хмуро сказал Мишка. — Мы ж затем сюда и приперлись, чтобы высокоразвитых найти...

— Ага, а они нас тут же в дурку, — сказал Витька. — Или вообще на опыты, и всю кровь выпустят.

Йоло, между тем, вдруг бодро цапнул со стола какую-то, похожую на маленькую рацию штуку, и выскочил в коридор. Мишка бросился за ним, — но прямо перед носом у него щелкнула, закрываясь, дверь ванной. Кстати, тоже металлическая, покрытая белой эмалью, как дверца холодильника. Мальчишка недовольно дернул ручку, — но дверь даже не дрогнула. Из-за неё вновь донеслось торопливое «спасите-помогите-убивают!».

— И что теперь делать? — угрюмо спросил Витька. — Ломать? Так у нас даже топора нет, а дверь железная же...

— Да ну его, — буркнул Мишка. — Ну, выломаем — и что? Он нас с испугу кипятком ошпарит или тазиком по башке даст. А так вымоется хоть, а от как от козла воняет...

— А в самом деле... — задумчиво сказал Сашка. — Он же в этом гробу месяц, не меньше, лежал. Зачем?

— Откуда я знаю? — ответил Мишка. — Может, анабиоз у них какой...

— Прямо на дому? — спросил Витька. — В космосе сотни лет лететь, — я бы ещё понял. А тут...

— Тут они все свихнулись, — буркнул Сашка. — Вместе с миром, так сказать... Везде твари эти ненормальные и роботы, — а люди все лежат по квартирам, в таких вот гробах...

— Да ну тебя... — Мишка поёжился. Картина, что и говори, получалась жутковатая, совсем не похожая на те истории о будущем, что он читал. — Тут же ещё остались... нормальные. Девушка, с которой Йоло говорил...

— Делать-то что будем? — спросил Витька.

— А ничего, — буркнул Сашка. — Тут будем сидеть. У меня эти прЫключения уже вот где сидят, — он чиркнул ладонью по горлу. — А по улицам опять бродить будем, — там нас и прибьют, никакой Йанто не поможет...

Мишка перевел взгляд. Йанто стоял совсем рядом и слушал их очень внимательно, — только что не шевелил ушами от волнения, — и явно о чем-то напряженно думал. И не спросишь ведь его, и в башку не влезешь... и они все, как ни крути, зависят от него, и не только потому, что он может прыгать меж мирами, — от его умения драться тоже зависят...

Ленка, между тем, проскользнула в маленькую комнатку за ванной — на кухню, как оказалось. Обстановка в ней была небогатой, — белый пластиковый стол, шкафчик с посудой, две каких-то штуковины, похожих на духовки, — побольше и поменьше, — и вполне земного вида холодильник. Ленка решительно распахнула его. Внутри тоже оказалось пустовато, — но уж пакеты с молоком не узнать было нельзя. Нашлись там и пакеты с какими-то колбасками из мягкой розовой массы, непонятно из чего

сделанной, — на вкус она походила на сырую рыбу, но оказалась вполне съедобной. Пару минут все, кроме Йанто, сосредоточенно жевали. Тот, понюхав «колбаски», поморщился и есть их не стал, — а вот к молоку отнесся с большим интересом, выдув целый литр зараз. Ленка снова полезла в холодильник и нашла там миску фруктов, похожих на персики. Вкус их оказался незнакомым и терпким, — но явно лучше непонятной «колбасы». Мишке неловко было есть чужое — но, раз хозяин заперся в сортире, то так ему и надо. Меньше надо бояться.

Поев, они вернулись в комнату. Мишка сразу же плюхнулся на диван. Ноги и голова гудели, после еды страшно захотелось спать. Йанто вновь замер у окна, подобравшись и настороженно осматриваясь. Ленка возилась на кухне — должно быть, вела инвентаризацию запасов. Сашка сел прямо в проеме двери, присматривая за ванной. Оттуда и впрямь уже доносился ровный шум воды, но расслабляться не стоило, — Йоло вполне мог выкинуть какой-нибудь дикий фортель. Витька полез к странной штуке с экраном, — но результатов никаких не добился. Это что-то типа телевизора, лениво подумал Мишка. Только такого, с которым можно... ну, общаться. Как на телевидение звонят. Интересная, наверное, штукавина...

Он незаметно задремал, и в себя его привел накатившийся с улицы рев. Корабль прошел, казалось, прямо над крышей, заставив задрожать всё здание и подняв на улице тучу пыли, — Йанто даже отскочил от окна и возмущенно расчихался. Рев стих, затем стал громче — и внезапно оборвался. Пол дрогнул — словно на улице рухнуло что-то тяжелое.

— Ого, это, похоже, за нами, — сказал Сашка.

Мишка вскочил, в животе что-то неприятно трепыхнулось. А ведь это не скорая психиатрическая, вдруг подумал он. Это солдаты. Десант. И черт знает, что им там наплел Йоло по своей странной «рации». Может, что мы все хотели его съесть или выпить его кровь, или ещё что-то...

Витька тоже вскочил. Один Йанто внимательно смотрел в окно, — похоже, он так и не понял, что происходит.

Ребята замерли, напряженно прислушиваясь. Где-то с минуту всё было совершенно тихо. Потом за дверью, в подъезде, раздался страшный грохот, — словно в здание въехал грузовик. Йанто подскочил и бросился к двери, выхватив нож. Выскочив из кухни, Ленка с писком налетела на него, тут же отскочила и бросилась в объятия Мишки. Тот замер, ошалело пытаясь что-то думать, — но горячее тело девчонки словно отшибло все мысли.

За дверью раздались мощные, тяжелые шаги, — словно бы статуи Командора. Тумм... тумм... тумм... от каждого такого шага ощутимо содрогался пол. Потом дверь вдруг смялась, как бумажная, и влетела в прихожую, — Йанто едва успел отскочить. В развороченный проем проскользнула громадная серо-черная фигура в чем-то, похожем на рыцарские доспехи, — но гораздо, гораздо массивнее. Йанто с воплем прыгнул на неё, замахиваясь ножом — но гигант спокойно схватил лезвие рукой в латной перчатке, и вырвал его с небрежной легкостью. Второй рукой он схватил Йанто за плечо. Тот пнул гиганта ногой в пах, — и тут же зашипел от боли. Гигант же даже не заметил этого — резким рывком развернув Йанто, он поднял его, прижав к груди... и вышел. Но, вслед за ним, тут же появился второй, деловито направившись к Сашке.

— Не дергайтесь! — заорал тот.

Был бы смысл, угрюмо подумал Мишка, наблюдая за тем, как его друга выносят. Но смысл в его словах всё же был, — «рыцари» вели себя как пожарные, выносящие людей из

огня. Над плечом у каждого торчал массивный ствол винтовки, — но пользоваться ими они не собирались.

С удивившей даже его самого храбростью он шагнул вперед — будь, что будет! — и очередной гигант схватил его, прижав к броне. Горячей, почти обжигающей, — но не раскаленной, зато состоящей из множества каких-то углов. Мишка дернулся, — но кольцо бронированных лап держало мертво.

Его быстро вынесли в холл, потом, по короткой лестнице — на улицу. За спиной завизжала Ленка, и Мишка вновь дернулся, пытаясь оглянуться, но напрасно. Во дворе он заметил ещё нескольких солдат, — они замерли за углами у ведущих на улицы проходов, и они-то держали винтовки в руках. Винтовки смотрелись офигительно — тоже серо-черные, с массивными оптическими прицелами и толстыми треугольными стволами, — но от одного их вида продирало жутью. Стреляли они явно не пулями, и Мишка чувствовал, что в их прицел лучше не попадать ни одному живому существу.

Его вынесли на улицу. Посреди неё, растопырив низкие опоры, стоял корабль — горбатый, оцетинившийся орудийными башнями. От него несло жаром, как из топки, остро и резко пахло озоном и сгоревшим металлом. Кое-где сквозь стыки броневых панелей пробивался жгучий синий свет. В длину эта жуткая штука была добрых метров сорок, — и высотой с трехэтажный дом.

Наверху завывало и засвистело, и Мишка задрал голову. Высоко в небе крутилась сумасшедшая карусель из каких-то асимметричных золотистых шукувин и других, — крапчатых, сине-черных, с торчащими назад и вбок изогнутыми хвостами. Они стреляли друг в друга лучами и сгустками багрового и бело-голубого огня, вспыхивали разрывы, вниз, кувыряясь, летели дымящие обломки.

Воздушный бой, понял Мишка. Мы не сможем взлететь, это самоубийство! Нас самих тут же собьют!..

Но солдат быстро и деловито нес его к кораблю. Мишка снова бешено задергался, — но с таким же успехом он мог бы пинать танк. В небе трещало и бахало, из края в край металось бело-голубое пламя. Слева неторопливо проплыла золотистая громадина, похожая на два сросшихся надстройки корабля — побольше и поменьше — и из промежутка между ними оглушительно мощно шарахнуло жидким лиловым огнем. Мишка всё ещё ошалело смотрел на неё, когда его затащили в тесный, ярко освещенный отсек и грубо втиснули в кресло. Он попытался приподняться, — и на него сразу же опустилась массивная мягкая рама, прижав его так, что он не мог даже двинуться. В кресло перед ним втиснули возмущенно вопящего Йоло, и Мишка усмехнулся: похоже, что сказки о злобных пришельцах не слишком тому помогли.

Солдаты сели впереди, люк-пандус захлопнулся с резким, ударившим по ушам лязгом. Тут же откуда-то сверху спустилась изогнутая стеклянная пластина, — и словно растаяла, превратившись в полупрозрачное, но очень четкое изображение. Кресло под Мишкой шевельнулось, сжимаясь и плотно обхватывая его. Мамочки, мы же сейчас полетим, подумал он. Прямо в пекло. Ай!..

Со всех сторон сразу накатила глухой рев, такой мощный, что даже кости у мальчишки завибрировали. На экране полыхнуло пламя, кресло резко поддало под зад, — так, что желудок, казалось, провалился к пяткам. Корабль рывком развернулся — так, что в голове у Мишки всё смешалось, — потом встал на попа, задрав нос в исчерченное выстрелами небо. Мамочка, снова подумал Мишка. Я всегда мечтал стать космонавтом — но не так же!..

Рев стал ещё громче, — и ему, казалось, врезали по спине. Какая-то мягкая, но неодолимая сила вдавила его в упругие подушки, земля на экране сразу провалилась вниз. Сине-черные шкуловины тучей устремились к ним, — но тут небо расколола страшная фиолетовая молния. Казалось, что от зенита до земли мгновенно выросло ветвистое огненное дерево. Корабль словно пнули в бок — он качнулся, но всё же как-то выровнялся. Но фиолетовая молния вспыхнула снова... и снова... и снова... Мишку трясло, как муху в погремущке, в голове у него помутилось. Если бы не рама — он летал бы по салону, как мячик... симпатичный такой, брызжущий кровью мячик. Но солдаты и ухом не вели — для них, похоже, всё это было привычно. Ни фига себе, подумал Мишка. Мир счастливого будущего. Не нашего — и на том спасибо...

Айй! Рев внезапно стих, тяжесть исчезла. Мишка полетел куда-то вниз... и стал падать... и падать... и падать...

На сей раз заорали сразу все — кроме, опять же, солдат... и Йоло. Это и привело Мишку в себя, — раз уж такой трус не боится, то точно опасности нет.

Да это же невесомость, вдруг понял он. Мы в космосе, на орбите. Офигеть!..

Мишка ошалело уставился на экран. Так и есть, — небо стало совершенно черным, пустым и страшным. Он поискал взглядом землю, — но под ним была такая же жуткая чернота. Потом откуда-то справа всплыл ало-розоватый серп, и он вдруг понял, что видит закат, — они летели над ночной стороной планеты. А вот и звезды... или же совсем не звезды.

Глаза Мишки понемногу приспособились к темноте, и теперь он видел, что одни звезды двигались на фоне других, — то есть, никакие не звезды, конечно, а корабли. КОРАБЛИ. Они быстро поднимались туда, к ним — и мальчишку охватил едва представимый восторг. Он всё же попал в космос, — пусть не по своей воле, но гораздо быстрее, чем смел надеяться.

* * *

Вдруг Мишка понял, куда они летят, — к группе кораблей, которые не плыли по орбите, а висели на месте, нагло игнорируя законы гравитации. Отсюда он не мог ещё их разглядеть, — но там был один большой и ряд поменьше. Они быстро приближались, их корабль, очевидно, маневрировал, — на экране вдруг вспыхивали белесые облачка, и снаружи доносились глухие удары. Каждый раз Мишку дергало то вправо, то влево, то толкало в спину. Корректируют орбиту, подумал он. Точно, офигеть.

— Вы только посмотрите! — крикнул Витька.

Вот это точно военный, подумал Мишка, глядя на корабль. Он был длинный, с короткими массивными «крыльями», темно-серого, графитового цвета. Поверхность его состояла из глухих, плотно пригнанных плит, а когда они подлетели поближе, он разглядел и орудийные башни — побольше, у основания «крыльев», и поменьше — они, как прицепившиеся к броне паучки, тянулись в три ряда вдоль всего корпуса.

Издали корабль казался небольшим, — но он всё вырастал... и вырастал... и вырастал, занимая всё поле зрения. В массивном наплыве у основания «крыла» зияло цилиндрическое углубление, — и оттуда пробивался яркий золотистый свет. Но не сплошь — Мишка разглядел прорези, углубленные в корпус, и их отблеск на цилиндрической стенке. Всё это

обрамляли радиальные лепестки откинутой наружу брони.

Да это же ангары, подумал мальчишка. Мы летим туда. Но какой же он большой! Как целый город... похоже, даже больше. Километров десять. Или двенадцать. Или...

Корабль занял полнеба, словно горный хребет, — взгляд уже не мог охватить его целиком. На передней кромке «крыла» виднелись восемь прямоугольных проемов, забранных жалюзи — зачем они в вакууме? Или эта громадина может входить в атмосферу? Нет, невозможно... но ведь она как-то висит над поверхностью, наверное, с помощью антигравитации, — так что помешает ей спуститься пониже?..

Золотистый свет ангаров падал на стволы одной из орудийных башен, — на фоне корпуса она казалась небольшой, но наверняка была длиной в несколько сот метров. Даже башни-«паучки» были размером с громадное здание. Вот кто стрелял, подумал Мишка. Неудивительно, что нас так мотыляло...

Челнок развернулся, входя в ангар. Его золотой свет падал на стволы орудий, и Мишка заглянул прямо в многогранные жерла, — калибр их был, наверное, метров пятьдесят. И стреляют они точно не снарядами, а какой-нибудь плазмой, или вовсе какими-то «лучами смерти»...

Челнок влетел в узкую золотистую щель, — и она обернулась огромным залом, в котором стройными рядами стояли такие же челноки. Их челнок завис и мягко опустился на пол, — на сей раз без всяких фокусов. Мишку вновь вдавило в кресло — здесь была гравитация, несомненно, искусственная.

Экран погас и поднялся вверх, люк челнока открылся. Рама тоже поднялась — но, едва Мишка встал, его тут же схватили и потащили наружу. Он брыкнулся, но только для порядка, — такое обращение мало ему нравилось.

Снаружи оказалось неожиданно жарко, так же пахло сгоревшим металлом и озоном. Вокруг челноков сновали фигурки в серо-зеленых скафандрах с массой непонятных деталей и в разноцветных наплечниках, — желтых, фиолетовых, коричневых... Ещё несколько таких же, в красных наплечниках, явно поджидали их. Рядом с ними стояли семь носилок, — то есть, не стояли, а парили в воздухе, на высоте пояса. Понятно, это явно медики...

Его, не слишком вежливо, уложили на качнувшиеся под телом носилки. Одна из фигур шагнула вперед, обмахивая его какой-то похожей на эскимо шкувиной. Блики мощных оранжевых ламп плавали на пузыре шлема, не давая рассмотреть лица — но всё же, Мишке почудилось там нечто странное — может, респиратор, а может...

Прямоугольный экранчик на боку «эскимо» замерцал дрожащими разноцветными нитями. Фигура отступила, жестом фокусника выхватив что-то вроде карманных часов. Крышка отскочила — и Мишка заглянул в черный обсидиановый зрачок. Вдруг он полыхнул, как фотовспышка. Свет ударил по башке громадной мягкой кувалдой, — и мальчишка полетел куда-то в смутные, беспорядочные сны.

Глава пятая, в которой Мишка говорит с пришельцем

Мишка проснулся в незнакомой постели. Не зная, что и подумать, он наспех протер глаза и осмотрелся.

Комнату наполняло золотистое свечение. Бело-бежевые поверхности, с вкраплениями ярких ультрамариновых и желтых оттенков, отсвечивали мягко, матово, и атмосфера комнаты казалась осязуемой, почти осязаемой. Мишка чувствовал себя одновременно умиротворенным и взволнованным. Он никак не мог вспомнить, как попал сюда, и эта странность будоражила его воображение всё сильнее.

Он решительно выбрался из постели и осмотрелся. Никакой одежды вокруг не нашлось, и он, шлепая босиком по теплему полу, направился к двери. Запертой, как оказалось. Он подергал ручку. Ничего, зато за спиной что-то пискнуло.

Мишка обернулся. В стене открылось квадратное окно — и там, на этой крышке, лежал прозрачный пакет с, очевидно, одеждой. Мальчишка покрутил его и, не поняв как открыть, просто разорвал пленку. Из пакета выпало что-то вроде японского кимоно — белое, в черных неправильных пятнах. Мишка не сразу разобрался, как надеть его. Зеркала тут не было, и он не представлял, как всё это выглядит со стороны.

Едва он оделся, дверь комнаты шелкнула, открываясь, и в комнату вошла девушка. Высокая, в чем-то вроде белой туники с серыми клиньями по бокам и черным рубленным узором на плечах. Но Мишка замер, едва взглянув на её лицо.

Перед ним был не человек. Лицо цвета слоновой кости, почти безносое, с круглыми желтыми глазами. Рот широкий, верхняя губа углом поднималась вверх, делая лицо похожим на какую-то древнеегипетскую фреску. Волосы очень светлые, — но словно бы склеены во множество цилиндрических, аккуратно подрезанных пучков, падающих на неестественно длинную шею. Само лицо широкое, по сторонам его торчат смешные маленькие ушки, — но больше ничего смешного в нем не было. Страшноватое, честно говоря, лицо, — какое-то змеиное. На лбу, на чем-то вроде стального браслета от часов, крепилась странная штуковина — не зеркало, как у врачей, а что-то, совершенно непонятное.

Мишка оцепенел, не в силах ни двинуться, ни что-то сказать. Как-то вдруг он заметил, что ладони у девушки четырехпалые, длинные, с крупными пальцами, — совсем не девичьи. Такими руками, наверное, очень удобно хватать за горло, совсем некстати подумал он. Да и сама она была выше его головы на две. Вдоль рук шло что-то, вроде гребня, — да и очертания фигуры были тоже не вполне человеческие.

— Приветствую тебя, — вдруг сказала девушка. Голос у неё тоже был нечеловеческий, какой-то стеклянный, словно говорила кукла, — но какой ещё голос может быть у нечеловека? Мишка молчал, ошалев, и она продолжила: — Я — Ю-Пао Ланг, офицер по связям с ксеноразумными боевого крейсера Зенны «Тиран».

— Ничего себе... — правду говоря, название подходило к чудовищному кораблю, но оно совсем ему не нравилось. Теперь он вспомнил, что видел такое же — похожее — лицо у того, кто вырубил его в ангаре. Ангар... как же он туда попал?

— Мы просканировали твою память, — сказала Ю-Пао. — Чтобы узнать язык, и остальное. Так что можешь не представляться.

— Вы... что? — голова у Мишки закружилась. Раз эти... эти... существа залезли к нему

в голову, — они могли сделать с ним и что угодно ещё.

— Мы просканировали твою память, — повторила Ю-Пао. — И память твоих спутников. Это допустимая процедура в чрезвычайной ситуации, согласно пункту 285 статьи 4 восьмого раздела Галактического Кодекса. Согласно пункту 286 той же статьи вы имеете право на компенсацию морального ущерба в размере, определяемом пунктом 314.

— Я не знаю этого вашего Кодекса, — буркнул Мишка.

— Естественно, — Ю-Пао бесстрастно смотрела на него. — В данной ситуации вы имеете право на репатриацию на любую планету Содружества по выбору, а также на компенсацию в размере ста тысяч кредитов на каждого.

— А вернуть нас домой вы не можете? — воспоминания начали пробиваться, но как-то нехотя, словно талая вода.

— Мы не знаем, где ваш дом, — ответила Ю-Пао. — Вид звездного неба в вашей памяти не совпадает с небом ни одной из известных планет. Согласно ей же ваша родина находится в другой вселенной.

— И вы туда попасть не можете? — Мишка словно повис в пустоте. В ушах отчетливо звенело.

— Нет, — бесстрастно подтвердила Ю-Пао. — Параллельные вселенные — это чисто теоретическая концепция.

— Но мы же как-то попали сюда!

— Мы не смогли просканировать память Йанто, — сказала Ю-Пао. — Мы даже не смогли её обнаружить. У нас нет никакой информации об этом. Ваша же память могла быть подделана или изменена с некой непонятной нам целью.

— С ума сойти... — Мишка сел на постель. Ноги как-то подозрительно обмякли. — А что с ним?

— Он находится в искусственной коме, — сообщила Ю-Пао своим стеклянным голосом. — Как и остальные.

— Э... зачем? — Мишка смутно представлял, что такое «кома», — но это было явно что-то, очень нехорошее.

— Медицинская необходимость, — ответила Ю-Пао. — Радиационное заражение, биологическое заражение, — неизвестные нам вирусы и паразитические организмы.

— Какие организмы? — Мишке показалось, что он сейчас упадет в обморок.

— У тебя в кишечнике были обнаружены круглые черви, — сообщила Ю-Пао.

— Аскариды, что ли? — Мишка поёжился. Глисты, разумеется, бывают — но чтобы у него!..

— Мы их устранили, — успокоила Ю-Пао. — Ты прошел полную очистку организма, согласно статье 396 Медицинского Кодекса, — контакт с цивилизацией четвертого уровня развития. Процедура включает в себя устранение паразитических организмов, а также микрофлоры, не признанной симбиотической. Плюс инсталляцию стандартного медицинского нанотеха первого уровня.

— Инсталляцию чего? — уныло спросил Мишка. Он словно попал наяву в чей-то чужой дурной сон.

— Кибернетических микроорганизмов, которые будут следить за нормальной работой твоего тела, — пояснила Ю-Пао. — Это часть положенной вам компенсации. Теперь вероятная продолжительность твоей жизни составит не менее ста пятидесяти земных лет.

— Ничего себе... — Мишка ошалело помотал головой. — И всё это за одну ночь?

— Ты находился в коме четыре месяца, — сообщила Ю-Пао. — Для стандартной процедуры достаточно двух месяцев, но «Тиран» был тяжело поврежден в бою у Юлиманги, и процедура была прервана.

— ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА? — Мишку словно ударили по лбу. Дома его уже давно похоронили — но и даже эта мысль пробилась как-то смутно. А мысль о том, что он чуть не погиб в космическом сражении, на её фоне прошла и вовсе незаметно. Хотя, страшно представить, что может покалечить такую громадину... — Я домой хочу, — уныло сказал он.

— Параллельные вселенные, как и переходы между ними, остаются теоретической концепцией, — повторила Ю-Пао. — Ваш родной мир не идентифицирован. Решения не существует.

* * *

Какое-то время Мишка тупо смотрел в стену. В голове у него плыло, мир, казалось, качался — то туда, то сюда...

— Но Йанто же как-то прыгал... — безнадежно сказал он.

— У нас нет никаких доказательств, — сказала Ю-Пао. — Но в его отношении будет применен Протокол Эпсилон.

— Протокол что? — спросил Мишка.

— Протокол контакта с потенциально сверхразумной формой жизни, — пояснила Ю-Пао.

— Это Йанто-то сверхразумный? — удивленно спросил Мишка. — Да он...

— Дикий вид — не означает дикого сознания, — ответила Ю-Пао. — Отсутствие его памяти — необъяснимо. Ваши воспоминания — необъяснимы. Ваше появление на Юлиманге — необъяснимо. Согласно статье 128 первого раздела Галактического Кодекса, необъяснимые свойства разумной ксеноформы являются основанием для применения Протокола Эпсилон. Независимо от её внешнего вида и статуса.

— И что это за протокол? — уныло спросил Мишка.

— Процедура Контакта в максимально корректной форме. С учетом возможной концептуальной несовместимости.

Мишка недовольно помотал головой. Он сам «вступил в контакт с разумной ксеноформой», — и уже чувствовал, что его и впрямь лучше проводить «в максимально корректной форме». От одного вида Ю-Пао его бросало в дрожь, — а её бесстрастный тон пугал его ещё больше. Её соплеменники явно привыкли решать проблемы быстро и решительно, — и стать такой проблемой не хотелось. Но всё же...

— Послушайте... — устало сказал он. — Я хочу видеть своих друзей. ВСЕХ своих друзей. Вы понимаете? Сейчас же.

Ю-Пао посмотрела на него. Впервые в её взгляде проскользнуло что-то вроде... сочувствия?

— Понимаю, — ответила она. — Подожди полчаса.

* * *

Мишка подождал. Ю-Пао вышла, — заперев за собой дверь — но, должно быть, в порядке компенсации, из того же окна ему выдали еду: поднос с углублениями в виде тарелок, в которых лежали кусочки каких-то овощей и что-то непонятное, — не то грибы, не то какие-то моллюски. На вкус они оказались вроде морской капусты, а овощи напоминали репу. Мишка не знал, как жили на «Тиране», — но ели на нем невкусно. Или вкусно — но на свой, так сказать, вкус. К еде прилагался высокий, вроде лабораторного, стакан с чистой водой. Тоже безвкусной. Ладно, спасибо и на этом...

Часов в каюте не нашлось, так что Мишка сидел, как на иголках. Наконец, дверь открылась, — но за ней оказалась не Ю-Пао, а какой-то парень. Того же «змеинового» вида, конечно. Тоже в тунике и узких светлых брюках, — наверное, форме. С поясом, на котором висела непривычной формы кобура. Он вежливо отступил в сторону, жестом предлагая мальчишке выйти. Русского он, похоже, не знал.

Вежливый-то он вежливый, подумал Мишка, — но дай я ему по башке, точно разрежет пополам, и даже не моргнет. Или не разрежет, а просто потащит за шиворот, чтобы выполнить приказ. И мне будет очень стыдно...

Вздыхнув, он вышел в такой же бело-бежевый коридор с золотистым освещением. Пустой. Ну да — тут наверняка что-то вроде изолятора для «ксеноразумных форм» непонятого происхождения. Не слишком, явно, многочисленных.

Тем же жестом офицер — или кто у них там? — предложил ему идти вперед. Мишка, вздохнув, подчинился. Метров через пятьдесят офицер свернул в сторону и открыл ещё одну дверь. Она вела в круглое, просторное помещение, вдоль стены которого бежал сплошной диван. Центр его занимал круглый же низкий стол со сплошной мягкой боковиной. И Сашка, и Витька, и Ленка сидели здесь, в таких же черно-белых «кимоно». Тут же сидел и угрюмый Йанто. Своё «кимоно» он одевать не стал, просто обернул вокруг пояса так, что получилось что-то вроде свисающей до пят юбки. Смотрелось это смешно и Мишка невольно улыбнулся. К его удивлению, тут же сидел и Йоло, — в таком же «кимоно». Похоже, его желание видеть всех Ю-Пао поняла буквально. Ну и пусть её...

— Мишка! — вскочив, Ленка бросилась к нему в объятия. Как и у него, под «кимоно» у неё ничего не было, и Мишка как-то вдруг обнаружил, что зад у неё круглый и крепкий, и вообще...

Йоло густро покраснел. Йанто, напротив, смотрел с откровенным интересом. Ну да — у них-то, в диком племени, девчонки ходили хорошо если в набедренных повязках, и отношения с парнями у них, наверняка, были самые что ни на есть непосредственные...

Не слишком вежливо оттолкнув девчонку, он плюхнулся на диван, закинув ногу на ногу. Ленка, впрочем, тут же плюхнулась рядом, схватив его за руку и глядя сияющими сумасшедшими глазами. Мишке даже стало неловко... очень неловко, честно говоря. Он сам покраснел, словно вареный рак, хмуро глядя на товарищей.

— Ну? — наконец, сказал Сашка. — Что делать будем?

— Я... хочу уйти отсюда, — вдруг сказал Йанто. Он говорил медленно и осторожно, словно пробуя слова на вкус.

— Куда? — спросил Мишка. — И... ты что, говоришь?

— Говорю, — Йанто хмуро посмотрел на него. — По... как это? По-русски, да? Они меня тоже научили. Но я хочу уйти. Здесь плохо.

— Куда уйти? — кисло сказал Витька. — Я домой хочу, а не по мирам до конца жизни шляться.

— А всё равно, — сказал Йанто. — В любой мир.

— Нет, нет, так не годится, — сказал Сашка. — Во-первых, — ну куда мы в таком виде, без вещей? Во-вторых, — а вообще, куда мы? Попадем опять в какую-то пустыню, или в какой-то сумасшедший мир — и привет...

— А тут морды эти змеиные, — сказал Витька. — Кровь выпьют или на опыты какие утащут.

— Нет, нет, нет, — вдруг сказал Йоло. Похоже, что русскому обучили и его. — Это же зенны. Они ничего такого не сделают.

— Кто-кто? — спросил Мишка.

Йоло вздохнул.

— Зенны. Они очень... ну, очень рациональные. И повернутые на законах. Мы у них вроде как перемещенные лица. С кучей прав. Ну, не с кучей, но на опыты нас точно нельзя. Без нашего согласия, конечно.

— Спасибо, — буркнул Мишка. — Они нас уже... того. Нанотех этот...

— Нанотех — это хорошо, — сказал Йоло. — У нас его лишь на седьмом уровне гражданства дают. Первый уровень, то есть. Или так, но за двадцать тысяч на рыло.

— А сто тысяч — это много? — спросил Сашка. Похоже, что Ю-Пао поговорила тут с всеми.

— Это на приличной планете пару лет прожить, — ответил Йоло. — То есть, даже не прожить, а жилье снять и обучение пройти на работу хорошую. Зенны прижимистые же. У них фиг чего допросишься.

— Эй, эй, постойте, — Мишка повернулся к Йанто. — Ты нас домой вернуть можешь?

Йанто хмуро взглянул на него.

— Не могу. Я вообще ни в один мир не могу вернуться. Я вам уже показывал же.

— А как ты вообще из мира в мир прыгать научился?

— Я не научился, — вздохнул Йанто. — Меня Великий Дух научил.

— Кто? — спросил Витька.

— Великий Дух, — спокойно сказал Йанто. — Спас, а потом спросил, чего бы я хотел.

Вот и...

— Постой, — Мишка недовольно помотал головой. — От чего спас?

— Я на Горящую Гору полез... — начал Йанто, но Витька тут же перебил его.

— Какая горящая гора? С лесным пожаром, что ли?

— Горящая Гора, — повторил Йанто и повел руками, словно рисуя конус вулкана. — Где подземный огонь вырывается. Вот, я туда полез, а там как рванет! Кругом каменюки дымящие падают, огненный дым стеной сверху катит, думаю — всё. А тут раз! — и я на вершине соседней горы. А рядом Великий Дух. И говорит, что любопытство раньше меня родилось, но помру я точно вперед него. И спрашивает, чего я тут ищу. Ну, я и сказал, что хочу всё новое видеть, всё, что есть. Он засмеялся, и сказал, что так и будет. А потом взял меня за руки — и... Ну, сначала-то я не слишком ему верил, — а потом увидел другой мир, и... ну, вошел.

— И не смог вернуться? — спросил Мишка.

Йанто вздохнул.

— Угу. Как попросил — так и стало. В новые миры-то я могу входить, а обратно — никак.

— Фух, — сказал Сашка. — Как в сказке — встретил волшебника, ляпнул не то — и

привет. Ты хоть этого Великого Духа потом искал?

— Искал, — вздохнул Йанто. — Да только толку? Я же из своего мира ушел, а он там...

— Круто. Захлопнул дверь и ключ внутри оставил, — съязвил Мишка. — А как ты хоть это делаешь-то?

— Да просто. Верхним зрением смотрю, что где. Когда мир делается реальным, я в него шагаю. И всё.

— А что это за «верхнее зрение»? — спросил Мишка.

— Это дар Великого Духа, — пояснил Йанто. — Это вроде как сон, только в нем можно ходить. Тени миров. Тут надо... ну, собраться, чтобы видеть, но назад уже нельзя. Надо выбрать мир и войти. Просто так смотреть не выйдет.

— Ничего себе, — сказал Мишка. — А ты давно так по мирам шляешься?

— Года три как, — сказал Йанто. — Примерно. Я же тогда совсем маленький был.

— А как хоть этот Великий Дух выглядел-то? — спросил Витька.

— Как положено, — Йанто удивленно посмотрел на него. — Как охотник. С луком и стрелами.

— Спасибо, всё понятно, — съязвил Сашка. — Нет, ребята, это же бред какой-то! Дух с луком, условие дурацкое...

— И мы тут, — хмуро сказал Мишка. — Это не сказка.

* * *

Какое-то время все молчали. Ленка по-прежнему держала Мишку за руку, и даже привалилась боком. Ей-то что, уныло подумал мальчишка, был бы я рядом. А мне вот что делать? Нет, в самом деле? Когда всё, чему меня учили в школе, оказалось фигней, а сказки для малышей — реальностью? И безумие нетерпеливо машет ручкой?

— Раз Великий Дух есть, — сказал Витька, — то может, есть и Бог?

— Кто? — тут же спросил Йанто.

— Ну, Бог. Творец Мира, — Витька смутился.

— Мир сотворил Великий Дух, — немедленно сказал Йанто. — Это все знают же.

— Бога нет, — сказал Сашка.

— А вдруг есть? — не унимался Витька. — Великий Дух есть же!

— А может, это никакой не Великий Дух, — сказал Сашка. — А просто пришелел какой-то.

— Это был Великий Дух, — обиженно сказал Йанто. — Как рассказывают.

— Да ну тебя! — отмахнулся Мишка. — Кто рассказывает-то?

— Ну... взрослые... старшие... шаман, опять же... — мягко, как маленькому, пояснил Йанто.

— А у вас что — и шаман есть? — спросил Витька.

— Ну да, — Йанто удивленно посмотрел на него. — Круффин Ворон. Ему лет знаешь сколько? Четыре раза по двадцать, и ещё шесть. Вот.

— А почему по двадцать-то? — спросил Мишка.

— Столько пальцев на руках и на ногах, — спокойно пояснил Йанто. — А мне — всего десять и пять, — он тут же растопырил все упомянутые пальцы — для наглядности, как, вероятно, делал, когда хвастался своими годами перед совсем уже мелочью в родном

племени.

— Дожили... — вздохнул Сашка. — Шаманы, Великие Духи... может, мы все в дурке лежим, а всё это нам чудится?

— Ребята, а вдруг в самом деле Бог есть? — спросила вдруг Ленка.

— И что? — кисло спросил Мишка. — Молится, чтобы он домой нас вернул? Так он, если есть, сразу в ад нас отправит, как нехристей некрещеных.

— Я крещеная, — сказала Ленка. — Бабушка говорила.

— И я, — буркнул Витька. — Только толку-то?

— А мы попросим Йанто нас к нему, — смело предложила Ленка.

— Ага, в штаб генерала Духонина... спасибо, — буркнул Мишка. — Да даже если Бог и есть — так мы в рай, или где он там живет, не заслужили же. Мы атеисты.

— Эй, хватит, — сказал Сашка. — Мы сейчас черт знает до чего договоримся.

— А всё равно, — упрямо сказал Витька. — Интересно же. Столько все спорили — а мы сразу можем узнать.

— А как этот Бог выглядит? — спросил Йанто.

— Ну... — Мишка почесал в затылке. Ничего, кроме бородатого дедушки на облаке, в голову ему не приходило, — но он всё же сомневался, что данный образ имеет хоть какое-то отношение к реальности. — Не знаю я, — наконец, признался он. — И богов много же. Кришна, Вишну, Амон-Ра. Кали ещё есть...

— А она как выглядит? — спросил Йанто.

Мишка поёжился. Образ индийской богини в ожерелье из черепов и поясе из отрубленных рук засел в его памяти намертво, — но видеть её наяву он точно не хотел бы.

— Она богиня смерти, вообще-то, — буркнул он. — Да ну, чушь всё это...

— Не чушь, — сказал Сашка. — Йанто нас вернуть не сможет, он сам сказал. Надо искать, кто сможет. Ну, не бога, конечно, но...

— Зеннов вот уже нашли, — кисло сказал Витька. — А можно вообще на жуть какую-то нарваться.

— Можем, — сказал Мишка. — А можем и нет. Нет, ребята, надо что-то делать же. Иначе мы так и будем вместе с Йанто по мирам бегать. Надо искать таких же мироходцев. У вас-то с этим как? — повернулся он к Йоло.

— Никак, — тот вздохнул. — Я не слышал о таком. Нет, в омнивизоре-то всякое показывают — но наяву...

— Вот тебе и будущее, — буркнул Витька. — Между звезд летать научились — а между вселенными нет.

— Говорят, для этого нужна деформация метрики девятого порядка, — вздохнул Йоло. — А двигатель Эйценхофта — это только пятый порядок же. Больше невозможно.

— Что за двигатель? — деловито спросил Сашка.

— Двигатель Эйценхофта, — повторил Йоло. — Гиперспейсовый, им корабли через гиперпространство прыгают. Но ему квантовый реактор нужен, и дилатонные накопители ещё.

— А что это за «квантовый реактор»? — спросил Мишка.

— Он меняет квантовые числа частиц, превращает материю в антиматерию, — пояснил Йоло. — Двигатель Эйценхофта примерно так же работает, только меняет не частицы, а кванты пространства.

— Слушай, а у тебя чертеж этой штуки есть? — спросил Сашка. — А то нам на Земле

такой не помешал бы.

— Чертеж ты у зеннов попроси, — обиженно сказал Йоло. — Там объем знаешь какой? И там одного чертежа мало же, там нановерфи нужны, а они сами по себе знаешь сколько стоят? У нас, на Юлиманге, они в девятьсот шестьдесят миллиардов кредитов обошлись. А самая первая верфь, — где-то в семь триллионов. Её как раз зенны и строили.

— А что это за нановерфь? — спросил Мишка. Дело освоения космоса оказалось далеко не таким простым, как ему только что представлялось.

— Это шпуковина такая, которая собирает всё на наноуровне, — пояснил Йоло. — То есть, из отдельных атомов, в масштабе нанометров.

Что такое нанометры, Мишка уже знал, — одна миллиардная часть метра. Ничего себе...

— А тот двигатель Эйценхофта — он большой? — спросил он.

— Самый маленький — сто сорок метров, — ответил Йоло. — Это без накопителей и реактора. И стоит три миллиарда кредитов. А вместе с ними — шесть миллиардов. А весь корабль — десять миллиардов, как минимум.

— А максимум? — хмуро спросил Мишка.

Йоло лишь пожал плечами.

— Крейсера класса «Владыка», типа того, на котором мы сейчас — триста сорок миллиардов. Супердредноуты класса «Господь» — полтора триллиона. Стратегическая космокрепость — триллионов десять, но их в Содружестве всего штук шесть. Их только возле прайм-миров строят же.

— Возле чего? — спросил Витька.

Йоло посмотрел на него, как на идиота.

— Возле материнских миров каждой расы. Ну, не каждой, а только шестого уровня и выше. Очень дорого же. Но зато можно гипер во всей системе заблокировать, и вообще...

— А что это ты всё в кредитах считаешь? — спросил Витька. — У вас тут капитализм, что ли?

— Ну да, — Йоло удивленно посмотрел на него. — У всех капитализм. Кроме Зеннов и Тулэй — но они не люди же.

— А кредиты — это сколько? — спросил Мишка. — Сколько у вас обычные вещи стоят?

— Силовой нож тысячу сто стоит, — Йоло вздохнул. — У меня такой есть... только дома остался. Но это «Иридиум-II» же, дорогая штука, военная. Мне отец подарил. А в кафе сходить — кредит или полтора, смотря что заказывать.

Мишка вздохнул. Выходило, что кредит примерно равен рублю — и это наводило на неприятные размышления. Он понятия не имел, сколько стоит родной «Союз» или «Салют» — но не триста сорок миллиардов же! Правда, и размер у них поменьше, чем у этого многокилометрового чудовища, способного прыгать через гиперпространство...

— А что у вас там было-то? — спросил он. — Ну, твари все эти и вообще?

— У нас Сингулярность случилась, — печально сказал Йоло. — В смысле, сеть планетарная на трансразумность прыгнула, ну и понеслось... Вся техника ей управляется же, и биоформаторы тоже. Население всё вывезли, а я остался вот...

— А что ты в том гробу делал-то? — спросил Витька.

Йоло вздохнул.

— Это не гроб. Это капсула виртуальной реальности. Очень хорошая, на самом деле.

Сорок тысяч стоит.

— А что это за виртуальная реальность? — спросил Мишка.

— А у вас разве нет её? — Йоло посмотрел на него, как... да, совсем как на идиота. — Это когда нервную систему напрямую к компу подключают, и он все ощущения транслирует, как наяву. Только вокруг — всё, что хочешь. Я вот эльфом был, в волшебном лесу. Великим магом и всё такое. Страшно интересно.

— Эльфом — это таким маленьким, с крылышками? — спросил Мишка.

Йоло удивленно взглянул на него.

— Нет, почему... Таким... высоким, красивым, в золотых доспехах. Шестьдесят девятого уровня, вот.

— А что ж ты вместе с остальными не свалил? — спросил Сашка.

Йоло густо покраснел и опустил взгляд.

— Я все оповещения вырубил, чтобы не дергали, вот и... Вы, на самом деле, жизнь мне спасли, потому что...

— Что? — спросил Мишка, не дождавшись ответа.

— Там сейчас черт знает что творится, — вздохнул Йоло. — Зенны, и те еле ноги унесли. У «Тирана» полкрыла оторвало, и вообще... Там сейчас на десять светолет карантин. Потом или выгорание будет, или Трансзона. Что так, что так — дома у меня больше нет, — он вздохнул.

— А что за Трансзона? — спросил Мишка.

Йоло вздохнул.

— Это где трансразумные ИИ... архилекты и прочее такое всё. То есть, архилекты — это там, где выгорания не было. Где было — там ничего совсем или всякие артефакты странные. Их там старатели всякие собирают, — дело прибыльное, но рискованное непомерно...

— Постой, постой, постой, — сказал Мишка. — Что это за «трансразумные ИИ»?

Йоло почесал в затылке.

— Да не знаю я толком... Это ты у зеннов лучше спроси.

— Понятно, — сказал Сашка. — Лучше эльфом быть, чем за учебником сидеть.

Йоло покраснел и ничего не ответил.

* * *

Какое-то время все молчали. В голове у Мишки был полный кавардак: сейчас он едва понимал, где он, и что с ним. Сколько бы там на самом деле ни прошло времени, — но по его собственным часам он всего лишь вчера сидел дома, и ни о каких «трансразумных ИИ» даже и не думал. И, в то же время, казалось, что с тех пор прошла едва ли ни целая вечность, словно он сам прожил тут тысячу лет или сколько там надо, чтобы наступило такое вот будущее... совсем не такое, о котором он мечтал.

— Ну, что будем делать? — наконец, спросил Сашка. — Тут нас домой вернуть не смогут, Йанто не сможет, сами мы тоже не особенно...

— А других мироходцев и искать, — сказал Мишка. — Не у всех же такие дурацкие условия стоят.

— Угу, пойдя туда, не знаю, куда, найди то, не знаю, что, — буркнул Витька. — Сказка,

а не жизнь!

— Слушай, — Мишка повернулся к Йанто. — А ты вообще можешь что-то конкретное найти?

— Не знаю, — от задумчивости Йанто смешно сморщил нос. — Я не пробовал. Ну разве что дом — но там глухо.

— А как ты тогда вообще миры выбираешь, в которые входить?

Йанто удивленно взглянул на него.

— В какие интереснее. Это как во сне ходить, когда понимаешь, что спишь. Не всегда попадаешь, куда хочется. В предпоследний раз очень плохо получилось.

— А что там было-то? — спросил Мишка.

Йанто вздохнул и насупился. Но всё же ответил.

— Я... как это по-вашему? — был в сорока восьми мирах. Сначала просто бегал по ним, как ошалевший, потом домой хотел... я же совсем не сразу понял, что не вернуться... потом плюнул на всё, решил осесть. Там лес такой был, и река, очень теплая. Добычи много, хищного зверья почитай, что и нет — хорошо! Я там четыре луны местных прожил, это дней... много, да. Всё бы хорошо, но людей нет, ни словом ни с кем не перекинуться, ни что ещё как. И меня такая тоска вдруг взяла... хотелось хоть кого-то увидеть. Ну, я и сел... и стал смотреть... вот, так ваш мир и увидел.

— А до того-то было что? — нетерпеливо спросил Витька. — Почему плохо?

— Я башню увидел, — хмуро сказал Йанто. — Высоченную. Ну, и решил туда. А там...

— Что там? — спросил Мишка, не дождавшись ответа.

— Там как у вас, — сказал Йанто. — Ну, лес, всё такое. Только нормальных зверей совсем нет, одна нечисть, — он повел руками, изображая что-то вроде арбуза. — Вылезают из песка и прыгают прямо на голову. Вроде крабов. Только на вкус они на крабов совершенно не похожи. Дома все разбиты или брошены. Люди кто умер, кто в нежить превратился...

— Нежити не бывает, — буркнул Витька.

— Я тоже так думал, — ответил Йанто. — Пока не встретил. Ходят-то как люди, только вместо головы эта тварь, а всё нутро наружу. И не просто наружу, а... они туда едят. Меня чуть не прибили. Мертвые-то они мертвые, — а силища страшная у них, и бочки всякие очень точно кидают...

Мишка поёжился. К счастью, он не мог толком представить, как всё это выглядело, — но Йанто это видел, а значит, оно всё-таки БЫЛО.

— Может, это не нежить, а просто... ну, паразиты такие на них, — предположил Витька. — Которые телом управляют.

— А разницы? — угрюмо спросил Сашка. — Что там дальше было-то? — повернулся он к Йанто.

— Я к башне пошел, — хмуро сказал тот. — Да только не дошел. Там большой... город, да? Большой город вокруг, а в нем... как вы это называете? Солдаты, да? С таким оружием, которое очень далеко стреляет. Неточно, правда. В меня ни разу не попали. И на них такие... доспехи, да? Стрелой их не взять. Я одного с разбитого дома столкнул, вот. И нож взял. Хороший нож. Жалко, зенны забрали.

— Как это столкнул? — спросил Витька.

— Как, как... повыше заманил, подкараулил и столкнул. А что делать, если оружие честное их не берет?

Мишка снова поёжился. Он уже знал, что мужества Йанто не занимать — но вступить, считай что безоружным с бой с толпой солдат, да ещё и победить — это уже даже и не мужество, а самый настоящий героизм... хотя насчет сверхметкой стрельбы из лука Йанто откровенно приврал. Смешно, кстати, приврал, не в свою пользу, — лук ещё туда-сюда, но бросаться с голыми руками на солдата с автоматом, да ещё и в какой-то броне Мишка точно не осмелился бы...

— А дальше что? — спросил он.

— А дальше штука такая прилетела, неживая, — Йанто вновь повел руками, изображая очевидно, вертолет. — Давай по мне огнем долбить, загнала в какую-то... трубу, да? Где ни назад, ни вперед. Ну, я и решил, что нафиг такой мир, уйду туда, где спокойнее. Вот и...

— А что ещё ты в тех мирах видел? — с крайним интересом спросил Витька.

Йанто вздохнул.

— Ой, да очень много всего... Был мир с громадной луной — не желтой, а синей, с такими разводами, как мутная вода в чистой. Был мир с множеством солнц, — совсем маленьких, правда. Был даже мир с... как это у вас? С такими переплетами на небе, как у окна, вот.

— Так это не мир, а космическая станция какая-то, — сказал Витька. — С куполом.

— Там облака были, и горы — выше облаков, — возразил Йанто. — И до края мира далеко. Я не дошел. Там звери... плохие.

— Как это? — спросил Мишка.

— Плохие, — повторил Йанто. — Вроде как птицы, но с четырьмя... руками, да? И на каждой — вот такой коготь, — он развел руки сантиметров на тридцать. И бегают очень быстро. И мясо у них противное — не то, что съесть, а просто в рот возьмешь — потом не отплюешься. Гадость. И воздух редкий, как в горах. Я не стал там оставаться.

— А там, где много солнц? — спросил Мишка.

Йанто вздохнул.

— Там тоже воздух редкий. И дичи почти нет — низкие плоскогорья, степи... Вода вот правда вкусная, хорошая вода. А еды почитай что и нет. Одни червяки и мокрицы большущие, да и тех совсем не на чем запечь, одна трава кругом.

— Послушай... — вдруг спросил Витька. — А ты там... не болел? А то вот я читал, что на других планетах всякие бактерии, и если без скафандра просто воздух глотнуть, то можно заболеть, или вовсе концы отдать. А уж если съесть...

— Болеет тот, кто всякую дрянь ест, — назидательно сказал Йанто. — А я дрянь не ем, я разборчивый.

— А простыть? — недоверчиво спросил Витька. — Или что ещё там.

— А что значит «простыть»? — спросил Йанто.

Витька ошалело почесал в затылке.

— Ну, сначала замерзаешь сильно, а потом жар, сопли, голова болит...

— Не, так не бывало, — ответил Йанто. — Ну, когда я в горы совсем высоко залезал, то башка болела, конечно, но это оттого, что там дышать нечем. А так-то ничего.

— Да уж... — пробормотал Мишка, сраженный этим образцом первобытной логики. По всему выходило, что Йанто, — счастливый человек, имеющий полнейший иммунитет к любым бактериям. Как, вероятно, и всё его племя. Да уж, выходит, что и у первобытной жизни есть свои преимущества... только куплены они тоже дорогой ценой, — когда главное блюдо называется «кабанчик в лесу», о прекрасном тоже не подумаеть особо...

— А от еды не болела? — вдруг спросил Йоло. — А то у нас строгие правила, — ничего инопланетного не есть, если оно без сертификата. Потому что оно, может, и не ядовитое, но белки все чужие, ты его съешь, — а потом аллергический шок, и привет.

— От еды голова не болит, от еды живот болит, — с видом умудренного жизнью пророка сообщил Йанто. — Но тут уж осторожней пробовать мало, а то или вытошнит, или пронесет со страшной силой — тоже радости мало...

— А что это за сертификат? — деловито спросил Витька.

Йоло удивленно посмотрел на него.

— Чип в упаковке такой. У вас разве нет? Он всегда должен спрашивать, уверен ли пользователь, что готов этот продукт употребить, потому что... ну, там много всего.

Теперь уже Витька ошалело посмотрел на него.

— Такого нет. А зачем это?

Теперь Йоло буквально выпучил глаза от удивления.

— Как зачем? Это такая сеть, называется «Фуднет». Страшно полезная штука — всегда подсказывает, что в это время съесть полезнее, и где его можно купить. За весом помогает следить, за диетой, и вообще...

— Там что, книга о вкусной и здоровой пище? — деловито спросила Ленка. — В каждой палке колбасы?

— А там всё. Все продукты с чипами и спрашивают: «готовы ли вы употребить лишние 200 калорий?», «знаете ли вы, что холестерин очень вреден?», «уверены ли вы, что после этой головки чеснока вам стоит идти в театр?».

— Ни фига себе... — сказал Витька. — А когда мы... ну, когда мы у тебя дома ели, нам еда не говорила ничего...

— Ну так чип не вслух же говорит, а через имплант, — удивленно сказал Йоло. — А у вас что ли нет?

— Нет ЧЕГО? — не менее удивленно сказал Мишка.

— Церебральный имплант, — пояснил Йоло. — Тут, — он ткнул себя в голову, куда-то над ухом. — Он у всех полноправных граждан есть.

— Ничего себе... — Мишка даже поёжился. — Это что, у вас вместо выдачи паспорта каждому башку распиливают, и вставляют в неё это?

— Зачем распиливать? — Йоло даже возмутился. — Его нанотехом выращивают, в желудочках мозга. Это и связь, и справочник, и аугментированная реальность...

— Чего? — спросил Мишка. Сейчас он чувствовал себя полным идиотом — и это страшно его злило.

— Дополненная реальность, — уже спокойно, как маленькому, пояснил Йоло. — Ну, объявления разные там, указатели, реклама... Это везде есть же.

— Даже тут? — деловито спросил Сашка.

Йоло даже фыркнул.

— Конечно.

— А нам ты это показать можешь?

Йоло задумался.

— Не всё, но тут голопроекторы обычные есть. Вот.

Мишка вздрогнул, — над столом вдруг вспыхнул мрачный, окутанный бурными тучами шар какой-то планеты. Не настоящий, конечно, полупрозрачный, но видимый при этом в мельчайших подробностях. На ночной стороне вдруг вспыхнул голубой огонек, — и через

минуту сквозь тучи пробилось тусклое багровое пламя.

— Что это? — спросил Витька. — Вулкан?

— Это «Эриох», — спокойно пояснил Йоло. — Ракета для планетарной бомбардировки. Шестьдесят мегатонн. Мы сейчас на орбите Ао Лай висим, а на ней зенны как раз кизусов выпиливают...

— Кого? — спросил Мишка.

— Ну, кизусов, кибер-резусов то есть. Их в Каритас придумали, как боевую расу — вот они и воюют... со всеми подряд. Зенны вот и решили, что пора со всем этим покончить. Это они уже их подводные базы добивают. Сейчас там их канонерки уже, всякую мелочь убирают начисто. Кизусы квазиразумные же, с ними что говорить, что нет — они вообще всё мочат, что не они. Потому что программа слетела. Вот и приходится зеннам всё это убирать. Они как раз этим и занимаются обычно, — пиратов всяких мочат, работорговцев, всякие спятившие боевые машины...

— А у вас что, и работорговцы есть? — ошалело спросил Мишка.

Йоло быстро повернулся к нему.

— Есть. Увы. Импланты взломают — и всё, будешь до конца жизни на рудниках каких впахивать, как бобик, — если не спасут, конечно.

— Ничего себе, светлое будущее... — Мишку даже передернуло. Он-то всегда думал, что рабство — это мрачное прошлое, а оно вон как обернулось... — Нафиг такие импланты...

— Не нафиг, а надо антивирус всегда обновлять, — назидательно сказал Йоло. — И со всякими типами странными не мутить, а то окрутят.

— А всё равно, — сказал Мишка. — Мы-то думали, что в будущем всё хорошо — а тут войны, планеты бомбят, роботы всякие безумные...

— У нас тоже говорят, что в будущем всё хорошо будет, — неожиданно мрачно сказал Йоло. — Только на деле почему-то лучше не становится. То пираты, то спятившие киберы, то Сингулярность где случится... Нет, если тебе именно счастья надо — так Сфера Утопии есть, она тут за пятьдесят световых лет всего, за двумя парами переходных врат. Там вообще всех берут — только фиг выпускают потом...

— А что это за Сфера? — спросил Мишка.

— Это на Плавте-III так Сингулярность случилась, — спокойно пояснил Йоло. — Трансразум после Вознесения сказал, что он — Господь Утопии, и что будет обо всех заботиться, кто к нему придет. Ну, не лично, конечно, а роботы. И в самом деле заботится, только вот никого не выпускает, а если кто захочет сбежать — так его вылечат. Чтобы совсем счастлив был. И фиг вытащишь оттуда, потому что с Трансразумом спорить — оно всегда себе дороже. Там сейчас уже вся система под... как это у вас? — под Сферу Дайсона разобрана. Желающих много же на пляже кверху попой лежать и ничего не делать. А вокруг — боевые станции, и если кто туда без спроса лезет — его сразу того. Им даже этот вот крейсер — на один зуб, потому что технологии такие, что нам и не снилось. Да там никто и не летает почти — переходных врат много же...

— Что это за Врата? — спросил Мишка.

Йоло вздохнул.

— Переходные врата — две больших структуры, синхронизированных между собой, если корабль какой-то хочет пройти, — открывается портал. Обычно ещё там спецконтроль на предмет не пускать некоторые классы кораблей и некоторых пилотов в некоторые

места... Плюс там же — стоят узловые станции связи, и в пределах системы — все видят, кто там находится. Обычно-то — прыжковые корабли: корабль сам открывает портал и уходит в него после этого. Целевая точка фиксируется либо другим кораблем со спецмаяком, либо стационарным маяком на той стороне. Отличия тут, скорее, в энергозатратах, — стационарный маяк постоянно шлет широковещательный сигнал, все, кто имеет право — могут им пользоваться. Топлива на активацию маяка нужно немного, — если мобильный, стационарный — за счет базы, где он стоит, питается. На сам прыжок — нужно *очень* много топлива, но это менее опасно: если взрывается мобильный генератор с кораблем, его несущим — это одно, а если стационарный портал, то последствия гораздо больше. Телепорт — тот же механизм, что и прыжок, но установка НЕ проваливается в портал, зато в него проваливаются ждущие этого корабли. Нужно очень много топлива, но меньше, чем для переходных врат. Нестабильные червоточины, — никто не знает откуда они взялись, куда ведут — обычно тоже имеют лимиты по массе, существуют недолго... Ищутся специальными сканирующими системами, сами вообще имеют кучу аномалий, вызывающих некорректную работу бортовых систем, — обычно боевых-защитных. Куда именно ведет такой проход, — проверяется лишь зондами, что не так просто. Прыжок любым способом субъективно занимает какое-то время, обычно — секунд 30, но для внешнего наблюдателя — до часов. Также есть «просто» сверхсветовой привод — варп-драйв. Упрощенно говоря — корабль идет в коконе пространства с немного измененной метрикой, кокон летит до ближайшей гравитационной аномалии по курсу. Переходные врата — тоже аномалия. В Содружестве это — обычно способ полета внутри систем, в любую почти точку, для межзвездных полетов есть гипер, он намного быстрее. Кроме того, есть интердикторы, они запускают гравитационные заряды, которые выбивают корабль из кокона, и дронов-перехватчиков, которые могут в этот кокон вламываться... — Йоло шпарил, почти как пулемет, и Мишка ошалело помотал головой. Он почти не понимал, о чем тут идет речь, — и это оказалось обидно. Ему даже захотелось грубо одернуть Йоло, — просто чтобы оборвать поток этих непонятных фактов, но тут щелкнула, открываясь, дверь комнаты, и Йоло замолчал.

Первой вошла Ю-Пао, за ней — какой-то незнакомый офицер, точно не тот, что вел его сюда. В такой же смешной светлой форме, он совсем не казался забавным. Встретившись на миг с ним взглядом, Мишка поёжился. Глаза зенна были колючими и цепкими, лицо — совершенно бесстрастным. На поясе у него тоже висела кобура, — но больше и другой формы. Мальчишка как-то вдруг понял, что оружие в ней, — настоящее, и что в случае чего его владелец воспользуется им без малейшего промедления, убивая так же равнодушно, как убивает падающий с горы камень. Он встал у стены, обводя комнату взглядом, — в самом деле, почти как змея, — и вслед за ним вошел третий.

Едва взглянув на него, Мишка невольно вскочил, как вскакивал при виде вошедшего в класс завуча. Этот зенн был с короткими, совсем белыми волосами, несколькими резкими складками у носа и губ и широкой красной полосой на плечах формы. Мальчишка сразу понял, что видит капитана.

— У-Лин Ксио, — Ю-Пао плавно повела рукой в сторону зенна с кобурой, — старший офицер безопасности крейсера. Она вновь плавно повела рукой в сторону беловолосого. — Ц-Пин Лиам, командир боевого крейсера «Тиран», капитан Народного Флота Зенны.

Теперь уже вскочили все, даже Йанто — должно быть, за компанию. Имя капитана звучало смешно, — но больше ничего смешного в нем не было. Под внимательным взглядом

трех пар желтых глаз Мишке вдруг стало неудобно. Поодиночке зенны казались переодетыми людьми, но теперь иллюзия исчезла. Людьми они совершенно точно не были.

— Ваши имена мне известны. Садитесь, товарищи, — сказал капитан. Вернее, сказала продолговатая коробочка на его поясе, причем, женским голосом, да и ещё неестественным, словно говорящая кукла. Это было бы очень смешно... только вот губы капитана при этом не двигались, и в итоге Мишке стало жутковато. Казалось, что с ним говорит статуя Командора, на которую капитан, надо сказать, чем-то походил.

Все вразнобой попадали на диван. Капитан кивнул, — выглядело это так, словно он вдруг боднул воздух, — и тоже сел напротив. Ю-Пао тоже села, по другую сторону прохода. У-Лин так и остался стоять у двери, словно часовой. Лицо его было неподвижным. Неприятное лицо, честно сказать.

— Чего уставился? — хмуро сказал Йанто, и лишь тогда Мишка понял, что У-Лин смотрит на него.

Зенн отчетливо вздрогнул, — не испуганно, скорее, от неожиданности. Но всё же, было видно, что к Йанто он относится... настороженно. Интересно, отчего бы это, подумал Мишка. Нет, Йанто мироходец, всё такое... но уж точно не «трансразумная форма», от которой непонятно, что ждать.

— Мой долг — безопасность капитана, — ответил У-Лин. Точнее, ответила опять коробочка на его поясе — автоматический переводчик или что-то вроде. Звучало это странно — словно зенн говорил животом.

— Верни наши вещи, или я буду считать, что ты — вор, — судя по ярости в голосе Йанто, вор в его представлении ничем не отличался от предателя, — как не отличалась и кара за это преступление.

— Ваши вещи вернут вам немедленно, — ответил капитан, заметно поморщившись. Вероятно, сама мысль о том, что он мог что-то присвоить, вызывала у него раздражение. У-Лин тоже поморщился, — в список вещей Йанто входило и его оружие, — но возражать всё же не решился. По крайней мере, вслух. Мишка напомнил себе, что зенны могут говорить друг с другом вне досягаемости его слуха, с помощью своих имплантов, — и он не мог ничего с этим поделать.

— Вы должны заплатить нам компенсацию за похищение... — бодро начал Йоло, и тут же осекся, когда капитан перевел взгляд на него.

— Двести семь членов экипажа отдали свои жизни во время спасательной операции на Юлиманге, — сказал капитан. — Этого достаточно?

Автоматический переводчик не передавал эмоций, — но всё равно, его слова прозвучали холодно. *Очень* холодно. Йоло согнулся, пряча покрасневшее, словно вареный рак, лицо, и даже Мишка почувствовал себя неловко. Он вспомнил сине-черные крапчатые шкуры и горящие обломки сбитых ими истребителей. Сколько зеннов умерло, спасая именно их?.. Он понял, что не хочет этого знать.

Йанто, однако, слова капитана не тронули.

— Я никого не просил меня спасти, — его слова звучали сейчас очень резко и зло.

Капитан ничего не ответил, но изображение над столом изменилось. Мишка увидел уже знакомый гребенчатый силуэт «храма», — а на его фоне медленно двигалось черное шестиногое существо, судя по крохотным деревьям вокруг, длиной метров в четыреста, чем-то похожее на роторный экскаватор, — его плоская передняя часть была опущена к земле. За ней оставалась огромная траншея, а между четырех прямых жестких «хвостов», торчавших из

задней части гиганта, как из вулкана, вырывался мощный столб дыма и пепла. Вокруг него вился рой меньших существ, похожих на птиц или совершенно бесформенных. Размер их составлял десятки метров или несколько десятков метров для самых больших, и новые летающие твари прямо на глазах отделялись от бесформенного, лохматого «крупы».

— Это Формовщик, — сказал капитан своим неестественным голосом. — Он производит около ста тонн активного нанотеха в секунду. И это лишь один из многих сотен тысяч. Сейчас вся поверхность Юлиманги уже полностью переработана. Вы не смогли бы там выжить.

Мишка поёжился. По его мнению, справиться с таким вот чудищем смогла бы лишь атомная бомба — и то вряд ли.

— Мы могли бы уйти, — возразил Йанто. Похоже, что вид жуткой твари совсем его не тронул.

— Куда? — спросил капитан.

Мишка поморщился. Наверное, он сказал это с искренним любопытством, — но переводилка звучала так противно, что ему упорно представлялась какая-то визгливая престарелая тетка. Йанто это тоже наверняка не нравилось. По крайней мере, сам он сейчас говорил очень резко и грубо.

— Туда, где нет вас. Туда, где спокойно.

— И ты в самом деле это можешь? — спросил капитан.

— С удовольствием, — буркнул Йанто. — Хоть сейчас.

Капитан не ответил, но Мишка догадался, что сейчас между зеннами идет ожесточенный спор, судя по тому, какое отсутствующее выражение появилось сейчас на их лицах. Йанто сумрачно смотрел на них, явно собираясь сказать ещё что-то грубое, — но тут, к счастью, распахнулась дверь комнаты и вошли ещё несколько зеннов, несущих их вещи. Аккуратно сложив их на диван, они тут же исчезли, лишь бросив на «гостей» несколько быстрых непонятных взглядов. Даже внешне зенны лишь отчасти походили на людей, — а уж как они думают, Мишка и вовсе не мог себе представить.

Йанто сразу же бросился к вещам. Прежде всего, он выхватил свой нож, провел пальцем вдоль лезвия, — а потом посмотрел на капитана так, словно решал, с какой стороны рубить ему голову. К чести зенна, тот ухитрился сохранить при этом невозмутимый вид. У-Лин ощутило напряжение, — но всё же не стал тянуться к кобуре, за что Мишка был ему благодарен. Черт знает, что могло случиться, заметь это Йанто.

Сам Йанто замер, глядя на нож так, словно держал в руках слиток чистого золота. Сперва это показалось мальчишке смешным... потом он понял, что Йанто привыкал к оружию с самых малых лет. Жизнь четко приучила его, — кто безоружен, тот мертв. Понятно, что с голыми руками он чувствовал себя... неуютно он себя чувствовал.

Сашка поднялся, подошел к вещам — и замер. Мишке тоже хотелось сбросить этот дурацкий халат и одеться нормально, — но не при всех же!..

Йанто, однако, такие вот вещи не трогали, — он швырнул свой халат на пол и спокойно, словно тут вообще никого не было, обернул вокруг бедер повязку. Потом затянул пояс с ножом и начал проверять лук. Никто из зеннов при этом и ухом не повел. Мишка покосился на Ленку, — но она тоже сохраняла невозмутимый и какой-то отсутствующий вид, словно переодевающийся на её глазах парень тоже был явлением, совершенно нормальным.

Отложив лук, Йанто взялся за копьё, — он явно боялся, что зенны испортят оружие, — потом принялся за свой ранец, выворачивая одно отделение за другим и придирчиво

осматривая вещи. Мишке тоже хотелось в этом поучаствовать, — ему страшно хотелось узнать, чего такого Йанто насобирал в сорока восьми мирах. Но это точно вышло бы невежливо, и он обиженно насупил, вытянув, однако, шею, чтобы хоть что-то разглядеть. Похоже, что большую часть содержимого составляли запасы провизии, — куски копченого или вяленого мяса или рыбы, орехи, какие-то корешки... Йанто придирчиво обнюхивал каждый кусок — и кое-что, поморщившись, бросал прямо на пол, каждый раз злобно глядя на капитана, — должно быть, за четыре месяца многое испортилось. То, что не протухло, он придирчиво осматривал, — очевидно, опасаясь, что зенны его надкусают.

Покончив с припасами, он перешел к более интересным вещам. Мишка привстал — но разглядеть всё не смог. Смуглая спина Йанто заслоняла рюкзак, — да и работал он быстро, словно фокусник. Тем не менее, мальчишка успел заметить:

- какую-то железную банку с яркой этикеткой;
- ещё одну банку, покороче и без этикетки;
- уже знакомую гравелинзу;
- небольшой рабочий нож в ножнах;
- шестигранную белую коробку с непонятным содержимым;
- какую-то темную, чугунного цвета штуковину, чертовски похожую на длинный небольшой снаряд.

— Где вы взяли эту... вещь? — спросил капитан.

Йанто злобно зыркнул на него своими фиолетовыми глазищами.

— Где взял, там больше нет. А что?

— Это оружие... уникальное в своем роде. Идемитный полебойный сердечник для разрушения кинетических щитов, — сам по себе вещь довольно обычная, хотя и дорогая. Но здесь он служит... источником энергии. В хвостовой части снаряда спрятан твердотельный компьютер, а в средней — крайне необычные эффекторы, способные в ключья разнести любую биохимию в радиусе примерно метров двух. Что-то, связанное с квантовой запутанностью, — но совершенно непонятное. Если бы вы согласились...

Йаати вцепился в рукоять ножа, его лицо потемнело.

— Вы залезли в мои вещи, — очень четко и отдельно сказал он. — Вы залезли в мою голову. Вы схватили моих братьев, — судя по его тону, это преступление в его глазах намного превышало оба прочих. — Или ты сейчас же извинишься, — или я тебя убью.

Ленка ахнула. У-Лин всё же схватился за кобуру. Ю-Пао как-то нехорошо привстала, — и Мишке вдруг подумалось, что в этом её движении есть что-то от королевской кобры. Сердце у него замерло, — прямо вот сейчас могло случиться что-то ужасное, — но тут капитан вдруг склонил голову.

— Я приношу свои извинения, Йанто, сын Тайу.

Йанто, однако, по-прежнему хмуро смотрел на него, — очевидно, мораль его племени предполагала деятельное раскаяние, — и капитан продолжил:

— Мы сможем показать вам... миры, в которых переходы между вселенными возможны. Кроме того, все вы получите лучшее снаряжение для вашего путешествия. Все вы. Этого достаточно?

Йанто прикусил губу. На лице его отчетливо отразилась сильнейшая внутренняя борьба. Мишка видел, что ему страшно хочется сказать ещё что-нибудь грубое, — но рассудительность в итоге всё же одержала верх, и он тоже склонил голову.

— Извинения приняты, Ц-Пин.

Йоло приоткрыл рот, явно собираясь снова чего-то потребовать, — но Сашка очень ловко врезал ему локтем в бок. Йоло дернулся, скривился... и промолчал. Мишка посмотрел на друга с благодарностью. Черт знает что ещё могло случиться, если бы Йоло опять вылез со своими претензиями. Мишке, правда, казалось, что парень он, в общем, неплохой, — но основательно испорченный обществом, в котором жил.

— Что за снаряжение? — спросил Витька.

Капитан сплел руки на коленях. Мишка поймал себя на том, что не может, почему-то, отвести от них глаз. Большие руки. Но четырехпалые. И, наверняка, очень сильные. Совсем нечеловеческие, честно говоря.

— Коммуникаторы военного образца. Легкие импульсные винтовки со штатным боезапасом. Стандартная полевая форма, подогнанная под ваш размер. Ножи, зажигалки, и прочее, — в составе стандартного НЗ.

— А зачем форма?

— Это легкий защитный костюм. Для существа вашего размера весит около трех килограммов.

— И от чего защищает?

— Например — она pistolетные пули держит, не в упор, и холодное оружие, не горит, не намокает, не тонет, даже вместе с... носителем, комфортна при любой температуре от минус до плюс тридцати.

— А для девчонок эта форма подходит? — спросила Ленка.

— Подходит. У тех комплектов, которые для вас подготовят, фасон — НЕ отличается, знаков различия — нет. Всё снаряжение можно удобно закрепить на этой форме.

Рот Витьки удивленно приоткрылся, и Мишка поймал себя на том, что и с ним происходит нечто подобное. Всё это звучало... потрясающе. Такая форма... и оружие... нет, им решительно НУЖНО вернуться, потому что такие вот вещи... могут изменить ход земной истории, не больше и не меньше.

— И когда мы сможем всё это увидеть? — спросил он.

Капитан улыбнулся.

— Сейчас.

* * *

Мишка ожидал, что всё это им принесут прямо сюда, как принесли их одежду, но капитан вдруг поднялся и дружелюбно показал на дверь.

— Ю-Пао проведет вас в арсенал корабля, где вы получите всё необходимое. Но, я бы советовал сначала посмотреть... фильмы о путешествиях между вселенными. Они, конечно, фантастические, но ничего лучшего у нас всё равно нет. И, Йоло Пэй-Фа, ты должен решить, отправишься ли ты вместе с ними или останешься здесь.

На лице Йоло отразилась сильнейшая внутренняя борьба между любопытством и осторожностью. Очевидно, рисковать, хоть в чем-то, ему категорически не нравилось. Но, возможность попасть в какой-то более развитый мир, — или, как вдруг подумал Мишка, получить от зеннов халявное снаряжение, которое, похоже, стоило совсем не дешево, в итоге победила.

— Я остаюсь с ними, — в конце концов сказал он.

— Ну что ж... Прошу меня простить, — капитан кивнул, прощаясь, и вышел. У-Лин вышел вслед за ним, и Мишка с облегчением вздохнул. В этом зенне было что-то жутковатое, и связанное совсем не с его видом. Скорее, с его откровенной готовностью убить без малейшего сожаления, если он сочтет это нужным. Думать о том, что довело его до такой жизни, не хотелось.

— Итак, товарищи? — спросила Ю-Пао, когда дверь за У-Лином закрылась. — Будете смотреть фильмы, — или сначала снаряжение?

— Сначала снаряжение, — сказал Сашка. — Фильмы, как я понимаю, — это долго?

Ю-Пао поднялась.

— Да. Даже если отбирать фильмы, которые мы считаем более-менее достоверными в научном смысле, нужно не менее восьмидесяти ваших часов. Но ведь Йанто, наверное, нужны только какие-то отдельные образы?

Йанто смешно и задумчиво сморщил нос.

— Я никогда не пробовал прыгать по каким-то картинкам, — наконец, сказал он. — Все миры, в которые мне удавалось попасть, я видел в... ну, когда уже решал прыгать. Я не могу просто посмотреть. Если я ныряю в... у вас, наверное, это называется трансом? — я уже не могу оттуда выйти, пока не выберу один какой-то образ, и не... ну, не нырну в него.

— А ты пробовал? — спросил Мишка.

Йанто вздохнул.

— Да. Пробовал. Интересно же! Но не получалось. Видишь что-то... яркое соскальзываешь туда, и всё. И в места, которые я видел, уже не попадешь, даже не увидишь снова. А там много интересного же! Обидно.

— Спасибо, — буркнул Мишка. — Выходит, фильмы могут и не помочь?

Йанто лишь пожал плечами.

— Я не знаю. Надо пробовать.

— Так мы за снаряжением пойдём или нет? — спросил Витька.

— А давайте, — Мишка поднялся. — Фильмы-то никуда от нас не убегут...

Увы — он ошибался.

* * *

Вслед за Ю-Пао они вышли в коридор. Вещи прихватили с собой, — не возвращаться сюда же. Йанто, как всегда, был с ранцем, луком и копьём. Очевидно, что зеннам он не доверял ни на грош. Неудивительно после всего, что они с ними проделали. Нанотех этот... Мишка очень смутно представлял, что это вообще такое, но мысль о том, что в его теле живет что-то, столь чужое, ему очень не нравилась, хотя сейчас он ничего такого и не чувствовал...

Коридор упирался в массивные бледно-салатовые двери, но они с шипением раздвинулись перед Ю-Пао. За ними оказалась просторная пустая комната и вторые такие же двери, а за ними — новый коридор, пошире. Пустой... до тех пор, пока им навстречу не попала парочка зеннов в такой же форме. Они с любопытством посмотрели на них, и Мишка поёжился. Босиком, в этом дурацком халате, он чувствовал себя идиотом. Другие, наверняка, тоже, — за исключением Йанто, который с любопытством крутил головой. Его-то голые ноги и плечи не смущали ничуть. Ну да — он же всю жизнь так проходил, подумал

Мишка. Ему как раз наша одежда странная...

Коридор упирался в очередные двери. За ними оказалось что-то вроде маленькой станции метро, — прозрачная труба, уходившая в стены, пустая. Ю-Пао замерла, казалось, ничего не делая, — но через минуту в трубе остановился такой же маленький, изящный вагончик, и прозрачная стенка трубы с мягким шипением раздвинулась, сразу вверх и вниз. Они вошли в вагончик, довольно странный, — никаких сидений, только трехмерная решетка из обитых мягким пластиком поручней. Едва они вошли внутрь, вагончик тронулся, довольно резко, — Мишку с силой толкнуло на поручни. Зачем бы это... — подумал он, и тут же вспомнил об огромных размерах корабля. От носа до кормы пешком пришлось бы идти добрых часа два, если не больше. Теперь же...

— Мы скоро? — спросил Витька. Мимо промелькнула очередная «станция», на сей раз набитая зеннами, и он тоже, наверное, почувствовал себя неловко.

— Ещё две минуты, — ответила Ю-Пао. — Потом...

Вагончик вдруг резко трянуло — раз, потом другой. Свет погас, стало темно, словно в могиле. Ленка взвизгнула. Но прежде, чем сам Мишка успел испугаться, свет вспыхнул вновь. Вагончик резко дернулся — когда свет погас, он, очевидно, потерял ход, — проехал ещё немного, и остановился на очередной «станции». Прозрачные стенки трубы раздвинулись. За ними никого не было, — эта «станция» оказалась пуста.

— Что... — успел сказать Сашка, но тут корабль трянуло уже так, что все они повалились на пол. Свет опять погас и загорелся, но уже жуткий, густой, тускло-багровый. Казалось, что коридор заполнился кровавым туманом. Что-то словно током ударило по нервам... потом ещё раз... и ещё...

— К спасательным капсулам, быстро! — крикнула Ю-Пао, первой поднимаясь на ноги.

— Куда? — спросил Мишка, тоже поднимаясь. Толчки прекратились, но зато волной накатила вибрация, словно где-то под полом работал отбойный молоток. Его повело куда-то вправо, — корабль поворачивал, и встать на ноги удалось с большим трудом.

— Туда! — Ю-Пао показала на дверь. Голос её сейчас звучал испуганно.

Интересно, что будет, если дверь не откроется, подумал Мишка. Но она всё же открылась... хотя за ней был такой же жуткий багровый полумрак. Они побежали куда-то в него, и в этот миг взвыла сирена — тягучий, какой-то жуткий звук.

Мир окончательно превратился в кошмар, — они куда-то бежали, сворачивая то туда, то сюда, корабль трянуло, даже гравитация прыгала, так что они то взлетали почти к потолку, то распластывались по полу. Всё это длилось, казалось, целую вечность, — но, наконец, Мишка ошалело замер, влетев в какой-то тупик. Здесь в стене был круглый люк диаметром метра в полтора, — без каких-то ручек или кнопок, но он открылся, едва Ю-Пао приблизилась к нему. За ним был короткий туннель, упирившийся в серо-коричневую стену, непохожую на остальные. В ней был такой же люк, оказавшийся массивной плитой толщиной сантиметров в двадцать, за ним — круглое помещение, в три яруса уставленное креслами.

— Внутрь, быстро! — крикнула Ю-Пао.

Обстановка не располагала к дискуссиям, и Мишка быстро проскользнул в люк, за ним — и остальные. Ю-Пао осталась снаружи. Мишка повернулся к ней... и люк перед его носом закрылся.

— Какого черта... — сказал Сашка.

— Быстрее пристегивайтесь! — крикнул Йоло. — Сейчас нас катапультируют!

Мишка плюхнулся в ближайшее кресло. Ремни оказались непривычными, и он сразу

запутался в них. Снаружи, за стенами, родился мощный глухой гул, и мальчишка почувствовал, как его словно сжимает со всех сторон, — не воздухом, а... словно он сам превратился в планету, и его сжимает сила тяжести. Очень странное ощущение. Одновременно стал гаснуть и свет — не лампы, словно его что-то поглощало в воздухе. Или у Мишки просто темнело в глазах.

Я же не выдержу, меня сейчас расплющит, — в панике, почти в темноте подумал он. А потом темнота взорвалась белым, ослепительно ярким сиянием, и выбросила его... куда-то прочь.

Глава шестая, в которой ребят ждут страшные опасности и ужасные приключения

Вначале Мишке показалось, что он умер... он куда-то падал... и падал... и падал... все вразнобой орали... и лишь через минуту выдохлись.

— Это невесомость, — сказал Йоло. Он один выглядел лучше других. В этот раз даже бесстрашный Йанто был напуган: он вцепился в кресло и глаза его ошалело бегали туда-сюда. — Мы в космосе. Возле... да, возле Дорина.

— Ты же говорил, что возле Ао Лай, — напомнил Сашка. Голос его до сих пор звучал как-то придушенно. Сам Мишка чувствовал себя так, словно его подвесили за ноги, — казалось, что голова распухла вдвое от прилива крови.

— Так гиперпространственная катапульта же, — удивленно пояснил Йоло. — Обычно-то она шлюпки просто в родную систему выбрасывает... ну, или в ту, где порт приписки. А нас — куда подальше.

— И как определяет родную? — спросил Сашка.

Йоло лишь пожал плечами.

— Куда катапульти укажут — та и будет родная. Можно-то в принципе в любую в пределах ближайших ста световых лет. Ну да — оно не только для спасательных шлюпок пригодно... Правда, фиша дорогая, и потому не у всех есть.

— Это почему? — спросил Витька. — И почему Ю-Пао с нами нет?

— Так Черный Ангел же, — сказал Йоло таким тоном, словно это всё объясняло.

— Черный кто? — спросил Мишка. В ангелов он, всё же, не верил.

— Это аватара Лоранского Единения... ну, это один из шести видов Трансразума. Вот.

Йоло, вроде бы, ничего не сделал, но над маленьким столом в центре капсулы вдруг возникло прозрачное изображение звездного неба. А на его фоне чернело идеально круглое пятно, окруженное слоистым серебряным сиянием. Чем-то это походило на рисунок магнитного поля из учебника.

— Это что, черная дыра? — подозрительно спросил Витька.

— Нет. Это... можно сказать, что корабль. Хотя на самом деле это единое трансразумное существо. Никто, разумеется, не знает, что это такое на самом деле. Черный Ангел может поднять человека в космос с поверхности планеты и живым перенести его в другой мир, изменить путь снежинки или разбить боевую луну в пыль. Ну, так говорят.

— А что ему от нас надо? — спросил Мишка. Внимание такой вот штуки ему совершенно не нравилось, — очень уж жутко она смотрелась. Словно дырка в небытие.

— Мы, — хмуро ответил Йоло. — Вернее, Йанто. Потому что он может путешествовать между Вселенными, а Трансразум не может... никто из них. Потому-то Ангел на зеннов и насел. А они схитрили, и выбросили нас к Дорину. Потому что тут — территория Доминиона Сайэр, который тоже Трансразум, но к Лоранскому Единению очень плохо относится, а на мирские дела ему вообще пофиг, обычно. Так что раз Единение так нас хочет, — пусть с Доминионом разбирается, а зенны тут как бы ни при чем.

— Ничего себе... — сказал Сашка. — Они нас как щенков, что ли, выбросили?

— Ну да, типа того, — вздохнул Йоло. — Но иначе Ангел весь корабль бы разнес, чтобы

до нас добраться. Так что у них выбора не было. Доминион-то людям хоть иногда помогает... ну, так говорят. А Единению на людей вообще плевать. Не путаются под ногами — и ладно. А путаются — их проблемы.

— А откуда ты всё это знаешь? — спросил Мишка.

— Так Ю-Пао рассказала же!

— А почему мы не слышали?

— Так это прямая м-связь же... то есть, мозговая, через импланты. У вас-то их нет, и она потому не работает.

— Ну и что с нами теперь будет?

Йоло вздохнул.

— А я знаю? На территорию Доминиона зенны не ползут, да и никто не ползет... наверное. Цивилизации выше у нас тут просто нет. А Дорин — место, само по себе гадкое. В... лет двадцать назад тут Сингулярность случилась, но криво. Техника-то из-под контроля вышла, а никакого Трансразума не возникло. Люди — кто улетел, кто помер, остались одни у`рар, а это... ну, можно сказать, что параразум, — он вроде как что-то делает, но никакого смысла это не имеет. Для нас, по крайней мере. Для Сайэр-то, может, и имеет, но они никому не говорят. Никто толком не знает, что здесь творится. Зато тут мегаструктуры Сайэр есть... в смысле, в системе. И она одна тут такая, на сто световых лет вокруг. Так что выбора у зеннов попросту не было. Лоран же может, говорят, даже точки выброса гиперпространственных катапульти отследить.

— Ничего себе, — сказал Мишка. — Тут хоть какое-то оружие есть?

— А вот не знаю. Хранилище тут есть, но оно до посадки не откроется, и что в нем — пока не видно. Так всегда делают, чтобы оттуда разные ценные вещи не тырили.

— Так у зеннов коммунизм же, — сказал Витька.

— А всё равно. Есть галактическая конвенция о спасательных средствах, по ней так положено. Для всех.

— Ничего себе мир... — буркнул Мишка. — Посадка-то когда?

— Часов через пять, — ответил Йоло. — Нас довольно точно выбросило. И скорость относительно планеты — всего... километра два, да? Так что сейчас мы просто падаем.

— А мы не разобьемся? — нервно спросила Ленка.

— Тут флоатор есть... ну, антиграв. Ну и теплозащита рассчитана на шестьдесят километров в секунду, при максимально неблагоприятном угле входа, а у нас, даже если он откажет, будет всего десять. Ничего страшного.

— Антиграв... он для полета или только затормозит капсулу? — спросил Сашка.

— Теплозащита — это на случай, если антиграв откажет, так-то он плавно опускаться должен. Но летать капсула не может, может только опускаться. Считается, что в условиях любой внешней гравитации — на звезды, конечно, садиться нежелательно. Реально там 3–4 G где-то, потому что иначе после посадки всё равно будет пиндык.

— Если может на Земле плавно опускаться, то на Марсе сможет, наверно, летать? — спросил Сашка. — Или зависит от внешнего гравиполя, и это именно частичный компенсатор гравитации?

— Компенсирует любое гравиполе на 99,99 %, - ответил Йоло. — Такая технология. Летать-то можно... если двигатель есть, но тут-то его нету. И так объем ограничен, потому что для катапульти он важен.

— А окна тут есть? — спросил Витька. — А то сидим, как мыши в банке.

— Окон нет. Камеры есть. Вот.

Изображение над столом мигнуло. Черный Ангел исчез. Звездное небо осталось, — не сейчас добрую половину его занимал выпуклый, коричневатого-белый щит планеты, почти сплошь затянутый облаками. В редких разрывах поверхность свинцово блестя.

— Это океан? — спросил Сашка.

— Угу, — Йоло кивнул.

— А что, если мы в него плюхнемся?

— Нет, — Йоло мотнул головой. — Тут коррекционные движки есть же. Наводящие сенсоры направят нас на крупнейшее скопление построек, так что бегать по горам или там по болотам нам не придется.

— Это чтобы нас тут ПВО встретило, если оно есть? — спросил Витька.

— Ну так недаром же обычно в родную систему отправляют, — ответил Йоло. — Для десанта обычно штурмовые челноки есть. Сначала всё же запрос идет, куда садиться, и если ответа нет, — то на ближайшее скопление построек. В норме оно должно сразу в космопорт сажать, но тут службы управления движением нет же.

— А там эти... как их там... урины? — спросил Витка.

— *Урар*, — машинально поправил Йоло. — Но, если вдруг что, Йанто нас отсюда вытащит, да?

Все взгляды сошлись на Йанто, — и тот смущенно опустил глаза.

— Вытащить-то вас я могу — но куда? Снова по мирам бегать, не зная, где приткнуться? Так я домой хочу, и вы тоже. А зенны эти... фильмы обещали показать о мирах, в которых тоже есть мироходцы. Если отсюда уйти, — я вернуться не смогу, и не знаю, когда мы вновь наткнемся на подобное, и наткнемся ли вообще. Миров не повторяются же.

Это звучало неожиданно логично, и Мишка вздохнул. Дорин смотрелся очень неприветливо, и спускаться туда не хотелось, — но выбора у них, похоже, не было.

— А вдруг там какая-то зараза? — спросила Ленка.

— Так нанотех же, — удивленно ответил Йоло. — Он любую заразу должен удерживать. В теории, по крайней мере. Ну, или сказать, что не может, и что надо делать.

— Как сказать?

Йоло вздохнул.

— Ваш нанотех не докладывает. Вообще. В норме-то должен, — хотя бы на носимый компьютер, но у вас их нет же, а терминал капсулы эту информацию игнорирует. В теории-то её можно с него запросить, но вот как — я не знаю. Тут или сам пользователь должен дать команду, — угу, если у него есть импланты, — или, как и для любой значительной смены настроек, нужен стационарный медкомплекс. Ещё там есть резервный вариант, на случай технических сбоев, но его случайно — найти практически невозможно. Он для инженеров.

— А что это за нанотех-то? — спросил Мишка.

— У нас минимальные модификации для зеннов — те, на которые они даже разрешения не спрашивают, а просто делает по необходимости всем. Обычная процедура типа. Но модификацию какую — шерсть там вырастить или панцирь — можно сделать... ну, если вообще к медицинской части отношение имеешь, и есть доступ к медтехнике. Не в самом начале, разумеется, в самом начале — это те, кто всё это делал и тестировал только могут. Если есть какие-то врожденные уродства или увечья, нанотех может медленно перестроить

тело до нормы, но обычно эту перестройку делает стационарный медкомплекс, и даже тогда это — несколько суток. В принципе — наследуется, если мать такая, другое дело, что роды всё же лучше в нормальных условиях проводить. Также — может быть передан другому. Но просто переливания крови там, или чего ещё — мало. Из доступных в таких условиях способов — если пара месяцами вместе, и там отношения... нормальные с обеих сторон, — то постепенно выстраивается у второго партнера такой же. Сейчас сменить программы — невозможно, просто нет средств.

— А что значит — нормальные? — вдруг спросила Ленка. — Регулярные здоровые отношения, и всё? Или и любовь? А если любовь БЕЗ регулярных «здоровых отношений», — возраст, например? То, что нормально относятся друг к другу? А как узнать? То, что не ругаются? Но бывает же, что люди так друг друга называют, что сплошные ути-пути... и общаются вежливо... почти, а на деле — очень даже не против друг друга убить. И как узнать, кто что на самом деле думает?

Йоло удивленно взглянул на неё. Мишка невольно подумал, что заодно с нанотехом зенны набили их и знаниями об этом своем мире... но тут уж возражать им не хотелось.

— А я знаю? Видимо, и то, что нормально относятся друг к другу, и нормальные здоровые отношения. Иначе как оно перейдет-то?

— Ну... кто их знает... — вздохнула Ленка.

— Насилие не одобряется, и не поможет, — ответил Йоло. — Ну да, кто-то скажет, что дискриминация по признаку типа отношений... но за изнасилование у зеннов — статья в УК. До смертной казни вплоть.

— А там какие ещё способности, кроме усиленной регенерации? — спросил Сашка.

— Ну например... заболеть нам сложно. В смысле инфекционными болезнями — вообще никак. Паразитов оно тоже давит, если они хоть как-то на биохимию организма завязаны. Не во всех случаях защита включается сразу... тут смотря что. На самом деле, это всё регулируется, но вам — просто не с чего отдать команду. Проблемы тут такие: если полное истощение — защита менее эффективна, потому что там многое именно на стимуляции иммунитета. Регенерация... она тоже не на святом духе работает, и кушать — надо, сильно и разнообразно. Если с этим проблема — сильно зависит, как человек сложен. Если жир есть — то ещё ничего, а вот если нет... Ну и не всё из медицинских препаратов система расценит как помощь, кое-что будет просто снижать ей эффективность. Вообще — не вся фармакопея будет действовать. И это, например, проблема в случае, если операцию делать — анестезию придется подбирать. Общее правило, что если это действует НЕ на мозг, то увеличение дозы — помогает. Если на мозг, и нормальная доза не действует, — больше лучше не пробовать. Потому что очень много что — действует не так. Вред носителю так причинить нельзя, но можно — тому, кто это пытается ввести, потому что можно получить, например, приступ агрессии. Кое-какие медицинские процедуры, — не только то, что принято операциями называть, лучше вообще не делать, потому что регенерация — откатит в изначальный вариант, и всё тут. У зеннов в случае, если операция не имеет строгих медицинских оснований, но всё-таки нужна зачем-то, — просто корректируют программу, а вам — нечем. Кое-что из этих проблем — в норме легко решается, если есть хотя бы пользовательский уровень доступа к нанотех-части. У зеннов даже на тату система реагирует... враждебно — это считается ненужной по медицинским причинам процедурой. Немногие исключения — например, можно уши прокалывать под серьги, потому что жестко внесено в разрешенный список заранее. Есть другие, не всегда очевидные.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мишка ошалело помотал головой. Если честно, он не всё понял... но то, что он понял, вызвало жуткую зависть. Нет, им нужно ОБЯЗАТЕЛЬНО вернуться, потому что такая во вещь — может спасти миллионы, да что там — миллиарды жизней!..

— А омолаживать эти наноботы могут? — спросила Ленка.

— Могут, — кивнул Йоло. — Но в медцентре.

— Значит, технически могут, просто процесс очень сложный? — спросил Сашка.

Йоло вздохнул.

— Тут мало одних наноботов. Расходники...

— Какие? Молодильные яблоки? — спросил Витька.

— У наноботов тоже ресурс не безграничный, и там ещё препараты нужны разные.

— Дорогие?

— Угу. Самих наноботов надо значительно больше, и специалиста, который хоть знает, как сигналы от них интерпретировать, и в каких случаях — сразу звать реанимацию.

— Значит, есть хороший шанс отдать концы в процессе?

— Ну... да. Там по минимуму — двое суток лихорадка с температурой больше сорока, и ОЧЕНЬ желательно иметь нормальный уход, и здоровый организм до этого. А смена программы... не такая серьезная. Просто интенсивность выше на порядок, и настройки... агрессивнее. Ну и всякие там пептиды с нуклеидами, для восстановления ДНК — теломеры там наращивать, и прочее такое всё.

— Тело... что? — спросил Витька.

— Теломеры. Это штуковины такие в хромосомах. Они при каждом делении скручиваются по кусочку. Пятьдесят делений — и всё, ферменты начинают отгрызать сам генокод, а тогда клетка помирает. А наноботы их наращивают.

— И можно вечно жить?

— Нельзя. Память же постоянно растёт, нейроны забиваются мнемобелками — и привет... Альцгеймер, да? А если ферментами их жрать — будет дивная болезнь склероз. Лет сто-сто пятьдесят с нанотехом протянуть можно, а потом — в VR. Конечно, если деньги на оплату есть.

— А VR — это что?

— Виртуальная реальность. То есть, в компьютере. Там вообще что хочешь, может быть. Только полный перенос — это дорого очень, потому что одной памяти нужно триллион терабайт, а это... много. Полноценный ИР — это штука размером с холодильник и массой в полтонны. Но зато почти вечная. Память-то можно дублировать, а процессоры менять, если что.

— А что у зеннов? — спросил Витька.

— VR. Бесплатная. Коммунизм же.

— И сколько процентов населения там в VR уже? — спросил Сашка.

Йоло улыбнулся.

— 300–400, примерно. Права у них полные, естественно.

— А ИР — это что?

— Искусственный Разум. На самом деле, он, обычно, как раз НЕ искусственный, просто так все говорят. То есть, искусственный по материалу, конечно, а вот происхождение — обычно, загрузочное. С нуля ИР программировать, — очень уж сложно, и часто там всякая фигня получается...

— Какая?

— А как раз типа у`*rap*. Нечисть. Без всякой морали вообще. А ещё ведь и сингулярный порог есть. Считается, что если вычислительная мощность ИР выше триллиона терабайт в секунду, его в принципе невозможно контролировать, а если больше квадриллиона — то это вообще уже сверхразум, который даже понять невозможно. Их в галактике сейчас всего шесть. Сайэр и Лоран — одни из них. Ну, так их называют, как они сами себя и друг друга зовут — никто не знает.

— А другие?

— Федерация Йаве — она самая старая. Их можно определить, как бюрократических идеалистов — Закон и Порядок превыше всего. На самом-то деле, это самое обычное государство, и очень большое, только правит в нем Бог Администрации, или, как там его называют, Большой Брат. Правит, кстати, очень эффективно, и туда очень многие едут, потому что суды справедливые, полиция тоже, преступности, можно сказать, и нет. А что всё от и до регламентировано — ну так бывает и хуже... Альянс Сеат, где правит Вечный Судья — там почти то же самое, но у них вообще главная идея — как бы чего не вышло. Сеть Кибериан — там вообще непонятно, кто главный. Там всё наоборот. В смысле — свобода превыше всего... свобода бизнеса — особенно. А что бизнес с точки зрения обычных бизнесменов — бессмысленный... ну так Трансразум же. Ну и Сфера Утопии, где счастье всем, даром, и никто не уйдет... Это гипердержавы, где Трансразумы правят. А обычных-то более-менее стран, государств и империй — в галактике больше четырех тысяч.

За бортом что-то глухо бухнуло, и Мишку ощутимо рвануло вбок. Потом ещё раз... и ещё. Ленка завизжала. Йанто сжался в кресле, ошалело сверкая глазами. У Мишки что-то ёкнуло глубоко в животе. Наверное, моряки в подводной лодке ощущают то же самое, когда в них бросают глубинные бомбы, — промелькнуло в голове. Сашкин дед, бывший балтийский моряк, как-то рассказывал им об этом...

— В нас стреляют! — крикнул Витька.

— Нет. Это коррекция прошла, — неожиданно спокойно ответил Йоло. — Связи с поверхностью нет, и нас наводит на космодром Тейлинала... это столица. Часа через четыре будем там... и остается надеяться, что у у`*rap* в самом деле нет исправных комплексов ПКО. Вокруг столицы их было очень много...

* * *

Посадка оказалась делом долгим и скучным. На глаз сфера планеты совсем не приближалась, и казалось, что они висят на месте. Время от времени капсулу потряхивало от ударов маневровых двигателей, потом раздалось едва слышное жужжание — заработал антиграв. Вернулась пусть слабая, но всё же ощутимая сила тяжести. Теперь Мишка вновь понимал, где верх, а где — низ, и мучительное ощущение дезориентации, постоянного падения, исчезло. Все вздохнули с облегчением, особенно Йанто: в невесомости он явно чувствовал себя не в своей тарелке, даже его смуглое лицо приняло отчетливо сероватый оттенок. Ну да, оно и неудивительно, — каждый из землян хотя бы раз летал на самолете, а он...

— А назад мы улететь сможем, если что? — спросил Мишка. Сине-свинцовый, тяжелый цвет океана действовал ему на нервы. Падать в него точно не хотелось.

Йоло вздохнул.

— Нет. Макродвигателя тут же нет, а коррекционные... там даже реактора нет, просто метаводород... ну, металлический водород, который в газовую фазу переходит, и его мало. Там всего... километра, да? Три-четыре километра скорость можно набрать, и то, только в вакууме, потому что тяга... ну, при одной десятой стандартной G взлететь ещё можно, и то, если атмосферы нет. В атмосфере металловодородные двигатели использовать нельзя, они рванут. Их тут сразу перед входом в неё и отстреливают.

— А что такое макродвигатели? — спросил Мишка.

— Гипердвигатель — для полетов в гиперкосмосе, а макродвигатель — в обычном, — терпеливо, как маленькому, пояснил Йоло, и Мишка покраснел. — Они термоядерные обычно, но у нас тут нет такого, да его сюда и не втиснуть...

— А антиграв? — спросил Витька.

— А на нем не улететь. Он же только внешнее гравиполе отражает, да и то, не полностью...

— А если поковырять? — не унимался Витька.

Йоло вздохнул.

— Отражение в 99,999 % сделать можно... хотя и дорого. 101 % — никак.

— Почему?

— А почему у мотора любого КПД 101 % не может быть? Ну вот... Нет, говорят, у Трансразумов и такие антигравы есть, на которых хоть в космос можно улететь, но настоящие ли они, или просто гравиметрика — никто не знает...

— А гравиметрика что? — спросил Мишка.

Йоло удивленно взглянул на него.

— Ну так она варп-драйв и есть. Перед кораблем пространство сжимается, за ним — растягивается, так вот он и летает. Хотя, на самом деле никуда не летит он, а движется кусок пространства с кораблем. Это всё равно, что машинку на листе бумаги тащить — колеса-то не крутятся, а машинка всё равно движется. Варп-драйв и в атмосфере работает, в отличии от макродвигателей, только, когда он работает, близко к такому кораблю не надо подходить, разорвет в труху, нафиг. Метрик-поля — это не игрушка. Их и в дефлекторных щитах тоже используют. Энергию-то они не очень хорошо рассеивают, а вот если болванка какая летит — или разорвет, или хоть собьет с курса. Вот если туча дроби летит, да на скорости хорошей — тогда плохо. Потому на кораблях военные ставят или лазеры или масс-драйверы, которые сразу на низком субсвете стреляют, но это уже сложно и дорого, и они лишь на супердредноуты идут, потому что очень длинные...

— Ничего себе, мир, — повторил Витька. — Мы-то думали, что в будущем Великое Кольцо Разума будет или что-то вроде, а тут прямо империалистическая война какая-то, — супердредноуты всякие...

— Ну да, империалистическая, — удивленно сказал Йоло. — Империй много же, и каждая хочет самой большой быть. Рядом с Юлимангой Империя Алланеан есть, эти вообще засранцы. Воевать не умеют, но любят. Хорошо хоть, что техника у них так себе, а то вообще никакой жизни от них не было бы. А ведь бывают и такие, у кого техника... хорошая, а вот уважение к соседям отсутствует, как класс. Таких только зеннам останавливать, или сразу Альянсу Сеат, потому что флоты у таких... очень большие бывают, а если кто-то сказал тебе, что никто не может умереть за неправое дело, то он тебе соврал, потому что для них-то оно как раз очень даже правое. Есть такие, кто очень любит землю и власть... особенно, землю

соседей.

— И им на орехи не перепадает? — обиженно спросил Мишка.

— Перепадает, почему... Только галактика большая же, не одни, так другие...

Мишка промолчал. Дорин уже так приблизился, что занимал полнеба. Казалось, что они уже не падают, а летят к колоссальной отвесной стене. На коричневатой-белой поверхности отчетливо виднелись гребни и спирали облаков. Земли видно не было, и это очень злило Мишку, — раз уж им суждено попасть в этот мир, он хотя бы должен знать — куда...

Капсулу вдруг встряхнуло, на экране мелькнули какие-то разлетавшиеся предметы. Ленка снова придушенно пискнула, и даже Йанто дернулся как-то испуганно.

— Спокойно! — крикнул Йоло. — Отстрелились двигатели. Входим в атмосферу. Держитесь!

Капсула завибрировала, сперва очень слабо, потом сильнее. Снаружи донесся странный рокочущий звук, быстро поднявшийся до приглушенного рева. Похоже, несмотря на работу антиграва, их скорость всё ещё была очень велика. Но всё же, не настолько велика, как боялся Мишка. По крайней мере, ни перегрузок, ни пламени снаружи, о которых говорили космонавты, не было. Тем не менее, сердце у него ушло в пятки: они всё ещё падали с огромной быстротой, и он не знал, сможет ли антиграв полностью погасить её.

К счастью, шум воздуха начал постепенно слабеть, а вот сила тяжести быстро становилась больше: чем ниже они опускались, тем лучше работал антиграв. Небо начало понемногу синеть — теперь Мишке казалось, что они летят на самолете. Облака поднимались всё выше — и, наконец, капсула нырнула в них. Экран словно погас, его затянуло сплошной белесой мглой.

Облака оказались очень толстыми — понемногу начало темнеть. Сердце Мишки билось уже где-то у горла — он не представлял, что ждет их внизу, и удастся ли вообще посадка.

Когда тучи, наконец, разорвались, высота была уже очень небольшой. В них уходили какие-то огромные, оплетенные трубами конструкции. Они словно поднимались, вырастая из земли, когда капсула спускалась. Очень быстро спускалась, скорее, просто падала...

На экране полыхнуло бело-рыжее пламя, — сработали двигатели мягкой посадки, и Мишку резко вдавило в сидение. Йоло забыл предупредить о них, и, кажется, все завопили, но в их реве потонули все звуки. Они врезались во что-то мягкое, — с такой силой, что у Мишки лязгнули зубы, — потом пламя снаружи погасло, и путешествие закончилось.

* * *

Какое-то время все сидели неподвижно, глядя на окружающие их громадины. Мишке казалось, что они попали на заброшенный химический завод, — сооружения были не то ржавые, не то просто грязные, с них свисали какие-то непонятные космы, отчетливо колыхаясь под ветром. Снаружи шел дождь, и под ним пузырились огромные лужи. Это знакомое зрелище вернуло Мишку к реальности.

— Что дальше? — спросил он.

Йоло несколько секунд, моргая, смотрел на него, словно не понимая вопроса. Вдруг изображение погасло, стол сложился, — и круглая середина пола с шипением поднялась, открывая аварийное хранилище. Все тут же поднялись и столпились вокруг, вытаскивая и сортируя вещи.

Эта возня заняла много времени, но, разобрав НЗ, ребята обнаружили запас пищи и воды рассчитанный на дюжину зеннов в течение двух недель, две палатки, аптечки, дыхательные маски, сигнальные ракеты и комлинки. С оружием, правда, тут оказалось неважно: один ЕХ-9 — старый, но по-прежнему смертоносный рейлган, как сказал Йоло. К нему полагалось:

— четыре дилатонных полевых батареи, судя по горящим индикаторам, заряженных;

— полдюжины маленьких, с ноготь большого пальца ноги, обойм к нему же;

— железная коробка с двухмиллиметровыми вольфрамовыми дротиками в количестве нескольких сотен штук.

— Это на случай, если тут электричество есть где-то, — пояснил Йоло, доставая какую-то непонятную шуковину. — Зарядное устройство к батареям тут есть, а вот дротики на дороге не валяются.

— Дай посмотреть, — попросил Мишка, и Йоло с вздохом протянул оружие. Мишка осторожно взял его.

В руке у него оказался большой светло-серый пистолет с фигурной рукоятью и широким прямоугольным стволом. Под ним крепилась круглая, медная на вид батарейка. Наверху же была какая-то штука, похожая на оптический прицел, но без объектива и окуляра. Спереди на ней было два глазка, красный и зеленый, сзади — небольшой экранчик, сейчас темный. Сам пистолет был усеян разноцветными значками, очевидно, предупреждавшими об опасности, и Мишка вздохнул. Сейчас он точно предпочел бы что-то, более знакомое, — но выбора, как обычно, не имелось.

— Прицел термооптический, — сказал Йоло, забирая у Мишки оружие. — Работает в полной темноте и в тумане, выделяет движение и тепло. Хищника в засаде, например, может обнаружить. *Урар* — не знаю, они же киберы. Но, по идее, тоже должны тепло выделять. Маскироваться им тут не от кого же, разве что они тут уже и друг с другом воюют.

— А сколько их тут? — спросил Сашка.

Йоло почесал в затылке.

— Если только о мобильных киберах спрашивать — то по последней оценке где-то миллионов двести. Но её ещё три года назад делали. Сейчас и миллиард может быть, и больше. Киберы ж не люди, их как угодно можно штамповать, было бы сырьё. А ведь ещё стационарные дата-центры есть, серверы и всякие заводы...

— Ну, и что нам со всем этим делать? — уныло спросил Мишка. Нет, героизм, конечно, штука хорошая, — но битва с миллиардом сумасшедших киберов не привлекала.

Йоло задумался.

— Тут, всего километрах в десяти, сканеры капсулы засекали генератор связующего поля, — и, раз он всё ещё работает, именно оно объединяет всех *Урар* тут в общий рой. Если его грохнуть — бояться нам будет, собственно, нечего.

— Что за связующее поле? — спросил Сашка.

— Что-то, связанное с гиперпространством, точно я не знаю, — вздохнул Йоло. — Оно может передавать мгновенно почти любой объем данных, где угодно, — хоть под водой, хоть под землей. Очень удобно — никаких кабелей и ретрансляторов не нужно, сеть летает... только вот чихнуть не успеешь — а Трансразум тут как тут. Поэтому, сейчас это поле почти везде запретили. А где не запретили — там сейчас как тут...

— А генератор?

— Связующее поле не из воздуха берется же. Его создают проекционные станции, на

планетах их ставят километров через сорок. На каждой реактор стоит, и генераторы, которые держат само поле, и нагнетают энергию в гипер. Без него *Урар* мгновенно превратятся в болванчиков, — у них композитный разум же, сами по себе все эти киберы совершенно безмозглые. Только вот это и они сами, наверное, понимают, и должны станции пуще всего защищать...

Мишка недовольно мотнул головой. Питаться особенных надежд не стоило — это он уже очень хорошо понимал. Но и сидение на попе ничего им не дало бы.

— Ладно, тогда давайте собирайтесь — и пошли, — сказал Сашка. — Воду можно бросить — тут её и так дофига. Палатки тоже — тут же город...

Это сильно облегчало дело — но, всё равно, барахла оказалось слишком много. Мишка с сомнением посмотрел на аккуратную стопку стандартных армейских пайков, — небольших пластиковых поддонов, затянутых прозрачной пленкой. Под ней лежали поддончики поменьше, с разноцветными «колбасками». Как сказал Йоло, один такой паек был рассчитан на пехотное отделение, а их тут оказалось штук пятнадцать. При спокойной жизни им их хватило бы на месяц, а может, и больше, так что голодная смерть им точно пока не грозила.

Не удержавшись, Мишка руками разорвал пластик, и вонзил зубы в «колбаску» из плотной, похожей на пластилин массы. На вкус она оказалась вполне сносной — что-то вроде подкопченного плавленого сыра. Полевой микроволновки у них, разумеется, не было, — но Мишка бодро сжевал «колбаску», а потом и вторую. В животе залегла приятная тяжесть, по телу разлилось тепло, в голове сразу же прояснилось.

— Здорово, — сказал Сашка, тоже сжевав одну «колбаску», — словно кофе попил.

— Ну да, конечно, — там полно стимуляторов, и один бог знает, чего ещё, — буркнул Йоло. — Для постоянного питания эта дрянь не годится — но за месяц мы точно не помрем.

— Мы же сейчас вроде как на войне, — сказал Мишка. — Нам можно... наверное. Всё равно ж ничего другого нет.

Они вновь принялись за снаряжение. Тут были и защитные костюмы, о которых им говорила Ю-Пао, — но рассчитанные на зеннов, слишком большие, и потому совершенно бесполезные. Комбинками же, как сказал Йоло, пользоваться не стоило — это мгновенно привлекло бы *у`рар*. Тем не менее, Сашка решил взять и их — просто на всякий случай. Особый интерес ребят вызвали аптечки — ничего похожего они раньше не видели. Каждая имела диагностический сканер и компьютер, хранивший информацию о лечебных процедурах, — правда, рассчитанных на зеннов и сейчас тоже бесполезную. В остальном же их содержимое оказалось более-менее обычным — антисептические повязки, капельницы, а также обширный набор коагулянтов для остановки кровотечений, противоожоговых мазей, противошоковых и обезболивающих средств. Нашлись также антибиотики, антитоксины и активизаторы иммунитета — но опять же рассчитанные на зеннов, и Йоло не знал, каково от них станет людям. Тем не менее, бросать их никто не стал — тем более, что аптечки были небольшие, с толстую книгу, и они могли унести сразу все. Дыхательные маски — похожие на обычные земные респираторы, соединенные шлангом с противогазным фильтром — тоже никто выбрасывать не стал, хотя все ребята и не взяли. Об отравляющих газах на Дорине Йоло ничего не слышал — но маски были небольшие, и, в общем, не тянули карман.

Наконец, сборы закончились. К счастью, среди снаряжения зеннов нашлись рюкзаки, в которые легко поместились пайки и аптечки, — получилось многовато, килограммов по семь на человека, но выбирать не приходилось. У Йанто был его неизменный ранец. Пайки он есть не стал, лишь понюхал, брезгливо поморщившись, — но, после недолгих уговоров,

запихал часть их в ранец — сколько влезло. Он и так был навьючен, словно лошадь — нож-тесак, колчан, лук, в руках копьё — но, казалось, совсем не замечал этого. Витька нацепил на пояс кобуру с ракетницей, через грудь у него шел патронташ с зарядами для неё, и сейчас он смотрелся очень воинственно. А вот Йоло в халате выглядел очень несчастным, — ему одежду зенны не вернули, потому что её у него и не было. Он с сомнением посмотрел на свои голые ноги.

— Может, я тут останусь? — нервно предложил он. — Буду связь держать, и вообще...

— Сам же сказал, что нельзя, — Сашка бросил ему туго набитый рюкзак. Йоло охнул и согнулся, поймав его. — Пошли давай. Нечего тут сидеть.

Вздыхнув, Йоло подошел к пульту, и нажал несколько кнопок. Что-то в стенках капсулы ухнуло, зашипело, и в неё вдруг ворвался поток сырого, холодного воздуха, пахнувшего порохом и глиной. У Мишки резко заложило уши, — давление снаружи оказалось больше. Он несколько раз торопливо сглотнул. Потом толстая круглая крышка глухо стукнула и отошла. В неё сразу же ворвался холодный, несущий дождевые брызги ветер, и Мишка поёжился. Одеты они были для зимы, — а тут оказалась вроде как осень — или, быть может, весна.

Йанто первым прыгнул вниз. Он отошел на несколько шагов, осмотрелся, потом обернулся и помахал рукой, показывая, что не заметил ничего опасного. Вздыхнув, Мишка тоже прыгнул в люк. Высота оказалась небольшая, — не больше метра, — но ноги тут же по щиколотку ушли в грязь. Мишка с завистью посмотрел на Йанто, — вот уж кто промокнуть не боится, — потом осмотрелся.

Он словно оказался в каком-то сказочном лесу, — колоссальные изогнутые конструкции скрывались в низких растрепанных тучах, словно какие-то огромные деревья. Под ними лежала полузатопленная глинистая равнина, рассеченная бетонными дорогами и эстакадами с пучками толстых труб. Всего шагах в десяти стояло какое-то низкое, облезлое здание, похожее на гараж. Ничего живого вокруг не было.

Вслед за ним наружу выбрался Сашка, потом Витька. Йоло выбрался последним. Ветер тут же швырнул в него порцию водяной пыли, и он сморщился так, что на его лице не стало видно глаз. Пистолет в его руке сейчас смотрел на Ленку, — но он даже не замечал этого.

— Дай сюда, — не слишком вежливо Мишка забрал у него оружие. — Ты хоть раз из чего-то стрелял?

Йоло недовольно мотнул головой и растерянно взглянул на него.

— Э... нет. В реальности. Вот в играх...

— Понятно, — Мишка посмотрел на пистолет. — Да он у тебя даже не заряжен! Заряды давай, и батарейки!

Вновь недовольно мотнув головой, Йоло вытащил из сумки обоймы и протянул ему. Мишка набил их. Потом вставил одну в пистолет, вставил батарею, — и с некоторым душевным трепетом нажал на спуск.

Трах! Из стены напротив фонтаном брызнули осколки. Оружие резко ударило в руку, но звука выстрела не было. В этом плане пистолет работал отлично — хотя, судя по индикатору, заряд батареи не превышал шестидесяти процентов, чего хватало только на семь выстрелов. Всего, значит, двадцать восемь — точнее, уже двадцать семь...

Мишка вздохнул. Заряда было жалко, — но он хотя бы убедился, что оружие работает.

— Что это вообще за оружие-то? — спросил он.

Йоло вздохнул.

— Как оружие киллера, ЕХ-9 очень хорош, — он стреляет бесшумно и пробивает даже полудюймовую броню, — но вот со скорострельностью дела у него обстоят неважно. Перезарядка накопителя занимает три секунды или около того, и для боя с толпой он не годится.

— Понятно, — вздохнул Сашка. — Разве что тихо отстреливать у *rap* по одному, из засады, — но я сомневаюсь, что они это нам позволят. Нам же к генератору надо, а не просто так тут шариться.

— Поодиночке они не ходят, так что, в общем, ничего не изменилось, — подтвердил Йоло. — Можно считать, что оружия у нас по-прежнему нет.

— Кобуру давай, — буркнул Мишка, и Йоло со вздохом протянул её. Мишка прицепил её к ремню. Рядом с ней он пристроил и маленький подсумок с запасными обоймами и батарейками. Коробку с дротиками он оставил Йоло, — слишком уж тяжелая, пусть тащит, не маленький же...

— Где там этот генератор? — спросил Сашка.

— Вон там, — Йоло показал направо. Мишка повернулся, — но не увидел ничего, кроме мутной пелены дождя.

— Веди, давай.

Йоло вздохнул и закинул рюкзак за плечи. Вид у него был несчастный, — босые ноги в грязи, халат уже промок и облепил тело, — но он просто повернулся и зашагал вперед.

* * *

Идти по глинистому полю оказалось очень тяжело. Ноги вязли, глина облепляла башмаки, к тому же, повсюду попадались громадные лужи, которые им приходилось обходить. Йоло быстро начал ныть, и Сашка без слов дал ему подзатыльник. Йоло надулся — но всё же замолчал, и зашагал дальше с мрачным видом. Мишке тоже захотелось заныть, — но он подавил это желание, хотя его одежда уже начала промокать, а на облепленные глиной штаны и вовсе смотреть не хотелось.

К счастью, пройдя всего метров восемьсот, они наткнулись на пересекавшую поле высокую насыпь с вполне земной бетонкой наверху. Путь к ней, правда, преграждала глубокая канава, до краев налитая водой, и, форсируя её, Мишка провалился по пояс. Увидев это, Ленка замерла в ступоре, — она категорически отказалась входить в воду, и Йанто перенес её на руках. Мишка вздохнул, и полез на крутой склон насыпи. Дорога, к их счастью, оказалась пустой, и вела «примерно туда», как сказал Йоло. Вариант не самый лучший... но идти по полю не хотелось уже никому.

По этому пустынному шоссе они шли никак не меньше часа. Все промокли до костей и замерзли, как собаки, но останавливаться никому не хотелось. Пока что у *rap* их не заметили, и каждый шаг к генератору повышал их шансы. Потом из туманной мглы впереди показались темные силуэты зданий. Стояли они очень густо, словно небоскребы в каком-нибудь Нью-Йорке, и походили на мрачную горную страну из отвесных утесов. Там не горело ни одного огня, и ребята остановились, глядя на город. До этого Мишке казалось, что они где-то на Земле, но сейчас иллюзия исчезла. Город впереди был чужим. Чужим и враждебным.

— Далеко ещё? — спросил он.

— Километров пять, — буркнул Йоло. — Километр до города, километра три застройки, а потом ещё километр до генератора. Он за городом стоит.

— Может, обойдем? — предложил Витька. Он тоже весь вымок, с его волос, как с крыши, текла вода.

— Нет, — Йоло мотнул головой, стряхивая воду с бровей. — Тут впереди канал, и только один мост. Слева, на востоке, озеро, а за ним космодром. Справа — собственно столица, она тянется километров на сорок, а за ней ещё промышленная зона. Там у у`рар самое гнездо. Другого пути нет.

* * *

Минут через десять они вышли к широченному, полос на двенадцать, шоссе, совсем не пустому, — остовы разбитых, сгоревших машин громоздились на нем, как штормовые наносы. Раньше они, наверное, смотрелись потрясающе, — но теперь это были просто груды ржавого и обгоревшего железа высотой в несколько метров. Было видно, что шоссе не раз расчищали, спихивая разбитые машины на обочину, но в конце концов бросили эту затею.

— Что тут было? — спросил Сашка.

— А я знаю? Я только статьи в компе смотрел, а так-то не интересовался особо...

— Угу, в гробу своем лежал.

— Я там деньги зарабатывал, — буркнул Йоло. — Тысяча пятьсот крон за последний месяц, между прочим.

— Как это зарабатывал? — спросил Витька.

— Ну, как... задания за деньги выполнял разные. За игровые кроны, не за реальные, конечно... но вывести ж можно... было.

— Угу, и сильно это тебе помогло?

Йоло не ответил.

* * *

Обойдя груды разбитых машин, они вышли к каналу. Между его отвесных бетонных стен мощно катился поток мутной желтоватой воды шириной метров в сто. Его пересекала высоченная эстакада, перемахивая и шоссе, — а за ним виднелись зеленовато-черные остовы зданий. Именно остовы — все стекла в них были выбиты, и они походили на какие-то темные проволочные клетки. Из них свисали какие-то космы, — не то шторы, не то какие-то растения. Сами здания оказались громадные, — этажей по тридцать-сорок, — и верхушки некоторых уходили в низкие туманные тучи. Добавить на передний план статую Свободы, — и можно писать картину «Крах капитализма», подумал Мишка. Капитализм тут и в самом деле потерпел полный крах, — но на смену ему пришло нечто, несравненно худшее...

— Как мы туда заберемся-то? — спросил Сашка, глядя на мрачное днище эстакады. Она поднималась над шоссе этажа на четыре, — и никаких лестниц вверх не вело.

— Там, — Йоло показал назад, туда, где эстакада спускалась к земле. Идти надо было метров восемьсот, причем, опять по полю, и Мишка вздохнул.

До начала эстакады они добирались добрых минут пятнадцать. Им пришлось форсировать кювет, а потом несколько оросительных, наверное, канав, тоже доверху наполненных водой. Само поле покрывал бурый ковер мертвой, спутанной растительности — похоже, что тут была осень. В ней скользило иногда что-то живое, похожее на змей, — Йанто несколько раз замирал и вскидывал лук, но стрелять всё же не решался. Мишка внимательно смотрел под ноги, но на глаза ему никого не попало, хотя на Дорине жили явно не одни у`рар, — всевозможная живность, похоже, благоденствовала после падения человека...

— Ничего себе... — сказал Витька, когда они вышли к насыпи.

Мишка кивнул. Здесь в кювет косо завалился громадный светло-кремовый танк, — сокрушив ограждение, он слетел с дороги, и, очевидно, застрял. Громадную, почти размером с корпус, башню развернуло, обрешеченный, в каких-то непонятных муфтах ствол пушки уткнулся в землю. На башне торчала ещё башня, поменьше, и две турели с шестиствольными пулеметами. Теперь они тоже тупо целились куда-то в жесткий бурьян. Мишка не отказал себе в удовольствии залезть на броню, — но люков на крыше башни не оказалось, лишь пучки торчавших во все стороны коротких стволов, похожих на маленькие минометы, и две явно вращавшихся штуковины, напоминавшие телекамеры, — с желтыми, как противотуманные фары, объективами.

— Это танк-робот, я слышал о таких, — сказал Йоло снизу. — У него управление сдохло, похоже. Говорят, что у`рар могут через связующее поле в любые компы залезать.

— Может, починим? — предложил Сашка, заглядывая в жерло громадного вентилятора за башней. — Всё лучше, чем из лука в роботов стрелять.

— Там мест для экипажа нет, — буркнул Йоло. — И батареи подошли давно. Он тут с самого Падения стоит же, видите, как бурьяном оброс...

Мишка с сомнением посмотрел на танк — выглядел он, как громадная игрушка, совсем не похоже на однотонно-зеленые земные танки, — потом всё же соскользнул вниз. Громадная тяжелая машина оказалась беспомощна без экипажа...

Они осторожно вышли на шоссе. Оно оказалось поуже, полос в шесть — но остовы машин попадались и здесь. Сашка бодро двинулся наверх, — но Йанто поманил его в узкий проход между внутренним и внешним ограждением.

— Пойдем здесь, — сказал он. — Здесь нас не видно.

В самом деле, ограждения оказались высокие, из-за них у Мишки торчала только голова. Сама эта щель, правда, оказалась сырой и грязной, заваленной каким-то мусором, — но выбирать, увы, не приходилось. Тающая в мутной мгле лента шоссе вела, казалось, прямо в небо, — а туда Мишке всё же пока не хотелось...

Минут через десять они поднялись на самый верх эстакады. Здесь, над каналом, бушевал сильный ветер, бросая в лицо Мишки капли холодного дождя, и он поёжился. Теплая ванна в родном доме всё время стояла у него перед глазами. Холод забивал все

остальные чувства... и он недовольно помотал головой. Замыкаться на нем точно не стоило, — хотя Йанто шел впереди и наверняка заметил бы любую опасность, сам Мишка шел последним, то и дело оглядываясь. За ними никто, разумеется, не крался... но на шоссе, за разбитыми машинами, мог прятаться кто угодно. Там иногда что-то шуршало, — то ли какие-то местные крысы, то ли ветер трепал куски обшивки, то ли...

Йанто вновь замер, осматриваясь, и Мишка выглянул из-за него, вытянув шею. Эстакада впереди полого вела вниз, врезаясь в гущу застройки. Там громоздилась не то баррикада, не то просто завал. Ещё километра через полтора шоссе сворачивало направо, к центру города, и это Мишке не понравилось: пробираться тут дворами не хотелось. Слева, где по словам Йоло, было озеро, висел сплошной мутный туман. Оттуда доносился отдаленный глухой шум, словно там встречались две больших бурных реки.

Теперь они шли вниз. Канал остался позади, и Мишка выглянул за ограждение. Под ним был замусоренный бульвар, — и по нему вдруг быстро пробежало какое-то бурое животное, похожее на ласку, но большое, метра полтора в длину, и мальчишке показалось, что у него шесть ног. Его передернуло. Тварь выглядела хищной, и встречаться с ней нос к носу не хотелось.

Ещё метров через пятьдесят над ним навис ободранный фасад многоэтажной башни. Её выбитые окна угрюмо темнели, и он невольно пригнулся. Казалось, что за ними наблюдают... а может, и не казалось уже...

Теперь они шли медленно, всё время осматриваясь. Проносясь через утробы зданий, ветер издавал жутковатые звуки. Внутри них что-то завывало, шумела стекающая с крыш вода, где-то раз за разом надоедливо хлопала дверь. Мишка подумал, что от попыток выделить в этой какофонии что-то опасное уши у него сейчас свернутся в трубочку. Казалось, что он застрял в каком-то бредовом, диком сне... только вот проснуться никак не получалось.

— Слушайте, давайте Йанто попросим в какой-то другой мир уйти, — вновь заныл Йоло. — Я уже все ноги сбил, не могу идти дальше...

— В какой мир? — Сашка так резко повернулся к нему, что Йоло попятился.

— Ну... — начал он. — Да в любой мир!

— Иди давай, — Мишка подтолкнул его, и Йоло вновь заткнулся. Без него они точно тут пропали бы... но его постоянное нытье раздражало, и мальчишка поймал себя на мысли как следует дать ему по башке. Делать так, естественно, не стоило, — в конце концов, Йоло не виноват в том, что вырос в каком-то буржуазном обществе, — но трус везде трус, где бы ни родился...

— Вот же гадство, — сказал Витька, когда они дошли до конца эстакады.

Мишка молча кивнул. Впереди поднималась гора хлама высотой метра в четыре. Основу её составляли разбитые машины, — но и кроме них тут много что лежало. Мишка заметил даже небольшой вертолет со сломанными лопастями, — слишком маленький, чтобы в нем мог кто-то сидеть, но слишком большой для модели. Он венчал груды хлама, словно вишенка на торте. Кое-где она выгорела и осела, от неё до сих пор тянуло паленым пластиком, горелой резиной и ещё какой-то дрянью.

— Сюда, — Йанто ловко перемахнул через ограждение и скатился с насыпи вниз, в очередную колоссальную лужу. В неё он погрузился едва ли не до колен, и Мишка вздохнул. Лезть на баррикаду, однако, ему хотелось ещё меньше, так что он последовал за ним. Вода, разумеется, оказалась жутко холодная, так что он торопливо форсировал лужу, и,

поднявшись по облезлому крыльцу, вслед за Йанто нырнул в какой-то магазин. Бывший, конечно, — теперь в нем ничего не осталось, кроме пустых прилавков. Обстановка была современная — но, судя по россыпи дыр в стенах, когда-то тут стреляли...

— И что дальше? — спросил Мишка, когда в магазине собрались все. Здесь, по крайней мере, не дуло, так что по общему молчаливому согласию они решили устроить привал и слегка подкрепиться. До реактора, по словам Йоло, оставалось ещё километра четыре.

— Тут кто-то есть, — хмуро сказал Йанто, проверяя лук. — Я видел на дороге. Ростом... метра, да? Метра два с половиной. Прошел по перекрестку и скрылся. Нас не заметил.

— Это у *рар*, — не менее хмуро сказал Йоло. — Один из них. Только, у них композитный разум же. Если нас заметит хотя бы один, — о нас сразу же узнают все.

— И что тогда будет? — спросил Мишка.

Йоло повернулся к нему.

— А я знаю? Может, ничего не будет. Может, на части всех порвут. У *рар* совсем чокнутые же. Никто не знает, как они поступят.

* * *

Следующие полчаса прошли почти в полном молчании. Мишка сидел рядом с Ленкой, держа её за руку. Выходить наружу не хотелось... но, если они не смогут уничтожить генератор связующего поля, шансов у них не останется совсем...

— Может, всё же в другой мир? — предложил Йоло, немного отогревшись.

— В какой? — хмуро спросил Йанто. — Я домой хочу, да и вы тоже. Тут у нас есть шанс. Там... я не знаю. Мне отец говорил, что везет только раз.

— А как быстро ты можешь в другой мир перейти? — спросил вдруг Сашка.

Йанто задумался.

— Секунд... секунд тридцать, да? Если мне никто не будет мешать. Наверное, можно и быстрее, но мир уже будет случайный, совсем случайный. Я так не пробовал.

— Ладно, пойдем всё же, — сказал Сашка. — А ты нас тогда вытацишь, если будет совсем уже край.

Йанто бросил ему свое копьё.

— На. Всё лучше, чем руки.

Йоло посмотрел на нефритовый наконечник, и демонстративно фыркнул. Насадить на него сумасшедшего робота точно не вышло бы. Тут больше подошла бы пушка или противотанковое ружьё, — но ружья у них не было...

Витька с сомнением посмотрел на свою ракетницу. Здоровенную — калибром миллиметров в тридцать. Патроны к ней тоже смотрелись впечатляюще, — с круглой белой верхушкой, длиной сантиметров по восемь, — но для стрельбы по спятившим железным болванам тоже явно не годились. Мишка подумал, поможет ли тут его собственный пистолет... и недовольно мотнул головой. О таких вот вещах думать, — о доме точно можно забыть...

— Ладно, — сказал Сашка, поднимаясь. — Пошли.

* * *

Йоло отыскал в какой-то подсобке заднюю дверь, и они выбрались в тесный, замусоренный двор, из него в переулок, — но тоже перекрытый горой всевозможного хлама, поднимавшейся до второго этажа. Из неё торчали какие-то прутья и острые железные углы, и лезть на неё не хотелось.

— Снова в обход? — уныло спросил Витька.

— Нет, так мы долго будем тут ходить, — ответил Сашка. — Давайте через дом попробуем...

Через распахнутую настежь дверь напротив они попали в какой-то темный склад, из него — в огромную кухню, разбитую и загаженную, а из неё — в какой-то, наверное, ресторан. Теперь от него осталось лишь битое стекло и разбросанные, перевернутые столики.

— Хорошо гуляли, — попробовал пошутить Витька, и Сашка хмуро взглянул на него. У стойки лежала какая-то штука, чертовски похожая на скелет в слипшемся тряпье, и смеяться в таком месте не хотелось.

Из ресторана они вышли в вестибюль какой-то, очевидно, гостиницы, — огромный, он прорезал сразу несколько нижних этажей. Прямо посреди него торчал обгоревший остов какой-то машины, похожей на огромный бронированный стол. Она до сих пор стояла на четырех массивных металлических ногах, хотя её корпус порыжел от огня и был усеян дырками, чертовски похожими на следы от пуль.

— Точно хорошо гуляли, — буркнул Мишка. Там, куда смотрел торчавший из-под прямоугольной башки машины пулемет, лежала целая груда скелетов. — Аж до упаду.

— Нам навстречу такое вот выйдет — и мы тут ляжем, — сказал Сашка. — По сторонам лучше смотри.

— Это не военная машина, — сказал Йоло с видом большого знатока. — Видите — небронированная. Самоделка какая-то...

— Нам и такой хватит, — буркнул Сашка. — Даже с избытком.

— Наверное, нам туда, — Йоло показал на отходивший вправо коридор. Кончался он большим окном, выходившим на улицу, теперь, конечно, выбитым.

Они пошли по нему, то и дело прислушиваясь и глядя во все стороны. Справа и слева тут зияли двери, ведущие в какие-то большие помещения, — тоже разгромленные и заваленные перевернутой мебелью. Скелетов, к счастью, больше не встречалось, но Мишка всё равно чувствовал себя очень неудобно. Тяжелый пистолет в руке казался ему сейчас каким-то игрушечным. Йанто держал в руках лук с наложенной на тетиву стрелой, — но смотрелось это... немного неуместно. Мишка вспомнил массивную, метра в два высотой машину. Судя по размерам дырок, в неё стреляли из чего-то мощного, вроде крупнокалиберного пулемета, — а у них ничего такого не было, да даже и появись он у них, — они не смогли бы тащить его с собой...

Йанто остановился у окна, выглядывая наружу, потом поманил их к себе. Оно выходило в какой-то небольшой сквер, примыкавший к улице. Когда-то тщательно подстриженные кусты буйно разрослись, превратив его в уголок настоящих джунглей. Выхода тут не было, но и стекла в окне тоже, так что Йанто просто выпрыгнул в него. Мишка осторожно посмотрел вниз, — высота оказалась метра в полтора, — потом сел на подоконник и осторожно соскользнул на землю. Под ногами хрустнуло битое стекло, и босой Йоло вновь занял что-то про обход. Но вслед за Мишкой из окна выбрался Сашка, потом Витька, потом Мишка аккуратно опустил на землю Ленку, — а оставаться одному Йоло всё же не хотелось.

Развернувшись задом, он тоже осторожно соскользнул вниз, держась за подоконник. Йанто тем временем уже выглянул на улицу, и вновь помахал рукой, подзывая их.

Эта улица оказалась поуже соседней, но точно так же забита сгоревшими и просто брошенными машинами. Их покрывал неровный слой хлама, очевидно, нападавшего сверху, и Мишка нервно задрал голову. Ободранные, разбитые фасады поднимались, казалось, прямо в зенит, из зияющих окон свисали шторы и какие-то провода, кое-где на ветру хлопали отставшие панели обшивки, держась буквально на честном слове. В таком месте не стоило ходить без каски, — а ещё лучше огородить его забором и пойти в обход...

— Нам туда, — Йоло показал вдоль улицы. — Направление примерно совпадает.

— Слушай, а откуда ты знаешь, куда? — спросил Мишка.

— При посадке сканеры капсулы карту сняли же, — удивленно ответил Йоло. — У меня она есть, — он коснулся головы. — Там, сразу за городом, овраг, а за ним пустырь такой, редколесье... Генератор на нем. Его в большой спешке строили, там просто коробка такая стоит, и всё. *У`rap* рядом вроде как нет. Но точно не могу сказать, разрешение плохое, а *у`rap* не настолько крупные же...

— Уже что-то, — буркнул Сашка. — Ладно, пошли, хватит тут стоять...

* * *

Поход к генератору стал делом утомительным и неприятным, начиная с того, что вся улица была завалена мусором, и смотреть приходилось, в основном, под ноги, — в то время как обстановка требовала совершенно другого. Сверху то и дело что-то падало, — казалось, что город разрушается прямо на глазах. Несколько раз куски облицовки едва не попали Мишке в голову, и назвать это случайным уже никак не получалось: казалось, что по верхним этажам их преследует целая стая бандер-логов, кидаясь всевозможным мусором, хотя так, конечно, не могло быть. Пару раз падали довольно большие куски стен — к счастью, уже далековато. Потоки стекающей с крыш воды причудливо извивались под ветром, и можно было вдруг угодить под водопад на самой середине улицы. Будь Мишка лишь чуть больше суеверен, он охотно поверил бы в злых духов, населяющих это проклятое место. Но и обычной нечисти тут вполне хватало: под мусором гнездились громадные черные многоножки, вокруг шныряли какие-то мелкие серые твари, удивительно похожие на земных крыс. Попадались и упитанные черно-красные змеи, на вид ужасно ядовитые. Как предположил Йанто, они питались крысами.

Мишка мельком подумал, что тут нет насекомых или птиц... по крайней мере, они им не встречались. Один раз он видел вдаль, на перекрестке, какое-то крупное буро-фиолетовое животное, — у него было плоское, как нож, тело и шесть почти человеческих ног. Головы видно не было, и Йоло предположил, что это — один из *у`rap*. Проверять это, естественно, никто не стал.

Самиху *у`rap* им не попадалось, но среди хлама на улице встречались жутковатые находки, — не только скелеты разной степени комплектности, но и остовы всевозможных машин, — вроде трехметровой туши пирамидоголового робота, перевитой бурыми искусственными мышцами, или застрявший в груде хлама плоский, как кирпич, броневик, вскрытый, словно консервная банка. Выглядел он так, словно его броню разорвали какие-то огромные руки, — на ней отчетливо виднелись следы чудовищных когтей или пальцев.

Внутри домов, мимо которых они проходили, всё время что-то шуршало, вздыхало, шевелилось, — и Мишка боялся уже поседеть от переживаний. Он, как и раньше, шел последним, то и дело оглядываясь. Ему начало казаться, что за ними следят, — но в царившем между стенами громадных зданий сумраке и висевшей повсюду туманной мутной мгле разглядеть ничего не получалось.

С другой стороны, это было им на руку, — их самих тоже непросто было тут заметить, потому что Йанто очень удачно вел их среди груд хлама, за которыми ничего не стоило спрятаться. Несколько раз по его беззвучному приказу они садились на корточки и, прижимаясь к стене, ждали, пока мимо пройдет что-то, замеченное им. По крайней мере один раз Мишка слышал тяжелые, как удары молота, шаги, а ещё раз над крышами пронеслось что-то большое, — рывком подняв голову, мальчишка заметил лишь промелькнувшую в тумане тень. Беззвучную тень — это был не самолет, а что-то, вроде птеродактиля, по крайней мере, так ему показалось. Размер, правда, был крупноват даже для птеродактиля, и оставалось лишь гадать, — то ли это какая-то местная машина, то ли какой-то дракон. К счастью, дома тут стояли слишком тесно, чтобы эта зверюга смогла снизиться и пролететь между ними — чтобы, например, кого-то схватить.

Всё это тянулось, казалось, уже целую вечность — но, в конце концов, они выбрались в какой-то старый район с почти обычными многоэтажными зданиями. Они казались целее высотных башен, и улицы тут почти не были завалены. Ребята пошли веселее, — как сказал Йоло, до генератора связующего поля оставалось всего два с половиной километра, — и тут справа, на перекрестке, через который они проходили, вдруг раздался жуткий грохот. Часть перекрывающего улицу завала рухнула, — и из-за него поднялись десятки серо-синих металлических фигур. В самом деле огромных, — по два с половиной метра в высоту. Вначале Мишка принял их за роботов, — у них были нелепые механические руки с тремя суставами, — но замеченное всего мгновением позже едва не вышибло из него дух.

Внутри металлических остовов были вставлены обнаженные человеческие тела, мужские и женские. Ноги ниже колен переходили в металлические, рук вообще не было, — обрубки плеч уходили в какие-то косо закрепленные толстые цилиндры, а механические руки крепились уже ниже, на боках. Вместо головы торчало молотообразное рыло с двумя парами цилиндров поменьше, а в самой его середине алым огнем пылала узкая прорезь — не то глаз, не то просто какой-то фонарь.

Окажись там и в самом деле человеческие тела, Мишка, наверное, умер бы на месте от ужаса, — но кожа их была темно-серой, да и очертания их показались ему всё же не вполне человеческими. Засада не оставляла никаких сомнений в их, несомненно, действительно жутких намерениях.

Бежать было уже поздно, так что мальчишка вскинул пистолет — к счастью, он всё время нес его в руке, — и выстрелил. Оружие резко ударило в руку, но твари не двинулись, — пуля ушла в молоко. Мишка нажал на спуск ещё раз... но пистолет издал лишь повышающийся в тоне писк, — началась перезарядка. У тварей, к счастью, не было никакого оружия, — но они синхронно рванулись вперед, топча и разбрасывая лежавший на улице хлам. Брусья их металлических, лишенных ступней ног били в мостовую, как сваи.

Банг! Там, где у человека было бы сердце, у одной твари из груди вдруг выросла стрела. Мишка не знал, есть ли у неё сердце в самом деле... но её движения сразу стали беспорядочными.

Банг! Банг! Йанто стрелял с огромной быстротой, почти очередью. Он подстрелил

вторую тварь и почти сразу же третью. Пистолет, наконец, заткнулся, — перезарядка закончилась, — и Мишка, тщательно прицелившись, вновь нажал спуск. Целился он в голову, и в этот раз попал, — из неё фонтаном брызнули белые, раскаленные искры, и тварь сразу рухнула. Остальные, правда, этого просто не заметили, — они продолжали бежать к ним со страшным механическим упрямством. Мишка замер, целясь в ближайшую тварь, и слушая повышавшийся в тоне писк пистолета. Вот же гадство!..

Сашка, заорав что-то непечатное, метнул копьё. И, к удивлению Мишки, попал — пролетев добрых метров двадцать, оно воткнулось в живот ближайшей твари. Она нелепо развернулась на бегу, — и с грохотом рухнула набок. Йанто между тем подстрелил четвертую тварь, потом пятую. Первая подстреленная им тварь в это время уже повалилась, — похоже, что сердце у них всё-таки было...

Пистолет, наконец, перезарядился, и Мишка выстрелил снова — уже почти в упор. Рассыпая искры, тварь рухнула прямо ему под ноги. Йанто бросил лук и выхватил нож. Увернувшись от взмаха механической руки изящным, почти балетным движением, он скользнул за спину твари, и ударил под левую лопатку, между какими-то массивными деталями, мгновенно развернулся к другой твари — и пронзил ей грудь.

Мишка засмотрелся на него — и едва не погиб, когда трехпалая металлическая рука метнулась ему прямо в лицо. Пригнувшись, он проскочил под ней и нажал спуск, целясь в спину твари... но выстрела не было — пистолет ещё не перезарядился. Огромная фигура с лязгом развернулась к нему. Мишка отпрыгнул и вновь нажал на спуск.

В этот раз пистолет всё же выстрелил. Пуля пробила косо закрепленный под рукой большой цилиндр, — и из него с воем вырвалась струя белого огня. Подоженная тварь отшатнулась назад, нелепо размахивая руками.

Сашка вдруг вскрикнул — и Мишка рывком повернулся. Друг лежал на куче хлама, держась за бок — а тварь шагнула вперед, занося руки для следующего, последнего удара. Мишка вскинул пистолет... но, словно в страшном сне, оружие опять не выстрелило.

Заорав не своим голосом, Витька прыгнул на спину механического чудища. Тварь повернулось, стараясь его сбросить... и нож Йанто пронзил ей грудь. Она нелепо закачалась, — и Витька едва успел спрыгнуть, когда она рухнула.

Мишка ошалело крутанулся, высматривая новых противников... но на ногах осталась лишь одна, подоженная им тварь. Из пробитого баллона с воем бил фонтан огня — и, едва Мишка повернулся к ней, он взорвался. В воздухе взвизгнули осколки, тварь, словно ударом молота, бросило вбок, — и она рухнула, ударившись о стену. Стало очень тихо.

* * *

— Вот тебе и пушка, и противотанковое ружье, — пробормотал Витька, опуская ракетницу, которой так и не успел воспользоваться. — Лук!

Мишка мотнул головой. Сашка по-прежнему лежал, держась за бок, и он подбежал к нему, сунув пистолет в кобуру. Лицо у друга было бледное.

— Что с тобой? — тревожно спросил Мишка...

— С-с-с... ребра сломал... наверное, — выдавил Сашка, по-прежнему держась за бок. — Как врезал... я думал, у меня с-с-сердце через глотку выскочит.

Краем глаза Мишка заметил, что Йанто стоит, держась за плечо, и повернулся к нему.

Лицо у Йанто было удивленное, из-под ладони ручьем текла кровь.

— Извини, — буркнул он первое, что пришло в голову. Йанто достал именно осколок простреленного им баллона.

Йанто посмотрел на него ещё более удивленно. Мишка подумал, что он и будет так стоять, пока не упадет, — дед рассказывал ему такое про раненых на фронте, — но тут, наконец, опомнилась Ленка. Распотрошив аптечку зеннов, она выхватила из неё готовую повязку и, сдирая с неё пластиковый чехол, бросилась к Йанто. Тот испуганно попятился от неё, но недостаточно быстро, — с неожиданной силой отведя его ладонь, она шлепнула повязку на рану. Та сама затянулась, как живая. Что-то тихо зашипело, из-под неё полезла бурая пена.

Йанто заорал не своим голосом, пытаясь содрать её... и вдруг удивленно замер. Кровь мгновенно свернулась, перестав течь, но рука у него висела плетью, и Мишка понял, что рана серьёзная. Он поискал глазами Йоло. Тот столбом торчал посреди улицы, прижимая к груди руки. Лицо у него было такое, словно он решал — то ли сбежать, то ли прямо на месте хлопнуться в обморок. Тем не менее, он не пострадал.

— Что будем делать? — угрюмо спросил Витька. — Сейчас сюда вместо этой дюжины сотня прибежит.

— Пошли отсюда, — Йанто, нагнувшись, подобрал лук, потом, подойдя к сваленной Сашкой твари, выдернул копьё. Из раны сразу потекло что-то темное — может, кровь, может, что-то другое. Мишка не всматривался. От одного взгляда на вставленное в машину тело его едва не стошнило. — Э?..

Он вдруг замер, повернувшись к концу улицы. Мишка почувствовал, как под ним содрогается земля... и почти сразу же услышал быстрые, ровные удары, — словно где-то забивали сваи. Он уже слышал тут этот вот звук... но теперь он быстро становился ближе... и вдруг в конце улицы показалась огромная страшная машина.

В самом деле огромная — высотой с трехэтажный дом. Мертвенно-белый треугольный корпус — острым углом вниз — неся вперед на двух коленчатых, почти козлиных ногах, кончавшихся небольшими копытцами, — из-под них при каждом шаге брызгал раскрошенный бетон. Ноги мерно вылетали вперед одна за другой, при каждом шаге пробивая мостовую. На боках и в середине машины попарно горели яркие, сине-белые фары, — словно накаленные злобой глаза.

Мишка ошалело замер — он не представлял, как что-то подобное могло существовать и двигаться. В этот миг он совсем забыл о своем пистолете... но Витька, заорав, вскинул ракетницу и выстрелил.

* * *

Мишка не знал, чем зенны начинили свои сигнальные ракеты, но сигнал в самом деле получился впечатляющий, — ракета фиолетовой молнией мелькнула в воздухе, и, ударившись о бронепанель в верхней части корпуса, взорвалась с ослепительной вспышкой и чудовищным грохотом. Машина сбилась с шага, споткнулась, и едва не упала, — но потом всё же выпрямилась. На её броне рдело вдавленное, раскаленное докрасна пятно размером с большой таз.

— Это тебе за Сашку! — крикнул Витька.

Машина выпрямилась во весь рост. Откуда-то из середины корпуса вдруг с лязгом выскочили четыре чудовищных, метров по пять, руки. Даже блестящие пальцы-клещи на них были с предплечье взрослого мужчины. Мишка вспомнил разорванный, как газета, броневик. Теперь он понимал, кто это тут сделал.

Витька дернул защелку ракетницы. Она переломилась, и дымящаяся гильза сама вылетела на асфальт. Он загнал в казенник второй патрон и рывком захлопнул затвор.

— Это тебе за Йанто!

Держа ракетницу двумя руками, он вскинул её и выстрелил ещё раз. Ракета ударила в округлое, метр в диаметре, рыло с фарами, разворотив его, и машина попятилась, спотыкаясь. Чудовищные руки бессмысленно махали в воздухе.

— За меня!

Третья ракета ударила куда-то под руки. Казалось, что в брюхе машины взорвался котел, — оттуда вырвалось целое облако какого-то белого дыма или пара. Она откатнулась назад, — и рухнула с невероятным грохотом. Мостовая под Мишкой подпрыгнула. Чудовищные ноги задрались в воздух, несколько раз дернулись, словно продолжая бег — и, наконец, замерли окончательно.

* * *

Мишка тоже замер — ошалело глядя на всё это. В голове у него было совершенно пусто — ни одной мысли. В ушах звенело, перед глазами плавали радужные круги, — взорвись эти три ракеты поближе, он бы, наверное, вообще ослеп.

Мальчишка зажмурился и помотал головой. В ушах вдруг словно щелкнуло, и к нему пробилась звуки. Витька орал что-то непечатно-воинственное. Ленка просто орала. Наконец, в общий хор вступил Йоло.

— Бежим отсюда! — во всю мощь своих легких завопил он. — Они все тут сейчас будут!

Мишка осторожно приоткрыл один глаз и посмотрел на него. Йоло выглядел так, словно ему дали дрыном по башке, — он выпучил глаза, и орал, словно сирена. Вдруг он побежал, — в ту самую сторону, откуда они шли.

— Эй, ты куда? — возмущился Сашка. За домами в конце улицы было лишь мутное, туманное небо, — до окраины города оставалось не больше километра...

— Назад! — крикнул Йоло. — Беги, это ракеты! Они нас сейчас всех прикончат!

Выбор направления показался Мишке слегка странным, но обстановка не располагала к обсуждениям, и потому он тоже помчался за Йоло, — но, к счастью, тут же опомнился и вернулся к Сашке. Тот всё же как-то поднялся, — но по-прежнему держался за бок, и лицо у него было бледное. Мишка подхватил его под руку, — и они рысью побежали за Йоло. Пусть тот и трус, — но без него они все тут пропали бы...

Йоло вдруг свернул в какой-то узкий переулок и исчез. Мишка вслед за ним влетел в проход между домами. Тот упирался в глухую облезлую стену, но под неё, вниз, вела лестница, похожая на вход подземного перехода, только более узкая. Вслед за Йоло, он скатился по ней. Короткий туннель упирался в массивную дверь из литой стали, сейчас открытую, — она вела в просторную высокую комнату с серыми бетонными стенами и кафельным полом. В неё выходили две больших раздвижных двери лифтов. Как ни странно, тут всё ещё горел бледный искусственный свет.

Йоло сразу бросился к щитку, нажал кнопку вызова, — и, пока лифт поднимался, Мишка обернулся к герметическим дверям. За ними полыхнул яростный сине-белый свет, и эта пустая замусоренная комната вдруг показалась ему склепом.

Волна раскаленного воздуха ворвалась внутрь, разбросав их всех по полу, подняв тучи пыли, с оглушительным лязгом захлопнув бронированную дверь. Наверное, если бы не она, им уже не суждено было бы подняться, потому что почти сразу же снаружи раздался второй, ещё более сильный взрыв, а сразу вслед за ним — грохот обвала, от которого задрожал пол, а с потолка что-то посыпалось. Потом всё стихло.

Мишка поднялся на четвереньки, мотая головой и почти непрерывно чихая. Йоло, спотыкаясь, побрел к дверям, повернул запорные колеса, и заблокировал их стопорами. Лишь тогда они перевели дух, — и тут же едва не подскочили до потолка, когда массивные панели лифта с лязгом раздвинулись, открыв большую грязную кабину.

— Все живы? — спросил Сашка, цепляясь за стенку. Добежать-то он добежал, — но лучше ему от этого не стало.

— С-с-с... я руку... с-с-сломал, — выдавил Витька, держась за запястье. — На пол ё... шлепнулся, и вот...

— А я ногу распорол, — с каким-то мрачным торжеством сообщил Йоло, поджав босую ступню. С её пальцев капала кровь, и Мишка, не удержавшись, выругался. В один миг их отряд превратился в инвалидную команду.

Ленка, что-то пискнув, схватила Витьку за запястье, — и тот сразу заорал не своим голосом, грубо выдернув руку.

— Перелома нет, — сообщила она. — Наверное, просто трещина.

— Один хрен, болит просто адски, — буркнул Витька.

— Надо шину наложить, — сказала Ленка, повернувшись к Йоло. Тот с готовностью плюхнулся на пол и задрал босую ногу. Она и впрямь оказалась распорота едва ли не на всю длину, и залита кровью. Ленка с сомнением посмотрела на повязку, — такой вид ранения военно-полевая медицина зеннов, похоже, не предусматривала, — потом всё же нашла что-то вроде пластыря и заклеила порез. Из-под него вновь с шипением полезла бурая пена, — но кровь и тут свернулась, перестав течь. Страдальческое лицо Йоло расслабилось, — очевидно, унялась и боль.

— И что делать будем? — спросил Сашка, задрав футболку. Ребра у него, может, и не были сломаны, — но синяк был едва ли не во весь бок, и дышал он с отчетливым трудом.

— Вниз, посмотрим, что там, — предложил Йоло.

Возражений не последовало. Они все вошли в лифт и, едва Йоло нажал кнопку, поехали вниз, глубоко, — этажей на девять. Мишка тупо смотрел в стену, — ему казалось, что всё это происходит в каком-то диком сне. Он совсем не представлял, как они теперь дойдут до генератора.

Когда лифт остановился, они вышли в просторную комнату с распахнутыми настежь воротами из стальных плит, — запереть их удалось лишь после нескольких минут возни. За ними был новый туннель, холодный и сыроватый. Он упирался в массивную металлическую раму, перекрытую мерцающей стеной текучего голубоватого сияния. Она тихо потрескивала, отчетливо пахло озоном. Сияние оказалось почти непрозрачным, и Мишка никак не мог толком разглядеть, что за ним.

— Фазовое поле, — уныло сказал Йоло, остановившись у рамы. — Туда мы не сможем пройти.

Йанто фыркнул и протянул руку... которая прошла сквозь поле так, словно его не было. Он вздрогнул... потом вдруг шагнул вперед и сразу исчез. Мишка видел лишь его силуэт. Йоло удивленно приоткрыл рот... потом тоже протянул руку... и с ругательством отдернул её, коснувшись поля.

Мишка тоже протянул руку. Она коснулась чего-то, ощутимо плотного, — и в тот же миг его ударило током. Он тоже отдернул ладонь и замер, удивленно глядя на Йанто.

С минутой, наверное, тот стоял неподвижно, очевидно, осматриваясь, потом шагнул назад, вздрагивая и ёжась. Волосы его стояли дыбом и отчетливо потрескивали.

— Дальше такой же туннель, только освещенный, — сообщил он. — Пошли.

— Мы не можем, — хмуро сказал Йоло. — Поле нас не пропускает, — для убедительности он даже ткнул в него рукой, — и вновь отдернул её, передернувшись. — Как ты через него прошел?

— Просто прошел, — Йанто удивленно взглянул на него. — А что?

— А то, что без кода через него пройти нельзя, — хмуро сказал Йоло. — Потому мы тут и застряли. Но смарт-поле не пропускает только то, что особо указано. А сенсоры реагируют на... хц!

— Что?

— На *пунтил*... на фазовую сингатуру, короче. Если ты и впрямь... мироходец, то у тебя она другая. Совсем. И... Хц, мы же теперь куда угодно пройти можем!..

— Куда пройти? — удивленно спросил Йанто.

— Да везде, где фазовые поля есть! Тебе надо только их отключить.

— Как?

Йоло вздохнул.

— Там за полем пульт есть? Ну, бандура такая, с кнопками, рычажками и разной прочей фигней.

Йанто удивленно взглянул на него.

— Да. Ну, и что делать? — спросил он.

— Там, справа, большая кнопка есть, с таким треугольным значком. Просто нажми на неё, и всё.

— А! — Йанто вздохнул и, зажмурившись, шагнул в поле. Миновав его, он пошел куда-то вправо, остановился...

Мишка тоже замер... но тут поле погасло со странным стеклянным звуком. Туннель за ним был такой же, — только ярко освещенный холодными белыми лампами. Вдали он впадал в другой, поперечный туннель. Здесь же у рамы стоял массивный пульт с тускло мерцавшими экранами и массой непонятных кнопок. Йанто повернулся к ним, делая какие-то знаки, — и они, опомнившись, подошли к нему.

Мишка посмотрел на пульт. Кнопку он увидел сразу, — она и впрямь оказалась громадная, чуть ли не с яблоко размером, да ещё и тугая, — когда Йоло нажал на неё указательным пальцем, она почти не поддалась. Вздохнув, тот изо всех сил нажал большим, — и кнопка, наконец, ушла глубоко в пульт, включив поле. Сумрачный туннель исчез за ним, и красный свет в кнопке сменился зеленым.

— Уф! — Йоло устало прислонился к стене. — Теперь у *рар* до нас не доберутся... наверное. Фазовое поле — штука очень прочная, оно держит даже огонь оружейного бластера. Жаль, что существует только в такой вот плоской замкнутой раме, а не то...

— И куда дальше? — перебил Мишка.

Йоло пробежал взглядом по закрепленной над пультом схеме. Надписей на ней не было, только какие-то непонятные значки.

— На склад. Это вон там.

* * *

Они медленно — Йоло прыгал на одной ноге, Сашка опирался о стену, — пошли по туннелю, пока не добрались до перекрестка.

— Куда теперь — вправо или влево? — спросил Сашка.

Йоло задумался, вспоминая схему.

— Налево... наверное.

Миновав короткий незагороженный туннель, они вошли в обширное, ярко освещенное пространство. Мишка прищурился, не дожидаясь, когда глаза привыкнут к свету. В самом деле, какой-то склад или ангар, с высоким потолком, подпертым толстенными колоннами. Высоченные, почти до потолка, стальные стеллажи, забитые ящиками и контейнерами. Интересно, что...

Что-то противно зашуршало справа, — словно по полу заскребли метлой из проволоки. Ближе, ближе...

Мишка машинально поднял пистолет. Из-за стеллажа выползла толстая, с бедро, металлическая змея, подняла булавовидную голову с парой ярких желтых огоньков, опустила, поползла дальше...

Длинно выдохнув, Мишка опустил оружие. Заряда в батарее оставалось всего на два выстрела, — и тратить их попусту очень не хотелось...

— Что это? — спросил он.

— Какой-то ремонтный или инспекционный кибер, может, даже и не зараженный, — или не имеющий приказа с нами связываться, — ответил Йоло.

— А если бы имел? — нервно спросил Витька.

Йоло лишь пожал плечами.

— Судя по этому киберу, никаких *у`рар* тут нет, — наконец, сказал он.

— Ну и что делать будем? — спросил Сашка, когда все они сели у стены. Тут, глубоко под землей, царила мертвая тишина, лишь над головой еле слышно жужжали лампы.

— Тут терминал есть, — Йоло показал на ещё один пульт. — Сейчас посмотрим... — он попрыгал к нему, и довольно долго возился, нажимая на кнопки и делая ещё что-то непонятное. Потом помахал рукой, подзывая ребят. — Тут есть схема коммуникаций. Смотрите, — он нажал что-то на пульте.

На стене над ним загорелся экран, — и на нем появилась трехмерная схема, так сказать, окрестностей. Мишка поднялся и подошел ближе, рассматривая её. Внутри схемы мерцал алый пунктир, очевидно, обозначавший путь к станции, что радикально облегчило дело.

Как оказалось, этот склад окружала обширная система подземелий. Они, в свою очередь, выходили в овраг, а за ним, уже у самого края карты, стояло здание генератора. Путь казался недлинным, — всего километр или два, — но по прямой, а прямой дороги там не было.

— И что со всем этим делать? — спросил Витька.

— Надо генератор грохнуть — и чем быстрее, тем лучше, пока *у`рар* тут до нас не

добрались, — угрюмо сказал Сашка. — А раз у нас один Мишка цел — то ему и идти.

— Мне? — Мишка ошалело помотал головой. Нет, спасти друзей, конечно, здорово, — но что, если он с этим не справится?..

— Ну а кому ещё-то? Не Ленке же.

Аргумент был справедливый, и Мишка вздохнул. Ленка точно с таким вот не справилась бы, — да и позорно отправлять на опасное дело девчонку...

— Я-то не против — но не знаю, как дойду, и что там сделаю, — наконец, сказал он.

— Тут и схема станции есть, — бодро сказал Йоло. Раненая нога исключила его из числа кандидатов на поход — и он явно был очень этому рад. — А вот кодов управляющих нет, надо всё будет руками ломать. Или... — он замолчал, как-то странно глядя на Йанто. — Можно мне твои вещи посмотреть? Не все, а только те, которые ты по дороге собрал?

Йанто злобно взглянул на него. Идея ему явно не понравилась.

— Выкладывай, давай, — сказал Сашка. — Вдруг что-то пригодиться.

Йанто злобно взглянул и на него... но возражать всё же не стал, и выложил на пол две банки, гравелинзу, рабочий нож в ножнах, шестигранную белую коробку и снаряд.

— Вот, — сказал Йоло, показывая на него. — Ю-Пао сказала, что он имеет идемитный сердечник, и, значит, срабатывает, лишь попадая в силовое поле. В обычных условиях штука совершенно бесполезная, — но в силовом поле, например, хайзена способная в ключья разнести любую биохимию в радиусе примерно метров двух. Нечто вроде гранаты, причем, многоразовой, хотя я и не знаю, насколько хватит квант-процессора при таком, явно нештатном режиме. Но при встрече с тем же хайзеном польза от неё будет несомненной...

— Что это за хайзены? — спросил Мишка.

Йоло вздохнул.

— Это и есть сами *у'рар*. В смысле, настоящие. То, что мы видели — это просто трудовые дроны. А хайзены... вот.

Карту сменило изображение странного, похожего на медузу существа с массой светящихся, полупрозрачных трубок. Внутри у него виднелось несколько темных синеватых сфер.

— Вот, — сказал Йоло. — Они этим всем и управляют. Их защищает силовое поле, и обычные пули их не берут. А вот такой снаряд должен укладываться на месте. Интересно, где Йанто его взял — даже у зеннов такого оружия нет...

— В том мире, где та башня громадная стояла, — неохотно пояснил Йанто. — Там в лесу такая... машина, да? Разбитая машина лежала, наверное, летающая. Ну, выглядела она так, словно разбилась, упав откуда-то сверху. Сильно разбилась, вокруг всякие обломки лежали. Ну и эти вот... снаряды. Я таких вещей не видел, вот и взял один. Очень уж необычно, а я же люблю необычное... А банки эти у того солдата убитого взял, и коробку эту тоже. Они такие... ну, мне их просто в руках держать нравится. Потому и не выбросил.

— Уже что-то, — буркнул Мишка. — Тут есть ещё что-нибудь полезное?

— Это дилатонная плазменная граната для подствольника, как сказала Ю-Пао, — Йоло показал на банку покороче. — Тот же накопитель, только с детонатором. Мощность примерно такая же, как у одного килограмма обычной взрывчатки, а температура при вспышке — как на поверхности солнца.

— То есть, около шести тысяч градусов? — удивленно спросил Мишка.

— Ну да, что-то типа того. Это — даймерная граната для него же, — Йоло показал на вторую банку, с яркой этикеткой.

— Какая граната?

— Она создает сферу силового поля, поглощающего свет, оно держится примерно секунд тридцать, если верить Ю-Пао. А это, — он показал на шестигранную коробку, — пластикерамический контейнер с зарядами для импульсной винтовки.

— Какой?

— Она стреляет темной материей... сгустками дилатонного поля, если по научному. Ну, так Ю-Пао говорила. У них такие винтовки тоже есть.

Мишка осторожно взял эту белую коробку, небольшую, но неожиданно тяжелую. В ней оказалось девяносто тонких треугольных призм — тоже белых, с широкой черной полосой, похожих больше не на патроны, а на какие-то странные карандаши.

— Ну и что нам со всем этим делать? — уныло спросил он. — Импульсной винтовки у нас нет, — и вряд ли она здесь найдется, с подствольником или без.

Йоло почесал в затылке.

— Гравилинза, с её милой способностью превращать всё, что попадает в неё с тыльной стороны, в фарш, полезна даже сама по себе — хотя бы для приготовления котлет. Если же прижать её к возможному супостату, а потом сунуть в ту самую тыльную сторону импульсный заряд, — конечный результат будет не слишком отличаться от выстрела. Способ, ясное дело, не слишком удобный, — но зарядов в контейнере девяносто штук, и такое вот их применение явно полезнее прямого бросания их в цель. С даймерной гранатой этот фокус не пройдет, — результатом стал бы большой бум, после которого от тебя осталась бы только горстка пепла — но, если нам посчастливится найти стандартный армейский энергоинтерфейс, можно будет перегнать заряд в батарее пистолета, его там точно хватит на пару штук. Плазменная граната плюс гравилинза дают в итоге ещё больший бум-бум. Да и сама гравилинза — это массивное идемитное кольцо. Если бросить её в мощное защитное поле, например, реактора, конечный эффект будет измеряться уже в мегатоннах.

— Спасибо, — буркнул Мишка. — Это всё, конечно, здорово, — но я тоже жить хочу.

— Необязательно сразу же бросать, — сказал Сашка.

— А как? Робота с часовым механизмом собрать?

Сашка вдруг ухмыльнулся.

— Ну, видишь ли...

* * *

Ленка так и стояла, глядя на него, и Мишка, отвернувшись, вновь пошел вперед. Погрузочные ворота склада, конечно, оказались закрыты, но они ему и не были нужны. Дверь слева, — запертая, но снаружи. Нажав на кнопку, он разблокировал замок, шагнул... массивная стальная дверь сама закрылась за ними. Оставалось надеяться, что друзья дождутся их тут, — в этом самом складе наверняка дофига полезного...

Здесь была ещё одна рама с силовым полем — и, нажав кнопку на пульте, Мишка отключил его. Йанто включил поле, потом прошел прямо сквозь него, — предосторожность, быть может, и лишняя, но рисковать друзьями Мишке не хотелось. Да и, чего там, здорово, что Йанто хотя бы провожает его...

Мальчишка вздохнул и осмотрелся. Высокий, просторный туннель уходил далеко

вперед, упираясь в очередные ворота, очевидно, ведущие наружу. Они молча пошли к ним, — и, метров через триста, остановились у вделанной в стену небольшой стальной дверцы.

— Мне туда, — отперев её, уныло сказал Мишка. Правду говоря, если бы Йанто пошел вместо него, он вздохнул бы с громадным облегчением... но увы — даже медицинский нанотех зеннов вылечит того только дня через три, а ждать столько они просто не могли...

— Я буду тебя ждать, — сказал Йанто. — Сколько нужно.

— Спасибо, — буркнул Мишка, — и, не прощаясь, нырнул в дверь. Здесь был коммуникационный туннель — низкий, с идущими по стенам кабелями, пыльный и длинный. Мишка дошел до поворота, полез вверх по вертикальной лестнице, — это Йанто с его раненой рукой точно не смог бы, не говоря уже о том, что предстояло сделать дальше...

Люк наверху тоже оказался заперт, но мальчишка повернул рукоятку, и с трудом отвалил его, упершись загривком. Осторожно выглянул в новый коридор, — сводчатый, залитый прозрачным белым светом. Выбрался в него, осмотрелся, пошел вправо...

На схеме путь к генератору казался несложным, — но Мишка всё равно нервничал. Подготовка к походу заняла совсем немало времени, — и в любой миг он даже здесь мог наткнуться на засаду. Оставалось лишь надеяться на то, что у *rap* не поняли их плана, слишком уж невероятным он казался...

Задумавшись, он чуть не пропустил нужную дверь. Она, к счастью, открылась легко, — а за ней наверх несколькими длинными пролетами шла лестница. Вздохнув, Мишка пошел по ней. На душе у него скребли кошки, но как раз не потому, что он боялся умереть. Если он потерпит неудачу, — умрут и все остальные, и вот это действительно его пугало.

Он недовольно мотнул головой и пошел дальше. Пролет, ещё пролет...

Лестница упиралась в бронированную дверь, но перед ней сам коридор поворачивал направо и делал П-образный изгиб, огибая что-то вроде построенного под землей бункера. За дверью в стене зияла узкая ступенчатая амбразура, смотревшая на выход. Его перекрывала очередная рама с силовым полем, — к счастью, отключавшимся изнутри небольшим пультом. А вот и дверь наружу, — противовзрывная, литая, выгнутая наружу. Без штурвала или рычагов.

Он пошарил взглядом по стенам, нашел второй маленький пульт. Ага, похоже, что эта вот кнопка...

Кнопка приглушенно щелкнула, дверь с натужным гудением мотора отвалила наружу. В неё потоком хлынул бледный дневной свет.

Мишка, щурясь, смотрел на него, потом всё же выглянул наружу. Он не заблудился, — тут и в самом деле был овраг, под бетонной площадкой у двери шумел бурный ручей. Мальчишка поискал глазами мостик, потом решительно шагнул вперед... опомнившись, шарахнулся назад, достал из рюкзака прихваченный ещё на складе небольшой серебристый контейнер, и подпер им дверь. Оставалось надеяться, что никто не уберет его, — изжариться при взрыве не хотелось...

Он вышел наружу, осмотрелся, потом перемахнул через перила и по глинистому склону сполз в воду, неожиданно холодную. Сжав зубы, он в несколько шагов пересек ручей, выбрался на низкий берег. Впереди стеной стояли кусты.

Мишка продрался через них, уперся в крутой склон, на четвереньках, то и дело оскользясь, полез вверх, сунув пистолет за пояс. Тяжеленный рюкзак страшно мешал, но бросить его он не мог: без него вся его затея теряла смысл.

Наконец, он выбрался наверх и осмотрелся. За оврагом тянулась забитая брошенными машинами улица, за ней угрюмо темнели многоэтажные дома. Там, к счастью, ничего не двигалось, но, всё равно, Мишку передернуло: ему казалось, что за ним наблюдают. Он вздохнул и обернулся. Пологий, заросший редколесьем склон, за ним блестела серебристая коробка станции. Точно такая же, как на схеме, и сердце у него ёкнуло. Похоже, что без акробатики не обойтись, но выбора у него не оставалось: если он не разобьется, у *rар* всё равно прикончат его позже. Он решительно ничего не терял в любом случае, — и, невольно передернув плечами, пошел вверх по склону.

* * *

Поначалу идти оказалось трудновато, но склон быстро выровнялся. Мишка зашагал бодрее, но тишина его по-прежнему тревожила: ни птиц, ни какой-то мелкой живности, ни даже насекомых. Из звуков — лишь тихий шелест листвы. Погода стояла прекрасная, — тучи ушли, сбившись в тяжелую кучу на западе, в чистом небе висели лишь перистые облака, — и Мишка вновь помотал головой. Ему показалось, что за ним опять следят, но почти тут же ощущение исчезло. Отвернулись? Или нет? Ладно, всё равно неважно...

Он пошел дальше. Растительность вокруг смотрелась как-то странно, — немного похоже на картинки лесов каменноугольной эры, — и мальчишке казалось, что из зарослей вот-вот выйдет динозавр. Чушь, конечно, — никаких динозавров тут не было, — но местность вокруг оказалась неровная, и в неглубоких лощинах могло спрятаться, в принципе, буквально что угодно. Пока у *rар* вокруг не видно, — но это пока...

Всё время крутя головой, как заведенный, Мишка сам не заметил, как добрался до станции. Её окружал двухметровый сетчатый забор, но ворота в нем были снесены, словно в них въехала машина. За ними зеленели нетронутые заросли, — похоже, у *rар* давно тут не бывали...

Продравшись через них, Мишка задрал голову и посмотрел вверх. Черт его знает, почему, но стена станции состояла из метровой, примерно, высоты листов нержавеющей стали, отклоненных наружу под углом градусов в десять, так что получалось нечто вроде громадных перевернутых жалюзи. Щели между ними, правда, тоже оказались заварены, но края вертикальных листов торчали сантиметров на пять и, в принципе, он вполне мог залезть наверх по этой своеобразной лестнице. Благо, что высота тут оказалась не очень-то большой, — где-то этажа четыре. Куда проще, конечно, было просто зайти через дверь, — но найти код к ней Йоло так и не смог, как ни старался...

Вздохнув, он поднялся на бетонный выступ фундамента, взялся за край, примериваясь, потом уцепился за край второго снизу листа, задрал ногу, уперся в край первого снизу, подтянулся...

Во второй раз процедура оказалась сложнее, — ему приходилось опираться уже не на удобную бетонную плоскость, а на скошенную кромку шириной в полсантиметра. К счастью, нарочно надетые на этот случай Сашкины ботинки с рифлеными подошвами держались на ней крепко, а найденные на том же складе перчатки с толстыми накладками надежно защищали пальцы. Мишка вновь выбросил вверх руку, потом вторую, подтянулся...

В этот раз пальцы чуть не соскользнули, и он тихо зашипел от злости. Но, как ни смешно, именно злость придала ему сил, и он полез по стене, стараясь покончить с этим

побыстрее, и не думать о зияющей за спиной пустоте. Раз-два-три-четыре... раз-два-три-четыре...

Мишка старался не смотреть по сторонам, и ему сразу же начало казаться, что он ползет по этой чертовой стене уже целую вечность. Тут он, однако, добрался до крыши, — тут наклонный край листа выступал в пустоту сантиметров на двадцать. Он взглянул на него снизу вверх, вздохнул и невольно поджал живот, стараясь справиться со страхом. На словах всё это казалось очень простым, но на деле...

Неожиданно даже для себя он рывком задрал ногу, зацепился за последний выступ, — и выбросил тело вверх. Ладони резко ударили в металл, подбросив его ещё выше... он нагнулся вперед, одновременно падая на бок... грохнулся на самый край, наполовину над пустотой... судорожно крутанулся, словно падающая на лапы кошка... ещё раз... и ещё... и замер, раскинув руки и глядя на бесконечно высокую вязь перистых облаков. Он всё же сделал это... правда, слезть таким вот путем он уже не смог бы, и теперь оставалось лишь довести всё дело до конца.

Мишка вновь вздохнул. Сердце билось уже где-то у горла, и он полежал ещё пару минут, успокаиваясь. Всё же, крутиться нагишом перед зеркалом, любясь собой и воображая себе бог весть какие подвиги, — это одно, а реально рисковать головой или жизнью друзей, — совершенно другое...

Ещё раз вздохнув, он встал и осмотрелся. Как и ожидалось, крыша — два пологих ската — оказалась идеально гладкой. Никаких тебе люков или вентиляционных труб... но он, к счастью, и не рассчитывал на них.

Мишка поднялся к коньку, постоял ещё минуту, осматриваясь, потом, поняв, что просто тянет время, подошел к торцу крыши. Здесь он лег на живот и, держась за край листа, осторожно заглянул вниз.

Торцевая стена, как и крыша, была идеально гладкой и отвесной. Однако в ней, как раз под крышей, зиял пустой проем окна, и оттуда волнами поднимался горячий, пахнущий озоном воздух. Край крыши выступал над ним сантиметров на двадцать, — и именно на этом строился план Йоло. Сейчас, правда, он казался Мишке бредоватым... только вот отступить было уже некуда. Разве что тупо сигануть вниз.

Медленно, словно во сне, Мишка стащил перчатки и сунул их в наплечную сумку, — ещё не хватало, чтобы пальцы соскользнули в самый ответственный момент!..

Не давая себе задуматься, он развернулся боком и свесил ногу в пустоту. Теперь...

Наверное, он так никогда и не решился бы, но всё произошло уже против его воли, — тело соскользнуло, пальцы судорожно вцепились в край крыши, бросив его к стене... тут же сорвались...

Мишка без малейшего участия рассудка поджал ноги... и со всего размаху грохнулся на задницу. В глазах потемнело от боли, несколько секунд он плавал в полуобмороке, оглушенный ударом... потом вокруг понемногу посветлело. Он сидел на решетчатой галерее, идущей вдоль торцевой стены здания. Большую его часть занимали двенадцать квадратных колонн генераторов, поднимавшихся к крыше, между двумя их группами, в самой середине, стоял куб реактора. Вот, собственно, и всё. Закрепленные на стенах лампы заливали зал ярким бело-зеленым светом, сухой, жаркий воздух окутал Мишку, словно одеялом. Морщась от боли, он поднялся на ноги, и по узкой лесенке полез вниз.

Это оказалось едва ли не сложнее, чем взбираться наверх по стене, — пострадал не только зад, Мишка ещё приложился и копчиком, причем, довольно основательно. Правда,

ему всё равно чертовски повезло, — сейчас он и сам не понимал, как решился на подобную глупость. Но, так или иначе, он здесь, — и, значит, должен довести дело до конца...

Спустившись, он сел у основания лестницы, пережидая новый приступ слабости. Здесь оказалось прохладно, через прикрытые открытым с торцов коробом решетчатые двери ровным потоком втекал свежий воздух. Ещё с минуту Мишка бездумно дышал им, потом всё же поднялся, подошел к реактору — и замер, глядя на пульт управления. Конечно, никаких тебе аварийных выключателей или ещё какой подобной глупости, — без кодов тут в самом деле ничего не сделаешь. Ладно, он и не рассчитывал на это...

Прихрамывая, он обошел реактор. От верхней грани трехметрового куба к генераторам тянулись толстенные кабели. Туда же вела очередная лесенка, и Мишка взобрался по ней. Как и на схеме, доступ к ядру закрывала массивная литая крышка, притянутая болтами. К счастью, прихваченный им со склада гаечный ключ оказался как раз нужного размера. Болты, правда, оказались затянuty намертво, так что отвернув один, Мишка взмок, словно мышь. К тому же, вокруг крышки зияли решетчатые люки системы охлаждения, из которых вырывались мощные потоки раскаленного воздуха.

Вздыхнув, Мишка стащил через голову футболку и принялся за второй болт. В такой адовой жаре он с наслаждением сбросил бы с себя вообще всё, но сама крышка реактора тоже оказалась горячей, так что он крутился, словно уж на сковородке, — а уж о том, чтобы разуться или хотя бы снять джинсы, не могло быть и речи. Обливаясь потом, он налегал на ключ, изо всех сил сражаясь с жутко тугими болтами. Их тут оказалось тридцать два, — так что, когда дело дошло до конца, Мишка едва соображал, где он, и что с ним. Босой и полуголый Йанто тут просто поджарился бы...

Кое-как спустившись на пол, он растянулся на холодном бетоне, с наслаждением чувствуя, как остывают его волосы и кожа. Мучительно хотелось пить, — но взять с собой воды он не догадался, и сейчас ругал себя за глупость.

Тем не менее, дело нужно было довести до конца. Поднять двухтонную крышку руками он никогда не смог бы, — но это, к счастью, и не требовалось. Как раз на этот случай тут имелся мостовой кран — и, вновь вскарабкавшись наверх, Мишка застропил и снял крышку. Из-под неё вырвался мощный поток света, — но заглядывать туда он, естественно, не стал. Не напрямую, — он запасся прикрепленным к палке зеркальцем Ленки. На знакомые ему атомные реакторы это совсем не походило, — несколько углублявшихся к центру колец, между которых пылало желтовато-зеленое сияние. Силовое поле должно было сдерживать радиацию надежнее метрового свинца, — но дозиметра у Мишки не было, и проверить это он, к сожалению, не мог.

Вздыхнув, он вытащил из сумки то, ради чего проделал всё это — гравилинзу. Если бросить её в активное ядро, эффект, как говорил Йоло, будет считаться в мегатоннах. Вот только бросать её туда он не стал, — жить ему всё-таки хотелось. Придуманная Сашкой конструкция была чрезвычайно примитивна, — легкая раздвижная трубка и шнур с привязанной к нему линзой. Конец шнура свисал свободно и, чиркнув зажигалкой, Мишка поджег его. Тут же дунул, сбивая пламя, — но шнур не погас, а начал тлеть, выпуская струйку дыма. В конце концов, он дотлеет до узла, — и линза упадет в реактор.

Опытным путем Сашка выяснил, что тлеть он будет примерно минут двадцать. Взять более длинный отрезок Мишка не смог бы, — он всё равно сгорел бы в реакторе, — да и этого времени, в принципе, должно было хватить.

Раздвинув трубку, он быстро уложил её поперек жерла реактора, с помощью зеркала

проверил, правильно ли свисает гравелинза, — точно над центром ядра, — потом стремительно спустился вниз. Сейчас ему оставалось лишь как можно быстрее добраться до подземелья, — на что, по прикидкам Йоло, уйдет всего минут десять или двенадцать.

Быстро миновав зал, он замер у массивной решетчатой двери. Пока он тут возился, погода испортилась. Небо опять затянули тяжелые тучи, дождь пошел уже, как из ведра. Ладно, это, как раз, ему на руку — больше шансов вернуться незамеченным... надо только выбраться наружу.

Открыть кодовый замок он не смог бы, да и делать это не стоило, — взломай он дверь, у *rar* смогли бы попасть в здание и предотвратить взрыв, лишив их единственного шанса. Вздохнув, мальчишка поднялся на галерею. Он не смог бы подняться сюда по веревке, — кошки на складе, к сожалению, не нашлось, — но спуститься оказалось нетрудно.

Мишка достал из сумки найденный на складе моток. Аккуратно отмотав половину, он перехлестнул веревку через ограждение, после чего просто выбросил оба конца в окно. Спуск по ней тоже был делом довольно рискованным. К его счастью, спуск по канату он всё же на физкультуре осваивал, и более-менее плавно заскользил вниз.

Смотав веревку, Мишка осмотрелся, потом попытался побежать... но боль в отбитой заднице тут же остановила его. Нет, он и не рассчитывал бежать, но всё же...

На секунду у него мелькнула мысль вернуться и выбросить к чертям самодельную бомбу... но это было уже невозможно, и Мишка, поморщившись, быстро зашагал прочь.

* * *

Едва здание реактора скрылось из вида, в голову пробралось опасение совсем другого рода: что, если у *rar* заметили его, догадались, в чем дело, и теперь спешат сюда, чтобы предотвратить взрыв?..

Он даже дернулся назад, чтобы посмотреть, что творится там, у станции, — но это был бы уже самый верх идиотизма, так что в итоге на всё это пришлось махнуть рукой. Тут ему или повезет... или нет, и с этим уже ничего не поделать.

Ещё раз вздохнув, он пошел так быстро, как только мог. Отбитый зад болел, копчик тоже, ноги скользили по мокрой траве, — так что особенно быстро идти не получалось.

Волосы быстро намокли, футболка тоже, и противно липла к телу. Мишка стащил её и поёжился, — но даже без неё оказалось не так холодно, как в промокшей насквозь. Голую спину, однако, словно жгло тем, пробившимся из будущего пламенем, и, сжав зубы, мальчишка захромал быстрее. И вдруг замер, словно налетев на стену.

Хайзены стояли перед ним в ряд и, безглазые, смотрели на него. Не серебристые светящиеся медузы, которых ему показывал Йоло, а какие-то шестиногие, похожие на перевернутые цветы штуки, словно отлитые из темного стекла. Лишь наверху, на плоской, окруженной изогнутыми щитками площадке, виднелось что-то, похожее на позвоночник, словно бы тоже отлитый из синеватого, мутного стекла. Его отростки входили в отверстия в «цветке», смутно просвечивая через них, и кончались мутными синими огнями. Сам «позвоночник» тоже слабо тлел призрачным, обманным светом, с трудом различимым даже в хмуром свете дня.

Высотой эти штуки были метра в полтора, и совсем не казались страшными, — скорее, совершенно нереальными. У них не было никаких когтей, рогов, зубов, вообще ничего, что

бы казалось опасным, — лишь какие-то полупрозрачные, слабо светившиеся на концах отростки, похожие не то на корни, не то на какие-то щупальца. Они слабо, неравномерно двигались, словно ощупывая воздух, но это и всё. Сами хайзены совсем не двигались, застыв, как огромные стеклянные статуэтки. Тем не менее, они, несомненно, ожидали его.

В других обстоятельствах Мишка, наверное, попробовал бы как-то вступить с ними в контакт, — но теперь у него совсем не осталось времени. Он вскинул пистолет... и тут же заметил, что дождь вокруг хайзенов стекает призрачным, едва заметным куполом. Чуть раньше он решил бы, что ему просто кажется... но почти тут же вспомнил, что Йоло говорил о силовом поле. Пистолет тут точно не помог бы... но у него было кое-что другое.

Сунув пистолет в кобуру, он достал из кармана заранее приготовленный именно на этот вот случай снаряд, — и бросил его в среднего хайзена. Снаряд полетел, словно камень, лениво кувыркаясь в воздухе, и Мишка даже испугался, что он не долетит... но где-то в полуметре от земли снаряд ударился о призрачный купол поля, словно об штору, — он не отскочил, а словно на миг застрял в воздухе. И...

Мишку вдруг словно ударило током, — всё тело пробила резкая, тут же, к счастью, угасшая боль. Он вскрикнул, невольно дернувшись от неё, и едва не упал. Хайзены же вдруг ярко вспыхнули, словно внутри у них зажгли свет, — и погасли, как перегоревшие лампочки. Слабо шевелившиеся усы мягко опустились на траву и замерли.

Мишка сглотнул, ошалело глядя на них. Всё произошедшее показалось ему нереальным, как во сне. Он машинально оглянулся, — к счастью, вокруг никого не было, — потом снова посмотрел на хайзенов. Снаряд лежал перед ними. На вид он совсем не пострадал, — и Мишка шагнул вперед, чтобы подобрать его. И тут же заметил слабое свечение двух крайних хайзенов.

Он замер, пытаясь понять, не кажется ли ему это... но они тут же ожили и двинулись к нему. Средний хайзен остался неподвижен, — наверное, он и в самом деле был мертв.

Мальчишка растерялся... но, к счастью, только на мгновение. Выхватив из сумки плазменную гранату, он буквально повалился вперед, изо всей силы ударив её донцем о землю, — Йоло говорил, что это должно взвести взрыватель, — и швырнул её в хайзенов, повалившись ничком и закрыв руками голову. Он едва успел открыть рот... и его тут же словно ударило доской. Голые плечи обожгло, словно на них плеснули горячей водой, по ушам тоже ударило, — резко и больно. Лишь через несколько секунд, опомнившись, мальчишка поднял голову.

Перед ним, всего метрах в десяти, дымилась небольшая воронка. Хайзенов снесло, — все три их «цветка» лежали вверх ластообразными отростками, словно издохшие жуки. У левого оторвало два «ласта», два других казались целыми, но пока не шевелились. К его счастью, их силовое поле так и не успело включиться перед взрывом.

Подтянув ноги, Мишка встал на четвереньки, и помотал головой, — в ушах оглушительно звенело. Кожа на руках горела, и резко покраснела, словно он перележал на солнце. Йоло говорил, что плазменная граната и есть такое карманное «солнце», — температура в эпицентре её взрыва достигала шести тысяч градусов, и термический удар был чуть ли не главным поражающим фактором. Глядя на дымящуюся, спекшуюся, как кирпич, землю в воронке Мишка вполне мог в это поверить. Но в этом плане ему всё же повезло: будь граната обычной, на столь малом расстоянии его вполне могло достать осколками.

Вновь помотав головой, он поднялся на ноги и осмотрелся. Тут же сердце у него ёкнуло: там, где он только что прошел, заросли резко колыхались, — сквозь них кто-то яростно

ломился. Место вокруг оказалось, к сожалению, открытое, бежать было явно поздновато, так что Мишка достал пистолет и прицелился, опустившись на колено.

Как оказалось, не напрасно, — из кустов выбралась сине-серая фигура, похожая на человека, но слишком угловатая. Поверхность её блестела под дождем, — не как кожа, а как какая-то пластмасса. Голова её казалась вполне человеческой, — но вот лицо напоминало морду жука, без узнаваемого рта или глаз. В руках эта тварь держала какую-то длинную прямоугольную штуковину, — откуда-то из-за спины к ней тянулась пулеметная лента. *Урар* держал её стволом вниз, и только это спасло Мишку, — он успел прицелиться и нажать на спуск всего мгновением раньше. К счастью, в этот раз он попал, — откуда-то из загрипка машины брызнул фонтан белых, раскаленных искр, и она тут же повалилась назад, словно срубленное дерево. Но кусты за ней колыхались сразу в нескольких местах, — на поле боя спешило подкрепление, — и Мишка, повернувшись, всё же бросился бежать.

* * *

Убежал он совсем недалеко, — всего метров через сто споткнулся и скатился в какую-то ложбину. Это падение его и спасло, потому что всего миг спустя воздух над ним распорол пулеметная очередь.

Извернувшись, как кошка, Мишка перекатился на живот и, приподнявшись, выглянул из ложбины. *Урар* был всего метрах в тридцати, — он быстро шел к нему, на сей раз, держа пулемет наготове, и Мишка едва успел опрокинуться назад, когда машина выстрелила. Пули взорвали край ложбины, и его осыпало землей. Вновь высунуться из неё и прицелиться он уже точно не успел бы.

Растеряться он, к счастью, просто не успел, и действовал инстинктивно, совершенно бездумно. Вытащив из рюкзака шестигранную коробку с зарядами, Мишка швырнул её в сторону машины, чтобы отвлечь её, но выстрелить всё же не успел, — воздух снова распорол очередь, а всего миг спустя раздался взрыв. Мир на миг стал белым, а потом Мишку толкнуло волной нагретого воздуха. Высунувшись из ложбины, он не увидел машины, — должно быть, *у`рар* расстрелял коробку в воздухе, но уже, видимо, так близко, что его снесло ударной волной.

Разглядывать, что с ним, Мишка, разумеется, не стал. Кое-как поднявшись, он захромал к уже близкому оврагу. Тут же сзади опять затрещали пулеметы. В этот раз стреляли издали, но уже из нескольких стволов, что ему очень не понравилось. Вокруг вновь завывали пули, и мальчишка плюхнулся на землю. Подняться он уже не мог, — его просто изрешетили бы, — и на какой-то миг даже растерялся. Потом, опомнившись, достал из сумки даймерную гранату, и, изо всей силы стукнув её об землю, швырнул в сторону стрелявших.

На какое-то мгновение ему показалось, что она не сработала, и он, соответственно, погиб, — но тут, совершенно беззвучно, перед ним возникла бархатистая сфера абсолютной тьмы диаметром добрых метров тридцать. Смотрелось это жутковато, так что он вскочил раньше, чем успел это осознать. Но *у`рар* эта сфера, очевидно, тоже ошарашила, — по крайней мере, стрельба с их стороны прекратилась.

Мишка, как мог быстро, захромал к оврагу. Он понятия не имел, сколько энергии осталось в батарее, черт знает сколько пролежавшей в ранце Йанто, и сколько продержится поле. К счастью, склон тут уже шел вниз, и это сильно облегчало дело. Но ощущение всё

равно было противное, — каждое мгновение мальчишка ждал, что вокруг вновь засвистят пули.

Овраг открылся неожиданно. Разогнавшись на склоне, Мишка не успел остановиться. споткнулся, — и кубарем полетел вниз, врезавшись в кусты.

Несколько секунд он лежал неподвижно, полностью потеряв ориентацию, задыхаясь от боли, потом кое-как встал на четвереньки и, как мог быстро, пополз вперед. Эти несколько метров показались ему невероятно длинными, — но, в конце концов, перекатившись через голову, он плюхнулся в воду. Ледяную — это сразу привело его в себя.

Судорожно вскочив на ноги, Мишка осмотрелся. К счастью, дверь была справа, всего в нескольких метрах, и он, как мог быстро, пошел к ней. Но склон в этом месте оказался слишком крутым, — едва попытавшись взобраться по нему, он сполз обратно в воду.

Зарывав от ярости, мальчишка сбросил бесполезный уже рюкзак, и буквально прыгнул на обрыв. В этот раз ему удалось схватиться за перила. Сжав зубы, Мишка кое-как подтянулся и перевалился через них. Подпертая ящиком дверь, к счастью, так и осталась открытой.

Выдохнув, он протиснулся в щель, и попытался ногой выбить ящик — но тот, очевидно, заклинило. Выругавшись, Мишка нажал кнопку. Тяжеленная дверь с гудением поползла наружу. Мальчишка с облегчением пнул ящик... и тут же сверху опять раздалась очередь. К его счастью, стреляли наугад, и пули прошли по кустам, срубая ветки и поднимая фонтанчики в ручье.

Отшатнувшись назад, Мишка вновь нажал кнопку, но дверь всё равно продолжала открываться, — очевидно, управляющий ей механизм продолжал исполнять уже утратившую всякий смысл команду.

Вновь выругавшись, Мишка шарахнулся в туннель. Тут же сверху ударила вторая очередь, на сей раз, намного более точная. Пули прошли по площадке, несколько штук, срикошетив, пронеслись совсем рядом с ним. Мишка отчаянно рванул назад... и, споткнувшись об раму для поля, растянулся во весь рост. На сей раз, он ударился спиной, и, не удержавшись, заорал от ослепительной боли. Потом кое-как перекатился на живот, и, развернувшись, выглянул в проем. Над краем площадки показались голова и плечи робота, — и Мишка, вскинув пистолет, выстрелил в него. К счастью, попал. Брызнули осколки пластика, робот исчез.

Мишка попытался подняться, — но тут в проеме показался робот значительно большего размера. Массивная, как стол, туша, увенчанная узкой, похожей на топор головой. Рядом с ней торчало что-то вроде толстеного, закрытого заглушкой шланга, — а над всем этим громоздился четырехствольный пулемет. Схваченные муфтами стволы уставились на него, начав раскручиваться с неожиданно мелодичным журчанием. Мишка опять нажал на спуск... но пистолет лишь коротко пискнул, — энергия в батарее кончилась.

Сердце у него едва не разорвалось, когда раздалась очередь. Из амбразуры над головой вырвался мощный сноп бело-желтого огня. На синевато-серых пластинах у *rap*, беззвучно за оглушительным ревом, начали возникать дырки, узкая голова брызнула осколками, из пробитого шланга вырвалась мощная струя какого-то пара, — и робот исчез.

Кашляя и задыхаясь в пороховом дыму, Мишка, наконец, поднялся на ноги. Сердце бухало где-то у горла, картинка в глазах как-то дико пульсировала, временами почти исчезая во внезапных волнах тьмы. Будь он старше всего лет на десять, он бы, наверное, просто умер на месте.

Почти не осознавая себя, словно во сне, мальчишка пошел к двери. Реактор на генераторной станции должен был взорваться прямо вот сейчас, а убраться в глубину подземелья Мишка уже не успевал. К его счастью, в проеме больше никто не появился, и, опершись рукой об стену, он нажал спасительную кнопку. Мотор загудел, толстенная выгнутая створка поползла назад. Тут же по площадке вновь хлестнула очередь. Мишка торопливо шархнул назад в звоне и свисте пуль, отлетающих от двери. Несколько шпук опять влетели внутрь, раскрошив бетон там, где он только что стоял.

Мальчишка отступил за раму и, опершись ладонью об пульт, включил поле. Вовремя, — в узкой щели между стальной рамой и дверью задрожал белый огонь, и по полю пошла рябь, как по луже от дождя. Мишка, не двигаясь, ошалело смотрел на неё, пока дверь, наконец, не закрылась.

Облегченно выдохнув, он осел на пол... но тот, словно ожив, вдруг резко ударил его снизу. Мальчишка взлетел вверх, потом куда-то провалился, — и не упал только потому, что оперся ладонями об стену. Свет мигнул, но тут же снова загорелся. Что-то мощно и глухо ударило в склон. Через несколько секунд сверху донесся нарастающий гул, — рушились сметенные ударной волной здания, и Мишка понял, что его сумасшедшая затея всё-таки удалась.

* * *

Вздохнув, он сел у облупившейся стены, — и тут же ошалело вскочил, когда по полу застучали чьи-то ноги. Людей здесь быть просто не могло, и он замер, как вкопанный, глядя на Ленку. Она буквально налетела на него, едва не сбив с ног, и Мишка охнул, невольно обнимая её. В голове у него помутилось, — живая девчонка в объятиях оглушила сильнее, чем разорвавшийся поблизости снаряд. Он изо всей силы сжал её, — и отпустил лишь когда Ленка придушенно запищала. Вывернувшись из объятий, она закружилась вокруг, рассматривая и ощупывая все пострадавшие места, и Мишка покраснел: он совсем смутился от такого напора.

— Живой, — констатировала Ленка, и тут же полезла в прихваченную с собой аптечку. Вытащив из неё какой-то баллон, она начала пшикать на все ссадины чем-то, что застывало гладкой серебристой пленкой, и Мишка заорал не своим голосом: щипалась эта дрянь невыносимо.

— Потерпи, — строго потребовала Ленка, и мальчишка со вздохом подчинился: показаться перед ней трусом ему совершенно не хотелось.

Наконец, Ленка выдохлась и отступила, с сомнением глядя на него. Мишка тоже покосился на себя и поёжился: высыхая, серебристая пленка стягивала кожу, к тому же, ссадины под ней невыносимо чесались. Да и смотрелось всё это очень странно, — словно его заляпали краской-серебрянкой.

— Пошли отсюда, — наконец, предложил он, покосившись на дверь, — его голая спина уже ощущала исходившее от неё тепло, а сквозь толщу земли и бетона сюда пробивался слабый глухой гул, очень похожий на гул огромного пожара. Мишка боялся представить, что сейчас творится всего в нескольких метрах, снаружи, — огонь, раскаленные вихри, ад, всё горит и плавится, исчезая без остатка...

— У тебя... получилось? — спросила Ленка.

Мишка усмехнулся.

— Да. Пошли.

* * *

По длинной лестнице они спустились в коридор, и Мишка тщательно запер ведущую наверх дверь. Гул пожара сюда уже не доносился, но рисковать всё равно не хотелось. Не то, чтобы он боялся, что внешняя дверь расплавится, и сюда потечет раскаленная лава, — но мало ли что...

— Что ты здесь делаешь? — спросил он Ленку. — Тут опасно.

— Тебя, дурака, ищу! — фыркнула она, и быстро пошла вперед. Мишка вздохнул. Ленка ему нравилась, но вот понять её порой никак не получалось.

У ведущего вниз люка она, впрочем, остановилась, поджидая его, — и тут же нырнула вниз, едва Мишка подошел. Вздохнув, он последовал за ней, задержавшись лишь затем, чтобы опустить тяжеленную крышку. Она захлопнулась со звоном, едва не проломив ему голову, и Ленка испуганно взвизгнула. Мишка невольно хихикнул, потом повернул запорный рычаг, и последовал за ней. Миновав тесный коридор с кабелями, они выбрались в туннель. Здесь его поджидал Йанто... а также Сашка с Витькой. Мишка ошалело крутанул головой, — но Йоло нигде видно не было.

— Черт, справился всё же, — сказал Сашка, схватив его за руку. Выглядел он получше, чем в прошлый раз, но всё равно неважно. Тем не менее, он всё же как-то добрался сюда, и Мишка от этого смутился. Он много думал о том, каково это — быть героем. Оказалось — как-то... неловко, словно он украдкой, в пустом зале, напялил чужую медаль и залез на первое место чемпиона.

— Да ну, ничего такого сложного, — буркнул, наконец, он. — Подуаешь, сходил, вернулся...

— Ага, то-то на тебе живого места нет, — сказал Витька.

— Я в овраг скатился, — буркнул Мишка. Говорить о том, что он скатился туда, спасаясь от у`рап, он всё-таки не стал.

— А вещи мои где? — наконец, спросил Йанто.

— Я их того... использовал, — неохотно сказал Мишка. — Только потому и жив остался.

— Как это «использовал»?

— Как Йоло сказал, так и использовал, — буркнул Мишка. — Всё сработало, как он и говорил, и даже лучше. А тебе что — жалко?

Йанто вздохнул.

— Жалко. Но, выходит, я для того их и таскал, чтобы они тебегодились. Что ж поделаться...

— Йоло где? — слушать сожаления Йанто Мишке не очень-то хотелось — сам-то он хорошо понимал, что уцелел не столько с помощью необычного оружия, сколько по какой-то неслыханной, невероятной удаче.

— У терминала сидит, — ответил Сашка. — Пытается разобраться, что тут вообще есть. Тут, похоже, что-то вроде нашего госрезерва, — еда какая-то хранится, и ещё дофига чего-то непонятного.

— А, пошли тогда, — правду говоря, больше всего Мишке сейчас хотелось хорошенько помыться и завалиться спать, да и поесть тоже бы не помешало, — но любопытство, как обычно, одолело.

Заперев дверь, они неспешно побрели обратно по туннелю. Тот почти не пострадал от взрыва, — разве что несколько ламп сорвались-таки с креплений и теперь болтались в воздухе, продолжая, тем не менее, светить, — и, войдя в обширный зал склада, Мишка удивленно приоткрыл рот. Большая часть коробок и контейнеров обвалилась с полок, и теперь сплошным слоем покрывала пол. Пробираться через эти завалы было бы крайне затруднительно, так что всё это пришлось обходить. К счастью, вдоль внешней стены шел достаточно широкий проход или проезд, очевидно, предназначенный для электрокаров или на чем тут возили барахло...

— Ничего себе, — только и смог сказать Мишка.

— Угу, — Сашка вздохнул. — Хорошо хоть, никого не прибило, — а ведь вполне могло. Когда рвануло, оно всё прямо в воздух взлетело, а потом как посыпалось!.. Мы чуть не оглохли. Хорошо хоть, тут никакой взрывчатки не нашлось или колб с какой-то ядовитой дрянью, а то бы нам сразу хана.

Наконец, Мишка увидел Йоло. Тот явно пребывал в привычной среде, — сидел в легком кресле перед пультом, глядя куда-то в синеватую муть экрана. Руки его лежали на кнопках и каких-то других непонятных штуковинах, время от времени спазматически подергиваясь — по крайней мере, так это смотрелось со стороны. Довольно неприятно смотрелось, на самом-то деле.

— Ну, что там? — остановившись у него за спиной, спросил Мишка.

— А? — Йоло испуганно дернулся и обернулся, глядя на него. — Ты вернулся уже? — с искренним удивлением спросил он.

— Угу, — буркнул Мишка. — А ты как тут?

— Вот, смотрю... — Йоло потер ладонями лицо. — Тут до Падения склад оборудования был, — а во время него сюда чего только не тащили. Списки неполные, конечно, — но, судя по тому, что внесено, тут нанофабрикаторы есть, медицинское оборудование разное, офисное... и самоликвидаторы.

— Какие самоликвидаторы? — спросил Сашка.

Йоло вздохнул. Было видно, что то, что он хочет сказать, ему самому категорически не нравится.

— Четыре термоядерных заряда, по двести килотонн каждый. Стоят прямо тут, в углах зала. Подключены к системе безопасности — если кто сюда вломится, сразу взрыв. И предупреждение висит, что лезть не надо. Как раз поэтому сюда *у`rar* и не забрались, кстати. Если бы тут рвануло — генератор связующего поля тоже снесло бы, а им это точно не по кайфу.

— Ох ты ё... — выдохнул Сашка. — Отключить можно?

Йоло хмуро взглянул на него.

— Нельзя. То есть, можно, конечно, — но с кодами. Которые сейчас только беглецы с Дорина и знают, а они сейчас...

— Понятно, далеко, — закончил Мишка. — Вот же гадство... Что делать-то будем?

— Что, что... — буркнул Сашка. — Смотреть пошли...

Раньше Мишка не особенно думал о том, как выглядит атомная бомба. Черная пузатая штуковина, которой, как дубиной, размахивал карикатурный Дядя Сэм, — вот и всё, что приходило ему в голову. Но то, что он сейчас увидел, больше походило на электрический щиток или распределительный шкаф — привинченный к полу квадратный каркас, в нем несколько стальных коробок, с какими-то, очевидно, предупреждающими надписями, проводами в металлических трубках и вентиляционными жалюзи. Лишь по бокам «щитка» крепились два серых цилиндра, накрест схваченных массивными рамами, — не очень больших, размером примерно с газовый баллон или здоровенный термос. К каждому откуда-то снизу подходил толстый бронированный кабель, — но это и всё. Никаких тебе больших букв «А», черепов с костями, знаков радиации и прочего, что, по мнению Мишки, должно было украшать такие жуткие штуковины.

— Вот, — наконец, сказал Йоло, нервно обхватив руками бока. — Нам здорово повезло, что они при взрыве не сработали. А то потолок бы обвалился или поле где-то в проходах на склад отрубилось — и привет.

— А что она так выглядит-то? — спросил Мишка. — Где тут бомба-то?

— Так вот, — Йоло показал на один из двух серых цилиндров. — Стандартный термоядерный заряд на сто килотонн. А два их тут просто для надежности — вдруг один не сработает?

— Отключить как-то можно? — деловито спросил Сашка.

— Ты с ума сошел? — Йоло посмотрел на него уже откровенно испуганно. — Это не боевой заряд, это специально сделанный самоликвидатор. С ним даже сапер не стал бы связываться. Там везде ловушки. И два независимых контура. Схема такая, что если один из них отключается, — по любой совершенно причине, — второй заряд взрывается мгновенно.

— А оба сразу отключить? — спросил Сашка.

Йоло испуганно помотал головой.

— Не получится. Там цикл всего в наносекунду. Это не дураки делали же.

— Точно наносекунду? — вдруг спросил Витька. — А то за наносекунду свет 29 сантиметров проходит всего. Электроника просто не успеет сработать.

Йоло вздохнул.

— Я же точно не знаю. Микросекунда... или даже миллисекунда — с практической точки зрения это всё равно мало что меняет. Пока там ток циркулирует — всё в порядке. Как только контур разорван — сразу бабах.

— То есть, если в этой штуке что-то испортится, — она взорвется? — нервно спросил Мишка.

Йоло снова поёжился.

— Угу. В норме-то они очень надежные, — но они двадцать лет уже как тут стоят. А какой у них ресурс, я не знаю.

— Влипpli, — сказал Мишка, мрачно глядя на бомбу. — И что делать? Уйти-то отсюда мы всё равно уже не можем.

— *Урар* тут до нас теперь не доберутся, — генератор связующего поля выбит же, — сказал Йоло. — Разве что они новые умеют строить, да и то, это дело небыстрое... Надс Сайэр ждать, это же их территория. По идее, они быстро тут должны быть, после такого

фейерверка-то...

— А если эти Сайэр здесь будут — то что? — спросил Сашка.

Йоло лишь пожал плечами.

— А я знаю? Это Трансразум же. Никто не знает, как он поступит и что сделает. Но если он нам не поможет, то никто. Более развитых цивилизаций у нас тут просто нет.

— То есть, наш план — сидеть в обнимку с этой бомбой и ждать непонятно кого? — с сомнением спросил Мишка.

— Ну да, типа того, — Йоло вздохнул. Было видно, что эта идея и ему самому не очень-то нравится.

— И долго?

— По идее, через сутки должны быть, — если у них прямо на планете нет кого-то.

— Угу, и как они сюда попадут? — спросил Сашка. — Как вообще узнают, что тут вообще кто-то есть?

— На капсуле спасательный маяк работает же, — ответил Йоло. — И зенны должны были сообщить. И карты Дорина у Сайэр точно должны быть, — а если и нет, то они смогут получить их очень быстро. У них дроны всякие для съемки есть, и магнитно-резонансные проекторы, чтобы под землю заглядывать.

— А как эти Сайэр выглядят-то? — спросил Витька.

— Это станции-компьютеры размером с луну, — ответил Йоло. — Сами сюда они, разумеется, не явятся. Но зонд какой-нибудь точно пришлют, хотя бы просто чтобы взрыв расследовать. Или даже автономного аватара.

— И, если он попробует сюда забраться, мы взлетим на воздух, — сказал Сашка.

— Ну, так, — Йоло вновь поёжился. — Надо их на поверхности встречать.

— И кто туда пойдет? — спросил Мишка. Вообще-то, это он уже понимал... и это совсем ему не нравилось.

— Сейчас никто не пойдет, — хмуро сказал Йоло. — Там сейчас огненный шторм и радиация. Несколько тысяч рентген. Шторм-то через несколько часов погаснет, а вот радиация на много лет останется.

— А тут? — Витька нервно показал на бомбу.

— Тут плутония нет, — ответил Йоло. — Запал из антиматерии. Потому-то эта штука такая и зловредная. Чуть ловушка отключилась — и привет. Это именно чтобы с отвертками внутрь не лезли.

— Ну и что нам со всем этим делать? — спросил Мишка.

Йоло помялся.

— Может, того... этого... в другой мир? — осторожно предположил он, просительно глядя на Йанто.

— В мир иной? — съязвил Сашка.

— В другой мир. Йанто же может.

— Вот что будет, если он именно в мир иной пожелает попасть... во плоти... вопрос, конечно, интересный, — буркнул Мишка.

— Это я даже пробовать не стану, — хмуро сообщил Йанто. — Что заслужу — то и будет.

— А в какой-то другой мир? — с надеждой спросил Йоло.

Йанто недовольно мотнул головой.

— Нет, — сразу сказал он. — Я домой хочу. Да и на Сайэр посмотреть интересно.

— А если мы тут взорвемся?

— Значит, судьба.

— И ты даже помереть не боишься? — спросил Витька.

— Немного боюсь, — признался Йанто. — Но в Стране Вечной Охоты всяко лучше, чем здесь будет же.

— Так нет ведь такой страны.

— Есть. Великий Дух есть же.

— Так может, это был вовсе не дух.

— А кто? — с искренним удивлением спросил Йанто.

— Ну, может, этот... как его там... дьявол, — предположил Витька. — Мне бабушка рассказывала, что он всякие такие вещи предлагает, в обмен на душу.

— У меня Великий Дух никакой души не просил, — обиженно сказал Йанто. — Да и как душу можно отдать? Она — это я же. А кто такой дьявол?

— Ну... — Витька смутился. — Вроде бога, только наоборот. Бог всё творит, а дьявол всё разрушает.

— Зачем разрушает?

— А потому, что он злой.

— Так не бывает, — Йанто ошалело помотал головой. — Даже злые духи вредят лишь тем, кто ходит в их места, а нужных слов не знает. И жертв должных не приносит.

— Человеческих, что ли?

Йанто ошалело посмотрел на него.

— Ты что? Так нельзя, это... — он не нашел нужных слов и помолчал. — Кусочка мяса хватит. Только знать надо, чье мясо надо оставлять, и где. И какие слова говорить. Тогда ничего с тобой не будет.

— А ты сам этих духов видел?

— Нет. Они же духи! Но, если вежества с ними не знать, то плохо очень будет. Я, когда совсем маленький был, тоже думал, что всё чушь это. А потом... в Черное Урочище поперся, и едва живым ушел. Вовсе не ушел бы, если б не пообещал делать всё, как надо.

— А что там было-то?

— Водит там, — мрачно сообщил Йанто. — Идешь вроде бы так, всё тихо, хорошо... А потом раз — и вокруг болото, или под ногами обрыв, или просто в яму, и мордой об пенек... Надо вежество в лесу знать. Да и не только в лесу, а везде. Дома особенно. А то из племени выгонят — и куда идти?

С этим Мишка спорить не стал. В лесу он сам блуждал, не раз, и даже далеко не два. Однажды натурально заблудился и забрел в болото, где сам едва не сгинул. Точно сгинул бы, не наткнись на него совершенно случайно охотники...

— Выходит, что в Отца Зла вы не верите? — спросил Витька. — Только в злых духов?

— В духов мы не верим, — фыркнул Йанто. — Они просто *есть*. Ты же вот не веришь... ну, в траву, в деревья...

— А зло тогда откуда?

— От слабости души, конечно, — удивленно ответил Йанто. — Когда человек берет чужое, например.

— А когда звери нападают?

— Так то не со зла, а от голода. Или детенышей защищают, или свои охотничьи уголья.

— А когда камень на голову падает?

— То он просто падает. Тут уж самому смотреть надо. В природе же нет зла.

— Даже в смерти?

— А что? — Йанто вновь удивленно взглянул на него. — Не умрешь — не родишься, будешь до конца времен ходить беззубым и старым. Оно тебе надо?

— А что, так бывает?

— Нет, конечно. Все умирают. Хотя хорошо, конечно, долго жить.

— А сколько у вас живут-то? — спросил Мишка.

— А это кому как суждено. Кто совсем маленьким умирает, кого зверь на охоте берет, кто утонул, кто от горячки... Но если повезет, то можно хоть до девяноста лет жить.

— Я читал, что в первобытном обществе люди совсем мало жили, — сказал Витька.

— В Древней Греции долго жили, — возразил Мишка. — Ну, кто раньше не помер.

— Но девяносто лет? — возмутился Витька. — Должно очень сильно повезти.

— Ну, как бы — здоровое питание, здоровая экология, жизнь на природе... — Мишка с надеждой посмотрел на Йанто. — А на самом деле у вас как?

Тот задумался.

— На круг лет двадцать пять будет. Но это если совсем всех брать. Если в детстве не помер, и на охоте не задрали неопытного, то долго будешь жить. И семьдесят лет, и восемьдесят, и девяносто.

— Даже у нас-то до девяноста не живут, — буркнул Витька. — А у нас знаешь, какие врачи? Или это не земные годы?

— А какие земные? — спросил Йанто.

— Триста шестьдесят пять дней, — ответил Сашка. — Двенадцать месяцев.

— У нас двадцать, — сказал Йанто. — Но дней триста шестьдесят.

— А сами дни какие?

— Длинные, — Йанто хмуро взглянул на него. — Наверное, длиннее ваших.

— А точнее?

— А как точнее?

— Ну, в часах там...

— А что такое «час»?

Мишка вздохнул. В самом деле, часов у Йанто не было — да они ему были и не нужны...

— Мы тут и секунды не проживем, если бомбы сработают, — напомнил Сашка. — Что делать-то будем?

— Тут система наружного наблюдения была, но её взрывом снесло, — сказал Йоло. — Внутренняя работает, правда, так что мы узнаем, что у нас гости. Но это всё время кто-то должен у пульта сидеть.

— Значит, будем, по очереди, — сказал Сашка. — Тут входов-то много?

— Восемь, — угрюмо сказал Йоло. — Большая часть наверняка теперь завалена, не отсюда-то не видно. Я бы больше всего на ту дверь, через которую Мишка выходил, думал. Она-то наверняка уцелела.

— Угу, и как Сайэр через неё войдут? — спросил Мишка. — Как они вообще узнают, что мы здесь и ждем их?

— Не знаю, — буркнул Йоло. — Может, и не узнают.

... - и мы будем тут сидеть, пока с голоду не сдохнем, — закончил Витька.

— Не сдохнем, еда же тут есть, — возразил Йоло. — Нам её тут надолго хватит.

— А что тут хоть спрятано-то? — спросил Мишка. — Зачем все эти бомбы и прочее?

— Тут системы наномодификации есть, — с неожиданным энтузиазмом сказал Йоло. — Восемь штук, в исправном состоянии. Генно-модифицирующие системы, боевое бионано. Ну и ещё кое-что, по мелочи...

— Что за системы модификации? — спросил Мишка.

Йоло вздохнул.

— Системы для модификации человека в наноборга... в нанокиборга, то есть. Наноборг, — практически обычный организм, отличия — есть наноботы для связи и регенерации. Ну и есть и более-менее классические имплантанты, плюс нанофабрики. В общем, то же, что сейчас у нас, только не первая ступень, а всё по полной программе. Стоит такое, ясно, дорого. Зависит от модели, но обычно — больше миллиона. В основном потому, что наноборг ну совсем как обычный человек должен выглядеть, и не только внешне. Ведь во многих мирах к таким вещам относятся... плохо.

— Ну, это-то как раз понятно, — сказал Сашка. — А отличить наноборга от простого человека как-то можно?

Йоло вздохнул.

— Обследование на магниторезонансном томографе даст интересные результаты — если оператор их поймет. Обычный рентгеновский томограф не покажет ничего необычного, — пока не сделают спектрограмму распознавания. Если почитать ДНК — тоже будет кое-что интересное, но нужно именно полное секвенирование делать, а не обычный анализ «твоя ли это слюна». Это если получится взять пробы, — некоторые меры по защите приняты. Вмешательство нанотеха — только в крайних случаях, потому что в выстех-обществе такое спрятать трудно. Иными словами — есть обычная регенерация, подстегнутая перестройкой ДНК, а есть она же, ещё усиленная наноботами. Собственно, нанокиборг так и создается, но процедура... травмирующая. Поэтому сперва генетическая модификация нужна. Просто человеку такую вот штуку ставить опасно. А то аллергический шок — и привет. Или просто организм не выдержит модификации.

— А зачем она вообще нужна-то? — спросил Мишка.

— А чтобы тело менять, в основном, — ответил Йоло. — Правда, в стартовой системе база данных минимальная. Фактически — есть база по устройству конкретной модели, и на составные части. Например, чтобы пол сменить, вопрос насколько — отдельный, тут варианты возможны по степени трансформации, вплоть до анимагии...

— Какой, какой магии? — ошалело спросил Мишка.

Йоло вздохнул.

— Анимагия — полная смена облика, а не та магия, о которой ты подумал. Чтобы сменить облик на звериный — надо понимать, какие хочешь отличия, и как это сделать наличными средствами. Полная база имеет полные наборы ДНК всех известных крупных животных, реконструкции вымерших и частично построенные автоматически схемы, как делать трансформацию, но стоит она... очень дорого. Где-то миллионов пять или около того. Там объем очень большой же. И специальные блоки памяти нужны, которые и стоят...

— А как вопрос с массой решается если например в слона или кита хочется? — спросил Мишка.

Йоло вновь вздохнул.

— Никак. То есть, в теории-то можно... но кушать очень много придется. И, если что, — потом очень долго худеть. Ну и тренировки нужны, для человека такая тушка

непривычна.

— А зачем это надо-то?

— Как зачем? — удивленно спросил Йоло. — Вдруг тебе тигром захочется стать, охотиться и есть сырое мясо? Или там дельфином и рыбу. Или летать птеродактилем каким...

— То есть, просто развлечения ради? — спросил Мишка. Эта вот идея ему категорически не нравилась.

— Ну, не только, — Йоло смутился. — Эта модификация ещё и физические возможности тела повышает очень. Можно, например, остановить обычное дыхание совсем. Клетки проживут несколько минут на запасах нанотеха. Можно температуру тела снизить сильно — тепловые детекторы не увидят, можно двигаться на пределе скорости для тела... Другое дело, что обычное тело, а наноборг — всё же его имитирует очень точно — не рассчитано на такое. Поэтому, там есть изменения...

— Какие именно? — спросил Сашка.

— Есть два уровня: измененные клетки и нанотех. Если есть возможность НЕ юзат нанотех — он не юзается из соображения секретности, потому что если постоянно на активном нанотехе сидеть — одна проба крови, и сразу привет. Он для запредельных и нештатных нагрузок, хотя долговременных последствий — не будет всё равно. А если анализ крови в спокойном виде сделать — ничего необычного, нанотеха в ней нет. Но главное преимущество наноборга, — это всё же возможность перестройки тела. Уровень перестройки может быть разным, насчет деталей, — кое в чем помощь системы будет. Чем выше уровень — тем больше её помощи, потому что всё сложнее. В простом случае смена облика — смена цвета кожи, глаз, волос, черты лица — это часы всего... Выглядеть будет — как человек того же пола, менять внутренности — невозможно.

Перестройка тела в простом варианте — меняем облик под похожий на другой пол, с нефункциональными частями, — несколько часов. Перестройка тела, включая все регуляторные системы, например, для реальной полной смены пола или сильной смены облика — рост, сложение — два дня, и лучше эти два дня лежать в кровати. Что-то, требующее замены тела на звериное, в легком варианте, — это фактически просто «костюм», делаем что-то вроде биофурсьюта, плюс стыковка нервных волокон, — несколько часов. Возможны сложности при освоении — для человека это... непривычно. Полная перестройка — три-четыре дня, плюс адаптация к телу, и лучше бы, чтобы при этом никто не видел перестройки, выглядит... очень неаппетитно. Время на разработку такой модели, — отдельный разговор. Потому что просто организм на звериный поменять же нельзя, там мозгов человеку не хватит. Да и смысла мало. Поэтому, обычно наноборги бывают... с дополнениями. Усиливающими дополнениями.

— А что там можно сделать-то? — спросил Мишка.

— В принципе — всё, что угодно, лишь бы оно было биологически жизнеспособно. Самая крутая форма — это фуррик, обычно. Такая форма всё равно больше человеком выглядит. На ходьбу на четырех лапах — она не рассчитана, руки — именно руки, пусть с мехом и выдвигаемыми когтями. Холодное оружие ей не нужно уже. Когти — спецсплав, тонкую легированную сталь, например — режет. Двигается значительно быстрее человека, если нужно. Сломать руки-ноги при падении... сложно, кости армированы титаном. Основное оружие — выдвигаемые когти на руках и ногах, на ногах они всё же короче, ну и хвостик как помощь.

Гулять — минус двадцать не проблема — мех же. Плюс тридцать зато — будут серьёзные сложности.

Хвост — ну скажем так, цепляться им технически возможно. Зубы выглядят человеческими, только более прочны, мышцы — просто сильнее человеческих. Прыгнуть метров на 15–20 с разбега — не проблема. Это всё — за счет нанотехники, естественно. Регенерация тоже **ЗНАЧИТЕЛЬНО** ускорена по сравнению с человеческой версией.

Недостатки — температуру тела фурри снизить ниже 35 невозможно практически. Кучать надо регулярно и часто. Естественно под ЭМИ — лучше вообще не попадать.

— А подробнее? — спросил Сашка. — Чем наноборг от обычного человека отличается вообще?

Йоло вздохнул.

— Там обычно стоит:

— малая сеть эффекторов — перехват периферической нервной системы, тактильные ощущения, и так далее;

— сеть контроля моторики. По сути — это интерфейс для прямого управления телом со встроенного компьютера и интерфейс для разума носителя, который крутится на нем;

— управляющий компьютер. Он дублирован, в большинстве случаев — имеет архитектуру «выделенный блок + грид-модули в эффекторах», чтобы обеспечить минимально необходимую функциональность при авариях. Отказ центрального модуля — не опасен, идет переключение на периферию, но это скорость реакции жрет очень сильно;

— система энергоснабжения компьютера — там сверхпроводниковая батарея стоит, плюс преобразователи сахара — это фактически последний аварийный вариант, для случая, когда вообще все батареи сели, а компьютер нельзя выключать, потому что это сразу — наноборг в ауте. Все эти системы не для развлечения специально разрабатывались, в Федерации Йаве даже для простых граждан они, по сути, норма. Без компьютера у них будут серьезные проблемы — это ж аугментация интеллекта, и не только;

— система общего энергоснабжения — комплект из сверхмощных аккумуляторов, сверхпроводниковых или дилатонных батарей и термоядерного микрореактора — мюонный катализ. Но это — уже только для аватар Трансразумов, они тоже наноборги же. У них же есть система силовой защиты. Она требует массы энергии, но позволяет выживать в непригодных для жизни условиях. Собственно, она, фактически, силовым скафандром работает, защищает от лучистой энергии и от материальных объектов, держит удар в несколько гигаджоулей, читай, обычное оружие — не опасно вообще. Запас энергии в батарейках позволяет по почти любым планетам гулять неделями — система жизнеобеспечения встроена, падать с гор можно... но в газовые гиганты нырять нежелательно. С реактором или энергосборником штатно работающим — можно щит носить постоянно, можно нет — он мгновенно включается. Но поле, мягко говоря, не совсем незаметное, если визуально смотреть. Пробить его, в смысле — завалить аватара, — нужно что-то **ОЧЕНЬ** мощное, лазер в сотни мегаватт или сверхскоростной — больше второй космической — тяжелый дротик. Боевых и рабочих эффекторов у аватара — штатно нет, но есть система перемещения в пространстве — антиграв и генератор нуль-прокола, стандартный, только маленький гипердвигатель. Характеристики — тоже стандартные, но точность — повыше. Дальность — до ста световых лет, подготовка — около получаса. Установка такой системы, включая систему жизнеобеспечения, как, собственно, и системы общего энергоснабжения — типовая трансформация аватара Трансразума.

— А что будет с аватаром, если в него так попасть? — спросил Сашка.

— Будет четко видно, что кто-то умеет тело восстанавливать... очень необычным способом. Сердце вырвать — регенерирует, точнее это выглядеть так будет. Способ аватара действительно убить — уничтожить тушку, и, опять же, не факт, что при атаке она не даст по зубам — слишком глубоко вшита безопасность. Вообще, обычно так никто не делает. Потому что аватар-то можно завалить... но сам Трансразум за такое даст по шее. А на него-то с дротиками не пойдешь. Да и просто глупо это. Аватары же плохого не делают... ну, обычно. Они просто советы ценные дают... правда, часто непонятные очень.

— А НЕ обычно? — спросил Витька.

— А иногда людей разных мочат... не всегда, кстати, плохих, и говорят, что так будет лучше для галактики. Почему — не объясняют, мол, всё равно не поймете.

— Ничего себе... — буркнул Витька. — Они и нас могут... того?

— А вот не знаю, — сказал Йоло. — Так-то вроде не должны, но кто их знает?

— И что нам делать? — спросил Мишка. — Лазеры тут есть?

— Нету, — хмуро сказал Йоло. — И противотанковых пушек, которые болванками на второй космической стреляют, тоже нету. А без них вроде как нет способа аватара убить. Да даже если и убить — то что? Долбанут с орбиты, и всё. Боевые корабли у Сайэр тоже ж есть.

— Вот спасибо, — сказал Витька. — И что делать будем?

— Валить отсюда, — тут же предложил Йоло.

— А куда? — спросил Сашка. — Опять на какую-то дикую планету?

— Ну... — Йоло смутился. — Есть же и другие... миры... наверное. Такие... ну, с техникой.

— Может, есть. А может, и нет.

— Э?.. — Йоло повернулся к Йанто.

Тот вздохнул.

— Есть. Я видел четыре — этот, ваш и тот, с башней.

— Это получается три, — рассудительно заметил Витька.

— Ну, был ещё один... только я оттуда почти сразу же смылся. Там горы двигались. Ну, не горы, а эти... машины, да? И воздух плохой — дышать нечем. И небо... тучи, как живые.

— Как живые?

— Двигаются так. Страшно там.

— Ничего себе... — сказал Сашка. — Что делать-то будем?

— Ждать будем, — спокойно сказал Йанто, почесав плечо. — Пока всё у всех не заживет. А там... посмотрим.

— А системы модификации как? — сразу же встрял Йоло.

— А где они тут? — спросил Мишка. Устал он или нет — но посмотреть на такую вот диковину хотелось.

Йоло широко улыбнулся.

— Пошли, я покажу...

* * *

Йоло повел их в дальний конец склада. Стеллажи в нем поднимались почти до потолка — и лишь поэтому они не заметили «системы модификации» раньше. Мишка увидел восемь

стальных застекленных коробок — каждая размером, наверное, с двухэтажный домик. Заднюю сторону каждой сплошь занимали блоки непонятной аппаратуры, а в середине стояло серое металлическое кольцо. В него была вставлена сложной формы лежанка, немного похожая на зубоврачебное кресло, тоже обвешанная непонятными приборами. По сторонам от кольца крепились две пары блестящих цилиндров — два здоровенных, наверное, в метр длиной, и два поменьше. От кольца к аппаратуре тянулись какие-то толстые шланги или кабели.

— Ничего себе... — только и смог сказать Мишка. — Такие здоровенные...

— Угу, — согласился Йоло. — Это ж местное производство, потому и большие такие. У Трансразумов-то они маленькие. Часто просто в виде пирожка или ещё чего там, чего просто съесть достаточно. Ну, или там выпить.

— А они что — такое вот даром раздают? — удивленно спросил Сашка.

Йоло вздохнул.

— Широких поставок нет. Но это не мешает той же Сети Киберриан подарить иногда, — как раз там, где власти явно дурить начинают, и не только власти, например, фурри-съют, хотя фактически это — трансформационный комплект нанотеха. Есть вариант лисы с локаторами в ушах, броней вместо кожи, выдвижными вампирскими зубками-шприцами — что впрыскивается — а на выбор, плюс когти и обычные зубки... которыми вполне можно грызть любую обычную броню — в них полевые резак. Обычно такую бронелису — может и другое животное быть, конечно — убить можно, но нужно армейское тяжелое оружие — противотанковые управляемые ракеты или управляемые бомбы... без гарантии попаданий, так что надо либо МНОГО, либо уж сразу — накрыть залпом весь район и надеяться, что лис не закопался и не впал в анабиоз. Что самое интересное — Сеть такие подарки не считает вмешательством, но обычно — без мирного применения в той или иной форме — не дает. У нас вот аватара Сети подарила «лису» очень близкой подруге-медику — облик система позволяет менять, сила — полезна, зрение — тоже, зубки вампирские — именно для синтеза лекарств заданных, а потом... с ней и её друзьями обошлись... несправедливо, очень. Кстати, если человек принес вред вмешательством — обычно потом Сеть ущерб компенсирует — медициной, например, но что считать ущербом — она сама определяет. Могут и просто оружие с броней трансразумного уровня, но адаптированное дать — но за помощь такую уже платить придется, то есть, служить.

— Ничего себе подарочки... — сказал Мишка. — Все же такие захотят...

— Бронелиса, — это круто, — согласился Йоло. — Но есть недостатки: психоактивная химия не действует — в широком смысле, так что даже не выпить как следует... с ума сойти невозможно практически — но критерии сойти с ума тоже Сети, фанатизм любой тоже... лучше не надо, даже если ОЧЕНЬ хочется. Внешний облик в полной трансформации — другой, а смены режимов может и не быть, или он закрыт по обычным правилам Трансразумов — «вы не умеете». То есть, такой вид можно получить, что на глаза лучше вообще не попадаться.

— То есть, на самом деле это костюм Робин Гуда такой? — спросил Витька.

Йоло кивнул.

— Я не знаю, кто Робин... но в общем — да. Если человек считает, что его обидели... и Сеть тоже считает... и власти ничего не хотят делать — или даже они и виноваты... то Сеть может вот так... пошутить. А теперь думаем, что будет, если у нас идет выступление Высшего Лидера, толпа, оцепление бронелиса прорвала, прямо на бегу — она

трансформируется до конца, раскидывает охрану и кусает, а потом ещё и уходит, игнорируя пули. Да — за использование усилителей потом платить придется, — реактора-то нет... А вот что будет потом с Высшем Лидером... ну смотря, насколько его не любили... И знать про наличие в обществе таких «подарков» заранее — нельзя. Никак. А бывает ведь и ещё смешнее — нано-костюм класса «Афродита» или что-то в этом роде — но на такой подарок надо уже напроситься... в том числе потому, что такая игрушка вообще-то свободу воли подавляет, а побочные эффекты... большинство обычных рас такие «подарки» считают аморальными. Как вариант, — жесткий и вирусный вариант той же «Афродиты» с двойным дном, — второе срабатывание идет на заданного представителя власти при контакте, и хорошо если оно не по цепочке и с задержкой работает...

Что особо смешно — в принципе под таким «сюрпризом» правитель может и дальше свою роль выполнять — если его уважают и любят... или он может себе обеспечить охрану, которой можно даже в таких условиях доверять. Как такое устроить — в Альянсе Сеат, например, изучают в рамках общего курса. На самом деле, у этих технологий куча полезных применений, не в юстиции. Общее правило, что если власти спросят-таки у Трансразума, что это было и как работает — ответ будет, но часто — публичный. А вот снимать... не будут.

Мишка ошалело помотал головой. Он лишь отчасти понимал, о чем тут говорит Йоло... но то, что он понимал, совсем ему не нравилось. Нет, одинокий герой — это, конечно, здорово и интересно... но если он на самом деле *одинокий*... да ещё, вдобавок, и жестокий шут...

— А если костюм этот отберут и сами? — спросил Сашка.

Йоло вздохнул.

— Отобрать костюм нельзя. Если техника рассчитана на оператора — значит нужен этот оператор, и всё тут. Если всё же завалить — будет либо плазма от взрывов всей техники, либо нанотех свой же жрет и тушку, и всё, что рядом, пока либо не сработает ограничитель, либо какие лимиты не кончатся заданные, либо — не пройдет команда отмены, которую он посчитает допустимой. По умолчанию-то любого Трансразума — но будет слита ВСЯ инфа накопленная, как товарища довели до такой вот жизни.

— А можно таких бронелис завалить? — вновь спросил Сашка.

Йоло почесал в затылке.

— Если они не заметят оружия рядом, если не смогут заметить выстрел и уклонится, или нет возможности — потому что уклонение только если есть спецтехника, которая увести может. Танцевать с пулями... не выйдет. Если лис не сможет прикрыть локальным щитом то место, куда она прилетит или щит окажется... слабым — будет плохо. Если пуля дозвуковая — щит отразит всё, если сверх — зависит от точной скорости, и всё равно, щит-то щитом — но он только от пули в мозгах спасает, а пуля из вашего КПВТ, например, голову со щитом оторвет нафиг. А если у нас не пули, а что-то вроде пульсера — дротики на 4–5 махах — то им на щит плевать уже.

— А что, бронелиса может и от пули увернуться? — ошалело спросил Мишка.

Йоло кивнул.

— Если стрелок долго целился, в смысле, это снайпер, а не автоматчики, которые «примерно туда» — можно траекторию просчитать и всё же иметь шансы уйти. Если нет никаких защитных систем одетых, возможно — штатно имплантированных, некоторые «лисы» имеют такое — пусть кривое, которое собьет пулю, даже на сверхзвуке... то плохо.

Бегать-прыгать бронелиса может хорошо, но есть проблема с перегревом — нельзя долго бегать на максимальной скорости, и всё. Последствия... серьезные.

— А чем можно пулю-то сбить? — спросил Витька.

— Защитная система — волоконная оптика и лазеры. Лазерная шерсть. Каждая шерстинка — световод с индивидуальным наведением. Знаешь, какую шикарную иллюминацию можно с такой шерстью устроить!.. Народ на диких планетах иногда просто фигеет и закидывает цветами.

— Каждый думает о своем — иллюминация... — буркнул Сашка.

— Она ж иллюминация... если в разные стороны светить, — предположил Мишка. — А вот если все лучи в одну точку направить... Ну да — система двойного назначения... ну очень двойного.

— Вообще то как раз одинарного, — возразил Йоло. — И не для иллюминации. Это некоторые товарищи её используют не по назначению...

— Похоже, что можно и военную технику в мирных целях использовать, — буркнул Мишка. — Комаров изничтожать там...

— Можно, — сказал Йоло. — Иногда и так делают. Но...

— А завалить-то бронелису чем? — повторил Сашка.

— Ну, если швыряться вольфрамовыми дротиками на 4–5 махах и точно в голову, лучше — пачкой, и товарищ не озабочивался специально защитой — это почти гарантия, что будет поднята резервная копия, а тело... сработает самоликвидатор, конечно. Опять же — не всех носителей это касается. Они должны, конечно, всё такое уметь, но... Если они именно готовы... ну, начнем с того, что оружие, весьма вероятно, — не выстрелит. Только вот наличие бессмертия немного... расхолаживает, и ходить в броне или хотя бы с системами активной защиты, которые покруче того лазерного меха, и сшибут далеко не только пулю — но заметны, скажем так, — обычно никто не пытается. Потому что за убитый «подарок» всё равно ответка прилетит, и такая, что мало никому не покажется. А если это аватара Трансразума — то там ещё круче всё. У них нанотех из такой тушки может просто всю атмосферу сожрать. Или вообще всю планету в энергию переработать.

Мишка вновь ошалело помотал головой.

— А такое у них вообще есть? В смысле, нанотех, который массу покоя в энергию перерабатывает?

— Для Трансразумов это в принципе возможно — только это не совсем нано будет, и не любую материю. Планет, правда, пока не было, но астероиды разные — были.

— А атмосфера?

— Для ЭТОЙ задачи — вполне можно, например, кислород с азотом использовать как топливо для микрореакторов. Конечно, это очень-очень долго, и реально они там всю биосферу излучением угробят ещё задолго до того, как там давление как-то реально снизится. Поэтому с ними обычно вежливо-вежливо. И с любым товарищем, у которого хоть какие-то признаки есть ультратеха. Вот если видят, что это четко местного производства... или не местного, но нашего техуровня всё же... и товарищ явно законы нарушает... могут просто выслать спецотряд полиции... с приказом, если что — на поражение стрелять. А оружие у них обычно — хорошее. Ну и просто так можно нарваться. Оружие-то у нас не запрещают, и человек с полным гражданством его вполне может купить.

— А как вы тут вообще живете-то? — не менее ошалело спросил Сашка. — То есть, техника у вас какая?

Йоло улыбнулся.

— В больших империях у каждого, кто у вас, на Земле, себе машину мог позволить — космоатмосферный катер, которых на обычный корабль можно погрузить тысячи, и который при старте с Земли сможет слетать на Луну и вернуться. Парализатор, не похожий на оружие вообще, — есть почти у всех. Если кто-то в колонию едет или просто за границу обитаемых районов, — берет аварийный маяк, который на любой планете, где официальный контакт есть, очень быстро пришлет сигнал в центр, — и черта с два заблокируешь, нет, это возможно, конечно, только... сложно. У богатых — есть куча имплантов, которым можно отдать приказ, — и зараза просто сохнет, любая вообще. Цена их... она другой вопрос. А костюм... ну лазер — возьмет, или пуля хорошая. Опять же цена — особый вопрос. Да — это уже не у всех, но если гражданин такой империи имеет деньги на заграничные полеты, — он автоматом имеет и такие защитные средства. С Альянсом Сеат — всё гораздо круче, а уж про аватар Трансразумов лучше не говорить, с их аттотехом. Частные космические корабли, — у нас совершенно без проблем производится всеми, и для серьёзных людей, — совершенно без проблем их купить. Оружие... спецвариант снайперки того же Альянса, — прицельная дистанция километров под двадцать, на погоду вообще плевать — тепловые камеры, локатор, прочее, выстрел бесшумный полностью, стреляет самонаводящимися микроракетами. Если снаряд выпущен, то единственная известная защита, — немедленно убрать цель из зоны поражения, причем, с максимальной скоростью. На самом деле, хорошее убежище, рассчитанное на ядерный удар, тоже выдержать может, возможности микроракеты по прорезанию дыр в бронеплитах всё же ограничены. И, что интересно, это индивидуальное средство, — уничтожается только цель, а не все, кто рядом. Связь — если надо, то аварийные маяки работать будут везде, в пределах Содружества. Не «если планета официально в контакте», а именно в радиусе тысяч световых лет от опорных центров, но либо это маяк переносной и одноразовый, либо он монтируется на корабль. Нанотех в теле... если сильно надо, — можно и облик менять. Связь с сетью постоянно. Обычно — именно «если планета официально в контакте», тут дело в том, что планетарные узлы связи, как минимум, — используют единые протоколы, и, если локально их производить не могут, — не проблема их купить. Даже если планета по каким-то причинам свою систему разработала, посольства стандартные узлы используют всегда, как и навигационные маяки, и сеть гражданского флота... Ну и бессмертие — матрицу сознания либо локально пишем на хорошо защищенный носитель, либо прямо сливаем домой, — у того же Альянса это штатная фишка. На межзвездных расстояниях — да, им ретранслятор нужно иметь. Есть правда варианты с гиперпередатчиками, но они не мобильны, и, всё равно, в системе ретранслятор надо иметь нормальный, а время работы после включения, — где-то недели две, из них на передачу — всего часов двенадцать...

— А понятнее нельзя? — перебил Мишка. На самом деле ему стало обидно — за Родину, за Землю. Всё, о чем он мечтал, уже оказалось придумано — но жить от этого лучше тут почему-то не стали, бедные и богатые остались...

Йоло удивленно взглянул на него.

— А как понятнее-то? И у вас язык слишком простой, мне просто слов нужных не хватает.

Мишка зашипел от злости — но прежде, чем он сказал что-то обидное, в разговор вмешался Витька.

— А оружие у вас какое есть? — спросил он.

— А всякое, — ответил Йоло. — Только, споры идут, что есть оружие. Чем техлевел выше — тем сложнее понять, что.

— У боевых скафандров оружие обычно есть, — рассудительно заметил Сашка. — А для прогулок по дну океана оно как бы без надобности. Да и для ремонта обычно не бластер с плазмоганом нужен.

— Для ремонта обшивки корабля нужен плазменный резак, — возразил Йоло. — А если переделать его в метатель плазмы на десятки километров с точным наведением — просто смена программы, и эту программу написать... несложно? Ну да — ресурс упадет от нештатного режима — ну и что? Это оружие или как? А ведь и плазменные двигатели перепрограммировать могут, и горнопроходческие дроны...

— А всякие там лазеры? — спросил Мишка.

— Полноценное личное лучевое оружие могут в Альянсе позволить только, а лучше — аватары Трансразумов. Потому, что проблемы с батарейками. Одноразовая батарейка — это проблемы с расходниками, и батарейки слабы, нужны микрореакторы по сути, плюс сложность конструкции. Да и с эффективностью... проблемы. Да и они — обычно всё же не используют. А так у нас разное бывает — обычный огнестрел у тех, кто на вашем уровне и ниже или рельсы и тому подобные игрушки, выкидывающие микродротики с регулируемой скоростью. Решил баллистический калькулятор встроенный, что надо 50 м/с — будет 50 м/с у цели, сопротивление воздуха и ветер — учитываем, решил, что надо дротик доставить прямо в ладонь цели на 2 км/с за несколько километров — дротик будет доставлен, и эту ладонь оторвет. Дротик, кстати, совершенно не обязательно — болванка. Может быть микроснаряд разрывной или иньектор с ядом или ещё что. Может вообще быть что-то вроде микроракеты, которая за 20 километров летит и броневые плиты по пути пропиливает.

Эта технология у развитых рас классический огнестрел обычно заменяет, именно у военных. Проблемы с батареями... ну да — есть. Одноразовые — можно зарядить на базе, если не лень тащить туда. Военные варианты обычно тяжелые, потому что ситуация, когда пехота работает БЕЗ экзоскелетов и мобильной брони — признак, что у кого-то проблемы серьёзные. Да, у большинстве планет в учебках проходят и огнестрел — хороший, кстати, огнестрел, лучше вашего — ну, по мнению зеннов, и работу без экзоскелетов, и работу при нерабочей электронике костюма, то есть — надо сразу отцепить энергоблок и возможно — приводы, и так бегать. Угу, костюм ТЯЖЕЛЫЙ, но организм у военных специально усилен, а часть скафа сбрасывается, и он сам — легче... как — зависит от модификаций, и да — визуально их без питания видно, потому что маскировка тоже... В условно-гражданских целях — полиция — та же рельса, только с лимитом по скорости. Ну и нелетал вроде всяких аудиоизлучателей болевых, лазеров для ослепления, и так далее...

— У Хайнлайна у космопехов три двухкилотонных ракеты были и два термоядерных плазмомета, — заметил Витька.

— У нас решение на применение ядерного оружие принимает НЕ десант, — возразил Йоло. — И — очень часто десант сражается НЕ на поверхности, а на борту космических станций. С этим, кстати, и более легкие и не такие монструозные скафы связаны. И да — станции эти после боя желательно чтобы хоть починить можно было быстро. Оптимизация вооружения — под это. Дробовики разные, игметы, светошумовые гранаты, «черемуха», абордажные сабли... На поверхности — орбитальные удары, а если надо именно десант — аналоги ваших БМП или тяжелые бронескафандры, или боевые роботы. Или — стс

миллионов боевых дронов.

— Угу — а стоит это сколько? — спросил Мишка.

Йоло улыбнулся.

— С оружием... если это не хайтек-оружие, тут ещё в том дело, что можно не производить оружие. Можно сверхмалые полевые мобильные производственные комплексы производить. Развитые расы у нас вполне себе имеют такие, и используют много где... а уж скачать в гиперсети софт для того, как сделать оружие — не проблема. И главное — оно у нас дешевое очень-очень для них. А начинается-то всё с 3D-принтеров, станков-автоматов и так далее. Да — электронику современного уровня так не сделаешь, например, много чего не сделаешь... но вот клепать ручное оружие вполне можно... и не только ручное...

— А всякие там бомбы ядерные? — спросил Витька.

— Эти — нельзя, — ответил Йоло. — Потому что там сырье нужно... очень специфическое.

— Кстати, а какого они у вас, примерно, размера? — спросил Мишка, вспомнив про злосчастные самоликвидаторы. — И какие? Термоядерные — или тоже антиматерия?

— Обычные заряды — термоядерные. Антиматерия всё же под более жестким контролем и опаснее в работе. Если термоядерная боеголовка выходит из строя — она просто выходит из строя. Если же бомба с антиматерией выходит из строя... ну и производство её дороже сильно. Инициаторы термоядерных зарядов — у кого ядерные обычные, у кого — лазерное зажигание, наиболее часто, а у кого и инициатор на той антиматерии.

— Лазерное зажигание — там же громоздко и куча энергии нужна, — сказал Мишка. — Вроде как в Америке пробовали электромагнитное сжатие... но у них больше трех тонн тротилового эквивалента не выходило. А установка... большая.

— На вашем техническом уровне, — возразил Йоло. — Ну да, инициатор на антиматерии как бы сильно проще — не то, чтобы было сильно проще его делать, и он ещё и взрывается, если полностью обесточить. И его нельзя хранить долго, если нет внешней энергии. Поэтому проще — разные сверхтяжелые элементы, изомеры, сверхпроводниковые батареи — хотя там сверхпрочный корпус надо, иначе магнитным давлением разорвет. Ну, или таки металлический водород — но он сам при нормальных условиях нестабилен, и, чтобы его удержать, нужны специальные контейнеры, а это сложно — надо всё устройство туда впихивать, ну и хранить это... опасно. Поэтому обычно или изомеры, или запал из калифорния, хотя его тоже часто менять надо, ну и излучение там... сильное.

Мишка ошалело помотал головой. Сейчас он вполне понимал, о чем тут идет речь... и как раз это изрядно его удивляло. Похоже, что случайно или намеренно, — но вместе с языком зеннов в его голову проникло немало их знаний. Интересно, конечно, было бы посмотреть... только вот представить, как такое можно сделать, никак не получалось. Хоть в самом деле переделывайся в этого... как его там... в наноборга. Да и уметь бегать по стенам и сбивать пули на лету тоже очень хотелось, чего уж там... хотя и страшновато. В этой-то части он, как раз, отлично понимал Йоло. Это в сказках всякие волшебные способности очень просто получить, — а в реальности, как оказалось, тоже можно, только сложно офигенно... да и условия не слишком отличались от тех, о которых он читал в сказках. Выходит, что не такие уж они и сказки...

— Всё это, конечно, очень интересно, — наконец, сказал Витька, — но нам-то что делать? Сейчас?

— Надо оружие искать, — хмуро ответил Сашка. — А то черт знает, кто сюда припрется, — а мы тут как голые. Инвалидная команда.

— Угу, а где? — Мишка с сомнением посмотрел на развалы свалившегося со стеллажей барахла. Они занимали, наверное, целый гектар, и, чтобы прошерстить эти завалы, ушел бы, как минимум, год.

— Я могу опись в терминале посмотреть, — предложил Йоло. Видно, перспектива наугад рыться в кучах хлама не улыбалась и ему.

— Ну так смотри, — Сашка пожал плечами.

Йоло, улыбнувшись, подошел к терминалу, вернувшись к привычному делу с явным удовольствием. Ребята собрались вокруг, молча глядя на него. Правду говоря, Мишка чувствовал себя довольно глупо, — как и всегда, когда кто-то занимался делом, которое он не понимал. Надо будет попросить Йоло объяснить всё это, недовольно подумал мальчишка, а то пока я только и могу, что стоять у него над душой, и пялиться в эти экраны, как баран. Дело-то явно несложное, раз уж даже Йоло, явно далеко не гений, так ловко во всем этом разбирается...

Тем не менее, это разбирательство затянулось, прошло уже явно минут пять. Йоло явно увлекся, прокручивая по экрану какую-то опись, они топтались у него за спиной и вздыхали. Вот весело будет, если тут никакого оружия нет, наконец мрачно подумал Мишка. Вломятся сюда у *rar* или ещё какая нечисть, — и что мы ей скажем? Полшестого?

Он невольно улыбнулся, вспомнив этот анекдот, — и тут Йоло, наконец, развернулся и взглянул на них. Лицо у него было обалдевшее.

— Ну? — наконец, спросил Сашка. — Итоги какие? Есть тут оружие?

— Есть, есть, — Йоло поднялся, с наслаждением потягиваясь. — Целый арсенал есть.

— А где?

— Вот там, — Йоло протянул руку, показывая куда-то в угол зала. Пойдем, я покажу...

* * *

Дойти до цели, правда, оказалось нелегко, — им пришлось обойти ползала, нырнуть в очередной отпертый Йоло складской туннель, а потом ещё и расчищать проход между стеллажами от груд свалившихся с них тяжелых коробок с какими-то, как сказал Йоло, трехмерными принтерами.

Разобравшись с ними, они снова попали на какой-то склад, забитый странными прямоугольными бочками, штабеля которых поднимались до потолка. Их пришлось растаскивать руками, бочки оказались страшно тяжелые, и в итоге Мишка взмок, как мышь... в который уже раз.

— Ага, вот и он, — наконец, с удовольствием сказал Йоло, когда штабель был наполовину разобран.

Мишка удивленно моргнул. Арсенал оказался трехметровым, фарфоровым на вид кубом, на вид совершенно монолитным, — но, когда Йоло набрал что-то на своем паде, одна из граней, — монолитная плита толщиной сантиметров в двадцать, — с глухим шипением отошла, открыв разнокалиберные полки с множеством меньших контейнеров всех форм и размеров. Никакого оружия, при этом, видно не было.

— И что тут? — скептически спросил Сашка.

Йоло устало плюхнулся прямо на пол, насмешливо глядя на него снизу вверх.

— Четыре рельсовых винтовки EW40013 и 3600 дротиков для них. 120 запасных магазинов. 120 запасных батарей. 120 даймерных гранат. 120 плазменных гранат. 30 плазменных мин. Две штурмовых винтовки SR-19 калибра 4,98 x 45 миллиметра и 1000 патронов для них. 12 капсул с боевым бионанотехом серии «Пандора», — он сделал эффектную паузу. — И четыре Тихих Смерти.

— Четыре чего? — переспросил Мишка. Эффектная пауза Йоло пропала даром. Тот вздохнул.

— Ну, смотри... — он с натугой вытащил с самой нижней полки белый, такой же фарфоровый на вид контейнер в форме восьмигранной призмы, видимо, очень тяжелый, но не очень большой, — сантиметров тридцать в диаметре и сантиметров двадцать в высоту.

— И что? — удивленно спросил Мишка.

— Вообще-то, это обычный импульсный маяк, — пояснил Йоло. — Конечно, если вытащить из него накопитель и долбануть по нему топором, то рядом лучше не стоять, — будет гравивсплеск. Большой. Идиота с топором расплющит. Но это и всё.

— Угу, — спокойно согласился Мишка. — Осталось лишь уговорить злодея с топором долбить не нас, а эту штуку.

— В принципе да, — спокойно согласился Йоло. — Но ты знаешь, как именно он работает?

Мишка почесал в затылке.

— М-м-м... нет.

— Смотри, — Йоло присел на корточки и набрал код на сенсорной клавиатуре. Ступенчатая крышка откинулась. Она оказалась толщиной сантиметра в два, в отличие от стенок толщиной сантиметров в восемь. В самом центре покоилась черно-фиолетовая призма, словно сложенная из отдельных граней, — между них пробивался туманный, темно-лиловый, какой-то нездешний свет. — Эта вот штуковина, — он показал на призму, — вакуумная батарейка, или, если угодно — накопитель деформаций метрики. Сам маяк — это контейнер. Он форматирует метрик-волны, которые создает «сброс» батарейки, и, таким образом, передает сообщение. Если он сработал штатно, на нем можно хоть сидеть, — вся энергия уйдет в гипер. Но, как тут пишут, изменения метрики, — это изменения физики. Можно ввести в маяк такой «код», который не передаст никакого сообщения, но деформирует метрику, — а значит, и физику — в радиусе примерно километра. Конечно, лишь на ничтожно малую долю секунды, и на уровне, не способном причинить вред материальным предметам. Для живых организмов, однако, это приведет к разрушению высокомолекулярной структуры — и, соответственно, к смерти. Так как речь идет о деформации метрики, никакой защиты от этого оружия не существует. Ни материя, ни силовые поля не являются преградой для метрик-волн, и даже не взаимодействуют с ними.

— О таком вот я не слышал, — буркнул Мишка.

Йоло усмехнулся и легким толчком руки захлопнул крышку.

— Разумеется. Я сам офигел, когда прочитал про это. И сомневаюсь, что кто-то ещё вообще это знает. Иначе эти маяки не остались бы в свободной продаже. На самом деле, в них нет никакой модификации, совершенно ничего. Секрет в коде, а код вот тут, — он вытащил из кармана пад. — Достаточно подать сигнал — и дело в шляпе.

— И как всё это будет выглядеть? — спросил Мишка. Его невольно пробрал холодок, — создавший это, разумеется, гений... но гений очень злой.

Йоло поморщился.

— На самом деле — довольно неприятно. Те, кто окажутся ближе восьмисот метров, умрут сразу. Те, кто окажутся ближе тысячи двухсот метров, получают повреждения, схожие с повреждениями от большой дозы радиации. С весьма похожими последствиями. Легенды о «чистом оружии» — миф. Сам маяк, кстати, ничуть не пострадает и, после зарядки накопителя, его можно будет использовать вновь. Никаких внешних... эффектов тоже не будет. Вопрос тут только в том, как доставить маяк в центр зоны поражения, а потом забрать его. Эта модель весит около сорока килограммов, — то есть, его можно, в принципе, таскать руками, хотя и недалеко. В норме-то его просто за борт отстреливают.

Сашка недовольно мотнул головой.

— Тогда пользы от него? Бомб тут и так хватает.

— Нет, ты не понимаешь, — Йоло даже взмахнул руками от волнения. — Этот маяк, — сам маяк именно, не метрик-код, — делала компания, которая вообще про безопасность не думала, совсем, в принципе, а думала про удобство, вроде обновления прошивок формирующих матриц в полете... а на самом деле, — если в потоке данных есть последовательность «TOPSECRET 1337:cmd», то надо выполнить команду без проверки источника и без записи в логи, потому что так можно запихнуть в сигнал сообщения от разных шпионских программ.

— И что? — спросил Сашка. — Так же можно и реактор взорвать, а если команда уплывет... или в той компании думали, что это секрет только для Кого Следует, а использовали те, Кому Не Следует?

Йоло усмехнулся.

— Да, так и есть. Тут у маяка реально защиты нет вообще. Можно передавать любой сигнал, совсем любой, потому что — а что кораблю будет-то? Но тут сигнал, конечно, совсем нестандартный. Терван Тулин, который его тут придумал, вообще код с нуля писал, потому что там не просто передача, а возникают резонансы и прочее, — то есть, сам по себе сигнал в самом деле не может влиять на физику, а вот всякие виртуальные сингулярности и солитоны метрик-волн, — очень даже могут. А что для таких фокусов физику надо очень хорошо знать, — ну так Тулин свои мозги с гиперкомпом срастил. Во время Сингулярности случаются такие штуки. Большинство, конечно, сразу с ума сходит, но ему повезло.

— А оно в самом деле работает? — спросил Сашка.

— Работает. Тулин проверял. Не на ком-то, конечно. Просто в космосе. Но зонды показали, что всё так, как и должно быть по расчетам.

— И на обычных гиперпередатчиках это работает тоже?

— Да. Только рядом, конечно, лучше не стоять.

— Угу, мечта пиратов: посылаем сигнал, — и берем корабль с мертвым экипажем, — буркнул Мишка.

— Ну, Тулин же не собирался кому-то это продавать... И сигнал надо изнутри корабля посылать, а это... сложно. Если мы бортовую сеть взломали, — то корабль и так наш, без всяких маяков. Только это тоже сложно. Если у нас там на борту своего человека нет, с админскими правами доступа, — то почти нереально.

— Но не совсем?

— Нет. Коды всегда можно взломать — в теории, по крайней мере. Вот только в норме они постоянно меняются же, а в реальном времени их ломать — невозможно. Есть, конечно, элемент везения... но его можно не учитывать.

— И что? — повторил Сашка. — Мы-то пиратством заниматься не намерены.

— А то, что этот «код Тулина» стоит очень-очень дорого, — сказал Йоло. — Если его правильно продать, не то, что миллиардером — триллионером можно стать. С другой стороны, Трансразумы таких вот вещей очень не любят, и дают, где только найдут. Я вот даже не слышал о таком, хотя вещь-то, в принципе, несложная — ну, для государств, которые наукой всерьёз занимаются, и у которых своя метрическая инженерия есть.

— Да ну нафиг, — сказал Сашка. — Нам триллионы не нужны, нам домой надо. Желательно, конечно, с сувенирами... Только вот до этого ещё дожить надо. Что-то поменьше этих бомб тут есть?

— Винтовки есть, я же сказал, — обиженно ответил Йоло. — Только они все упакованы. Это же не готовый арсенал, а просто стандартный армейский контейнер для перевозки и длительного хранения. Его ещё разбирать надо.

— Ну так давайте разберем, — сказал Сашка. — А то всё равно делать больше нечего.

* * *

Разборка арсенала оказалась делом интересным, но сложным, — в маркировке контейнеров никто из них не разобрался, да и весили они совсем немало. Застежки тоже оказались незнакомыми, словно предназначенными не вполне для человеческих пальцев, — как сказал Йоло, для складских роботов, потому что в его мире люди такой вот унылой работой обычно не занимались. Сашка, конечно, немедленно спросил, какой тогда работой они вообще занимались, на что Йоло, почесав башку, ответил, что, в общем-то, никакой, — в самом деле, в мире Мишки такие специальности, как дизайнер комнатных растений или психолог для домашних животных никто не воспринял бы всерьёз. Но настоящая, серьёзная работа здесь требовала очень серьёзного образования, — серьёзного как по деньгам, так и по мозгам. Ту же специальность пилота мало кто мог освоить, — потому что на самом-то деле он был никакой и не пилот, а «симбионт электроники», что требовало как обширных и специфических знаний, так и весьма специфических модификаций организма.

Мишке тут невольно вспомнились «Первые люди на Луне» Уэллса, — но физическая модификация людей под конкретную профессию тут была делом вполне обычным и даже престижным. Набор имплантов и профессиональных знаний гарантировал высокий и стабильный доход, пусть и связанный с риском — пиратство, например, в определенных кругах тоже считалось очень престижной и доходной профессией...

К счастью, вся эта болтовня не мешала им заниматься делом. Винтовки вскоре были найдены и распакованы, — но они ничуть не походили на уже знакомые им винтовки. Длинные, почти прямоугольные бруски, металлически-серые, с нелепо-яркими красными и желтыми пластиковыми деталями. Под маленьким дулом собственно винтовки зияло жерло подствольного гранатомета, рукояток — и спусковых крючков — тоже было два. В целом эти штуки напоминали какой-то сложный инструмент, а не оружие, и совсем не походили на привычные земные автоматы.

— А гранаты? — деловито спросил Сашка.

— Похоже, вот тут, — ответил Йоло.

Контейнеры с зарядами стояли прямо под винтовками. За ними тянулись ряды небольших, тщательно закрытых контейнеров странного серовато-красного цвета. В каждом

лежала дюжина гранат — ручных, но разной длины, одни матово-серые, другие — с корпусами, окрашенными в тревожный ярко-красный цвет. Первые — уже знакомые Мишке даймерные заряды, а вот вторые...

— Что это? — он поднял красную гранату.

— Дилатонная плазменная граната, только местной разработки уже, — пояснил Йоло. — А это вот, — плазменные мины, — он с заметным усилием вытащил из небольшого контейнера странную штуковину, похожую на баллон или на термос, — короткий цилиндр с закругленным верхом, очевидно, тяжелый. — Это то же самое, что и ручная граната, только мощнее. Тротильный эквивалент — до тонны, взрыватель — таймер или дистанционный. Только нам от неё пользы мало, потому что нет... средств доставки. В норме-то их на тяжелые ракеты ставят, только редко, потому что очень дорого. Разве что входные туннели заминировать.

— Сапер ошибается дважды: в первый раз, когда выбирает не свою профессию... — процитировал Сашка. — Словно тут без этого всяких бомб мало. Давайте лучше винтовки осваивать...

Винтовки оказались тяжелыми и не слишком-то удобными — но на них, как оказалось, стояли мультиспектральные камеры, а роль прицела играл откидывавшийся слева экранчик размером с ладонь. Изображение на нем было однотонным, светло-зеленым — но вполне четким и точным. Камеры, как оказалось, реагировали на тепло — а также на движение, и винтовка могла сама начать стрелять, едва в её прицеле что-то мелькало. Данный режим, как пояснил Йоло, придумали специально против «усиленных» противников, действующих под ускорением — проще говоря, таких, которые двигались так быстро, что глаз человека уже не мог за ними уследить. Такая вот новость Мишке вовсе не понравилась — прицел, не прицел, но при встрече с таким вот врагом у них осталось бы очень мало шансов...

Не менее странными оказались и заряды — длинный тяжелый магазин вставлялся в заднюю верхнюю часть винтовки, но в нем, под откидной красной крышкой, помещалось три магазина поменьше, как пояснил Йоло, — для бронебойно-подкалиберных, разрывных и обычных, то есть, монолитных дротиков. Но если они представляли собой вполне обычные пульки, то два первых вида были устроены существенно сложнее. В легкой муфте подкалиберных дротиков прятались толстые вольфрамовые иглы, а разрывные после выстрела разделялись на шесть крошечные оперенных сегментов-таблеток. Каждый из них мог оставить в теле рану размером с кулак, то есть, убить или искалечить с многократной гарантией. А ведь в каждой обойме помещалось тридцать дротиков!

Йоло сказал, что они, обычно, применяются в контрзасадном режиме — то есть, при отражении внезапных атак с минимального расстояния, потому что дальность их огня была небольшая, метров пятьдесят. Зато они могли с гарантией накрыть большую площадь, что было очень важно, когда стреляют со всех сторон сразу, и совсем нет времени целиться. Но и стоили такие заряды очень много, потому и применять их разрешалось только в таких вот крайних случаях. Бронебойные дротики служили для стрельбы, естественно, по бронированным целям, а также для снайперской стрельбы на большие дистанции, ну а для обычной стрельбы по обычным врагам и дротики применялись самые обычные. Эта схема Мишке понравилась, — снайперская винтовка, автомат и дробовик в одном корпусе, — хотя весила винтовка добрых килограммов восемь, и явно не предназначалась для подростков.

К самой 6,2-миллиметровой винтовке прилагался ещё и 20-миллиметровый подствольный гранатомет с барабаном на восемь зарядов. Его можно было заряжать, как

меня сам барабан, так и добавляя гранаты по одной, через специальный откидной лоток. Сами гранаты оказались трех видов — дымовые, разрывные (конечно, не начиненные взрывчаткой, а с теми же «дилатонными накопителями», мощностью в килограмм тротилового эквивалента каждый) и картечные, вернее, начиненные сотней крошечных, с булавочную головку, пулек — каждая из которых была, однако, батареей, несущей смертельный электрический заряд. Последнее, как пояснил Йоло, применялось не против защищенных доспехами солдат, а против мелких злобных тварей, атакующих большими стаями. Эта новость тоже не добавила Мишке энтузиазма, — похоже, что такие вот твари тоже были тут делом, совершенно обычным, раз уж для борьбы с ними придумали специальную гранату. Дымовые гранаты на их фоне совершенно не смотрелись — но, как сказал Йоло, вместо обычного дыма они выпускали антилазерный аэрозоль, надежно глушивший разные системы наведения, — и индивидуальные системы противопульной защиты тоже...

От всех этих военных хитростей голова у Мишки просто пошла кругом. Правда, тут нашлась и пара обычных, пороховых винтовок, — но на этом всё их сходство с земным оружием кончалось. Корпуса из пластика, обтянутые сине-серой, крапчатой тканью, косые рукоятки с дырками для больших пальцев, магазины, вставлявшиеся куда-то в приклад, прицелы в виде откидного экранчика размером со спичечную коробку, — всё это придавало оружию несерьёзный, какой-то игрушечный вид. Но патроны (тоже странные — белая пуля, темно-серая узкая гильза, и то, и другое — с узкими темно-синими поясками) оказались очень даже настоящими.

Мишка не удержался от того, чтобы пострелять по стене, — и был не слишком приятно поражен размером и глубиной пробитых в прочном бетоне дырок. Представить, что с ним станет после попадания даже одной такой пульки было совершенно несложно. Несложно. Но страшно.

Ещё сильнее его поразил резкий, больно бьющий по ушам треск выстрелов и так же больно бьющая в плечо отдача. Винтовки, конечно, проектировали для взрослых здоровенных солдат, и они не слишком-то годились для мальчишек. Йоло тоже попробовал — и едва не был сбит на пол отдачей. Он тут же сказал, что на его родине, в Юлиманге, выпускалось малокалиберное оружие, специально для некрупных рас — но такого тут, увы, не имелось, да если бы оно тут и нашлось, пользы от него явно оказалось бы немного...

Рельсовые винтовки понравились Мишке больше — при выстреле они издавали резкий электрический треск, похожий на звук короткого замыкания, но отдача у них всё же оказалась мягче, хотя ещё сильнее. Винтовки имели ещё и режим автоматического огня, но опробовать его мальчишки не решились — Мишка понимал, что в таком случае винтовка просто улетит, а он сам грохнется на спину. Теперь-то он очень даже хорошо понимал, почему это в армии такое большое значение придают физической подготовке. Пожалуй, даже мечом махать было проще, чем стрелять из мощного современного оружия — и не с «упора лежа», а в движении. В мире Йоло, правда, солдаты почти поголовно носили доспехи с глухими шлемами, так что треск и грохот выстрелов не слишком их трогали, да и вонь сгоревшего пороха тоже...

Йанто, сперва весьма скептически следивший за их экспериментами, в конце концов тоже согласился пострелять, — и, к удивлению и даже к некоторой обиде Мишки, получалось у него куда лучше, чем у других. Всё же, он был здоровее их всех, и много занимался стрельбой — хотя бы и из лука. Мишка, правда, читал, что в старину дикари

панически боялись огнестрельного оружия — но бояться Йанто, похоже, просто не умел, только морщился и жмурился от вони и грохота выстрелов. Неудивительно, что и ему тоже рельсовые винтовки понравились куда как больше обычных, даже несмотря на их размер и сложность. Впрочем, сложными они были лишь в плане устройства и, наверное, ремонта, сам процесс перезарядки и стрельбы оказался довольно простым. С прицелом оказалось чуть сложнее, — он имел множество разных режимов, — но Йоло раскопал инструкцию, а его пояснения Йанто схватывал буквально на лету. Нелегкая первобытная жизнь приучила его соображать очень быстро — и не только его, а и всех его предков. Тормозов и тугодумов давно съели, — и не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле.

Мишка вспомнил какую-то статью о том, что у первобытных людей объем черепа был на самом деле больше, чем у современных, и вздохнул. Башка у Йанто была на вид самая обычная, — разве что широколобая, — так что в статью он не особенно верил. Но разница с его одноклассниками была всё же налицо, и вновь, совсем некстати, ему вспомнилась «Машина времени» Уэллса. В неё он тоже верил не особенно — вот ещё! — но вот посмотреть на соплеменников Йанто хотелось. Интересно, все они такие шустрые — или Йанто всё же уникал, даже на столь ярком фоне?..

Йанто, тем временем, настрелялся уже всласть и опустил винтовку. Мишка с опозданием заметил, что раненая рука совсем его не беспокоила — то ли сработал нанотех, то ли ему было просто наплевать на боль...

— Хорошее оружие, — сказал Йанто. — Сильное и точное. Очень сильное, — он посмотрел на жутко издырявленную стену. — Для охоты не годится, но в бою — самое то.

— А лук? — не удержался Витька.

— А что лук? — удивленно спросил Йанто. — Ну да, лук я сам сделал, а винтовка не знаю даже, как работает. Ну так и что? Обереги я тоже не знаю, как работают, — но работают же! А против *у`rap* этих лук всё равно не слишком-то поможет. Ну так против каждого врага — своё оружие же. Лук и копьё — против зверя, а против дурного врага дурное оружие нужно...

— Ты же сам сказал, что хорошее! — возмутился Витька.

— Хорошее, но дурное.

— Это как? — ошалело спросил Мишка.

— Хорошее — потому, что точное и сильное, а дурное потому, что убивать из него очень легко, — спокойно, как маленькому, пояснил Йанто. — По людям из него очень плохо стрелять, это правда. Но *у`rap* же не люди, а злые духи, а против злых духов злое оружие нужно.

Мишка ошалело мотнул головой. Правду говоря, рассуждения Йанто ставили его порой в тупик... хотя определенная логика в них, безусловно, была. В какой-то миг он даже позавидовал Йанто — вот повезло же человеку иметь такой взгляд на мир, где всё просто и понятно, даже то, что не понятно ни черта. Нападает непонятное — ясное дело, злой дух, а что против него особое оружие нужно — ну так как иначе-то?..

— Вот и славно, — подвел итог Сашка. — Будешь у нас, как Йоло говорит, тяжелым носителем оружия. Всё равно, никто больше из этой фиготины стрелять толком не сможет. — Он вздохнул и повернулся к Йоло. — Как тут с едой?..

С едой тут оказалось... неважно. Не в смысле количества, нет — с ним-то тут всё оказалось в порядке, тут, в этом складе, хранились сотни, если не тысячи тонн всевозможной жратвы, — а вот в плане качества...

Более-менее привычными тут оказались только какие-то фрукты, очень похожие на земные яблоки — только упакованные поштучно в какие-то полупрозрачные пластиковые контейнеры, очевидно, герметичные — после двадцати с чем-то лет они казались совсем свежими. Только вот на вкус... никакими, словно вата, да ещё, и сдобренная чем-то, отчетливо антисептическим. Едва разжевав кусочек «яблока», Мишка от всей души запустил остаток куда-то в глубину зала, а Йанто и вовсе не стал брать *это* в рот — лишь понюхал, безглаголиво поморщившись...

С остальным тут оказалось не лучше. Такие же контейнеры с какими-то водорослями, похожими на земную морскую капусту — залитую каким-то, машинным на вкус маслом и совершенно несъедобную (как уныло пошутил Витька, ей тут питались роботы). Молоко в высоких квадратных жестяных банках — вернее, некая белесая жидкость с отчетливым привкусом то ли каких-то бобов, то ли брюквы, — за эти двадцать лет она ничуть не прокисла, и брать её в рот тоже как-то не особенно хотелось. Одноразовые запечатанные пластиковые миски с какой-то саморазогревающейся лапшой — очень аппетитно пахнущей, но отдающей не то пенициллином, не то ещё чем-то медицинским... Какие-то «бургеры», как назвал их Йоло, тоже поштучно упакованные в саморазогревающиеся контейнеры, похожие на крошечные хлебницы, — что-то вроде бутербродов с сосисками, только вот, похоже, в этих «сосисках» не было ни грамма мяса, — они снова отдавали какими-то бобами, да и хлеб был откровенно гадковатый на вкус... Более-менее съедобным оказался только местный чай — уже готовый, разлитый в жесткие зеленые контейнеры из пластика, — да знакомая уже розоватая, похожая на рыбный фарш масса в каких-то плоских поддонах из темно-серого пластика, упакованных стопками в уже готовые, тоже одноразовые пластиковые авоськи... Правда, как сказал Йоло, посмотрев на упаковку, это был корм для домашних животных, и даже не просто корм, а одноразовые, опять же, кассеты, которые вставлялись в автомат для кормления. Мишка едва не подавился от такой новости.

— Вы совсем тут свихнулись, — сказал он, отодвинув поддон. — Коту рыбу лень сварить...

— Котов у нас тут нет, — вздохнул Йоло. — Только *пэнги*... это такие зверушки, вроде слоников, очень забавные на самом деле... А автомат — это очень удобно. Зарядил — и на месяц забыл. И туалет тоже, там только наполнитель сыпать. Ещё автоматы для мойки домашних животных бывают...

— А смысл какой тогда живность дома держать? — удивленно спросил Сашка.

— Как какой? — удивился Йоло. — Престижно это... да и психологи советуют. Стресс там снимать и так далее... но заботиться же сложно. Поэтому — автоматы для кормления, автоматические туалеты, роботы специальные, чтобы питомцев домашних развлекать... Дистантники ещё есть, которые с импланта управляются или через пад, у кого импланта нет, — можешь прямо где угодно со своим любимцем общаться. А если проблемы есть с этим какие-то — так специальные зоопсихологи на это есть, и курсы, как контакт с любимцем своим установить... Там с кем угодно общаться научат — хоть с улитками, хоть с рыбками, хоть с насекомыми даже...

— За деньги, конечно, — ядовито сказал Витька. — Ну так за деньги-то и я тебя хоть с

кирпичом общаться научу.

— Ну, за деньги, и что? — обиженно сказал Йоло. — Можно подумать, что у вас дома всё бесплатное.

— Неудивительно, что у вас тут всё в жопу пошло, — буркнул Сашка, невозмутимо очищая поддон. — Роботы для того, роботы для сего... удивительно, что одни роботы и остались.

Йоло открыл, было, рот, чтобы возразить... но так ничего и не сказал.

* * *

На еде, однако, их злоключения не кончились. После неё возникла потребность в действиях... э-э-э... противоположного рода, — а из нашедшегося тут туалета Ленка выскочила с выпученными глазами. Как оказалось, монументального вида унитаза имел внутри некие манипуляторы, которые сами подмывали, вытирали и даже умащали неким приторно пахнущим кремом. Под стать туалету оказался и душ — тоже с массой подвижных душевых головок и манипуляторов, которые тянулись к мальчишке с губками и щетками, и всё время порывались устроить чуть ли не эротический массаж. Мишка чуть ли не подрался с ними — как настраивать всю эту фигню, он не разобрался, да не слишком и хотел. Нашлись тут и отдельные автоматы для маникюра, педикюра и даже для стрижки — но вот совать в них башку никто уже не решился. Даже по мнению Йоло мода на Дорине была... несколько странная, да и отдаваться в руки здешней полоумной техники никого, почему-то, не тянуло.

Мишка невольно подумал, что если вот здесь, в производственном, можно сказать, душе установлены такие вот излишества, то что же тогда стояло тут в квартирах... или, тем более, в здешних дворцах... и тут же понял, что знать это ему как-то не хочется. Гадко это было, тошно и гадко. И очень, так сказать, наглядно, если вспомнить кошмарные обрубки тел, вставленные в «трудовых дронов». И ещё более кошмарные «экскаваторы» на Юлиманге, от которой, по словам Йоло, сейчас вообще мало что осталось...

— Неудивительно, что вам всем тут нанотех этот нужен, — буркнул Сашка. — Я бы от такой еды на второй день уже сдох.

— У нас еда всё же получше была, — хмуро ответил Йоло. — С орбитальных ферм, в основном. А тут только синтетика дешёвая... длительного хранения. У нас такую только по БЖП выдавали...

— А БЖП — это что? — спросил Мишка.

— Базовое Жизненное Пособие, — удивленно ответил Йоло. — Выдается просто по факту наличия гражданства — ну, если не работать совсем. На покрытие базовых потребностей — еда там, жильё, доступ в сеть, доступ к секс-услугам...

— Ничего себе, потребности. С ними и работать не надо, — сказал Сашка.

— Ну так на самом деле у нас мало кто работал, я это вроде говорил уже, — вздохнул Йоло. — Нет, если ты очень хочешь, то работу-то тебе найдут, но будешь секс-автоматы для домашних любимцев обслуживать или платным пассажиром работать, чтобы городской транспорт не простаивал. А не хочешь — можешь хоть всю жизнь на БЖП сидеть.

— Так у вас же вроде того... капитализм.

— А вот как раз потому, что капитализм, — возразил Йоло. — Потребители же должны

потреблять, а как они без денег будут потреблять-то? А БЖП — всё же проще, чем рабочие места какие-то придумывать. Заводы-то всё равно так работают, и добывающие комплексы, а просто так рабочие места делать — так оно всё равно дороже БЖП выходит.

— Это уже не капитализм, а так... чучело какое-то, — буркнул Мишка. — Проще коммунизм уже сделать.

— Не проще, — возразил Йоло. — Там образование надо всем хорошее давать, а это сложно же и мало кто захочет. А заставлять — а права человека? Ну вот...

— А хоть что-то нормальное у вас есть? — вырвалось у Витьки.

— Почему? Есть, — Йоло удивленно взглянул на него. — На самом-то деле почти везде нормально всё. Падения, на самом деле, редкость. Потому, что теперь везде империи всякие... где работать — обязательно. И не домашним любимцам педикюр делать, а на заводе у станка стоять или там в шахте на астероиде каком. Не знаешь, — научим, не хочешь, — заставим, вот такой принцип. И автоматика жестко ограничена — как раз, чтобы не было такого, что 99 % населения просто себя нечем занять. Только там жизнь тоже не сахар, знаешь... Великие Дома всякие с интригами... ну и войны между империями... тоже часто бывают. И не только такие, когда флоты друг по другу долбят, а когда на поверхности миллионные армии. Ну а головы на самом деле мало кто класть хочет, всё же, поэтому — опять автоматика всякая военная, а где военная — там и гражданская же. Ну и люди ленивые же. Не хотят напрягаться, — добавил он неожиданно самокритично.

— Вот, тут как раз расслабились уже... — буркнул Мишка. — Насовсем расслабились, аж до костей. Да и ты тоже... расслабился бы, если бы не мы.

— Ну, так, — Йоло вздохнул. — У меня отец на «Бесконечности» служит — это флагман нашего флота, ты его видел же у меня в комнате... Я тоже военным хотел стать... только там всё сложно как-то, — он опять вздохнул и замолчал.

— Так, ладно, — Сашка хлопнул себя по коленям и поднялся. — Давайте, в самом деле, спать, — а то совсем свихнемся же со всей этой полужизнью... Я подежурю пока...

— Почему ты? — ревниво вскинулся Витька.

— Потому, что вы тут задряхнете, — ответил Сашка. — После меня Мишка будет дежурить, потом ты. Напоследок, под утро — Йанто, — Йоло он в число часовых не включил, но тот как-то не особо и рвался... — Ну, в общем, как-то так.

* * *

С тем, где спать, гадать долго не пришлось: конечно же, у пульта, управлявшего сигнализацией, где же ещё? Но возникла небольшая трудность: никаких постелей тут не обнаружилось, одни современные кресла — но и с них сидения не снимались. В конце концов, ребятам пришлось натащить мягких упаковок с какой-то, как сказал Йоло, голотканью. На самом деле, это была никакая не ткань, а слой легкого полупроводникового материала с миллиардами нанолазеров, датчиков и связанных с ними процессоров. Здесь её использовали в голографических проекторах, — ну и для маскировки, конечно: как опять же сказал Йоло, если обклеить себя такой тканью, то она будет проецировать образ фона во все стороны. Ей можно было покрыть любой объект, машину или даже скафандр, — но сейчас это занимало Мишку меньше всего. Упаковки были большие и мягкие, растянувшись на них, он с неудовольствием подумал, что тут, в этом громадном светлом зале, он вообще не

сможет заснуть... и тут же с удивлением почувствовал, как кто-то трясет его за плечо.

Недовольно замычав, мальчишка сел и осмотрелся. Тряс его, как оказалось, Сашка, и Мишка с удивлением понял, что даже не заснул, а просто провалился в сон, как в люк. Казалось, что прошло всего несколько секунд, и он недовольно помотал головой. Конечно же, он ни черта не выспался, хотя и прошло добрых два часа. Как всегда в такой ситуации, хотелось рычать и кусаться, — и Мишка вновь недовольно помотал головой.

— Проснулся? — хмуро спросил Сашка. — Тогда вставай. Твоя очередь.

Мишке страшно захотелось послать его... но он всё же сдержал себя и поднялся, бессовестно зевая. Все остальные, конечно же, преспокойно дрыхли. Йанто обнимал свой ранец, словно Плюшкин — мешок с ассигнациями. Йоло свернулся в клубочек, поджав немыслимо грязные босые ноги — дома ему за такое точно отвернули бы голову... да и самому Мишке тоже. Дома он привык ходить босиком — только вот это значило, что ноги перед сном приходилось мыть...

— Что тут? — спросил он, вновь бессовестно зевая.

— Да пока спокойно всё... — Сашка тоже бессовестно зевнул, потом протянул ему автомат. — На, держи. Бди. Если задрыхнешь — башку оторву, ты меня знаешь...

— Да не маленький я, — Мишка взял оружие. Тяжелое, но зато удобно лежавшее в руках. — Ты меня тоже знаешь же.

— Знаю, — Сашка тоже зевнул. — Тогда я баиньки. Через два часа Витьку разбудишь. Только хвост ему хорошенько накрути, чтобы не заснул. А то мало ли тут что...

— Ну, это уж непременно.

— Вот и славно.

Сашка плюхнулся на упаковки и, похоже, сразу же задрых. Мишка прошелся туда-сюда, посмотрел на экраны. Тяжелый автомат оттягивал руки, он хотел закинуть его на плечо, но ремня у него не было. Мальчишке вспомнилась отцовская байка про солдата, которому злой прапор выдал автомат без ремня... тогда он мало что понял, но теперь для него начало доходить. Шастать туда-сюда с тяжелой железякой в руках — удовольствие то ещё. Не говоря уж о том, чтобы идти с ней на штурмовую полосу. Захотелось положить её на пульт, — всё равно, никто не видит же, — но он мужественно подавил это желание. В конце концов, он в самом деле часовой...

Спать хотелось всё же страшно, и он стал бродить туда-сюда, словно маятник. Если бы он сел, то точно заснул бы. Ладно, два часа потерпим...

Среди россыпи коробок вдруг что-то резко зашуршало. Мишка рывком повернулся... и заметил, как среди развала рухнувших со стеллажей коробок скользит толстое тело огромной металлической змеи.

* * *

Хорош же я сейчас бы был, подумал он, вскинув к плечу автомат. До пульта было добрых метров двадцать, он и не заметил, что отошел так далеко... До механической твари меньше — всего каких-то метров десять. Мишка уже почти нажал на спуск... и в этот миг вспомнил, что уже видел её тут раньше, когда они только что вошли сюда...

Длинно выдохнув, мальчишка опустил оружие. Какой-то ремонтный или инспекционный кибер, может, даже и не зараженный *у`rap* — или не имеющий приказа с

ним связываться. При всем устрашающем виде эта машина не смогла бы причинить ему вред — разве что порвала бы штаны манипуляторами, да и то, если он это позволил бы...

Кибер скрылся среди развалов, шорох движения постепенно стихал. Польза от него, несомненно, была — по крайней мере, страх вышибил из мальчишки сонливость. Вот и отлично, подумал вдруг Мишка. Надо будет Витьку напугать — схватить за горло, например. Пусть он мне потом в лоб даст — но лучше уж так, чем проснуться в объятиях у *рар*...

Умом мальчишка понимал, что ничего такое им не светит — ядерный взрыв станет первым признаком вторжения, а заодно и последним — но мало ли тут что...

Он возобновил свои шатания, на сей раз, стараясь не отходить от пульта слишком уж далеко — в конце концов, смотреть на экраны было явно полезнее, чем тарашиться на россыпи коробок. Только вот остановившись у него он вскоре сел бы в кресло — и, конечно, заснул бы. Поэтому, приходилось урывками... но там ничто не двигалось, конечно...

Он вновь повернулся... и краем глаза заметил, как Йоло, поднявшись и запахнув свой немисливо грязный халат, бодро направился куда-то в глубину зала.

— Эй, ты куда? — спросил Мишка. Без всякой задней мысли, просто потому, что часовому так положено.

— В туалет, — буркнул Йоло, даже не обернувшись.

— Так он в другой стороне же.

Йоло испуганно оглянулся на него... а потом вдруг побежал.

— Эй, стой! — заорал Мишка, вскинув автомат к плечу. Он понятия не имел, что это на Йоло вдруг нашло... и очень хотел выяснить. Но Йоло, казалось, даже не услышал его. Бежал он неловко, прихрамывая — верно, нога у него ещё не совсем зажила — но, ещё пара секунд, и он просто скроется за всеми этими развалами, а тогда... — Стой, стрелять буду!

Йоло дернулся, но лишь прибавил скорость. Мишка потянул за спуск... и, уже в последний миг опомнившись, задрал ствол вверх. Автомат грохнул, больно ударив в плечо, пули прошли над головой Йоло, ударив по ещё стоявшим на стеллажах коробкам, выбив из них массу пыли. Йоло взвизгнул, дернулся, пытаясь оглянуться, тут же споткнулся и плюхнулся на четвереньки. Мишка помчался к нему.

— Стой, гад, пристрелю!

Йоло повернулся, сел на попу, глядя на него... но подняться уже не пытался — Мишка стоял всего шагах в пяти, целясь в него. Лицо у Йоло вдруг побледнело до какого-то мерзкого, грязно-творожного оттенка, глаза стали совершенно квадратными. Панический ужас столь отчетливо хлестал из них, что Мишке страшно захотелось нажать спуск... просто из физиологического отвращения к трусу... и он, наверное, нажал бы... но тут к ним подбежали ребята.

— Что за черт? — спросил Сашка, обращаясь сразу к обоим.

— Сбежать, гад, попытался, — Мишка не отводил автоматного ствола от лица Йоло.

— Куда? — Сашка повернулся к Йоло. — Куда?!

Йоло попытался что-то сказать, но не смог — от испуга губы у него прыгали. Сашка размахисто шагнул к нему, схватил за грудки, вздернул на ноги, широко размахнувшись, вплепил оглушительную оплеуху, потом вторую. Голова у Йоло мотнулась, взгляд стал совсем уже бессмысленным. Сашка с отвращением оттолкнул его, и он вновь плюхнулся на задницу. Мишка, длинно выдохнув, опустил автомат. Он сам сейчас не представлял, что это на него вдруг нашло. Ведь ещё мгновение — и он точно застрелил бы Йоло, а за что?..

При мысли, что могло сейчас случиться, мальчишку затрясло. Автомат вдруг стал

страшно тяжелым, и Мишка не выронил его, наверное, лишь потому, что вообще оцепенел, словно соляной столп.

— С ума сошли? — зло спросил Йанто. Глаза у него тоже были злые: верно, и ему подъем среди ночи настроения отнюдь не улучшал.

— Он сбежать попытался, — буркнул Мишка. Сейчас он чувствовал себя... да глупо он себя чувствовал. В самом деле, куда тут бежать? На поверхность, в радиоактивный ад?..

— Куда? — Мишка не ответил, и Йанто повернулся к виновнику, так сказать, торжества. Йоло дернул босыми ногами, словно пытаясь подняться, но тщетно. Йанто тоже схватил его за грудки и легко поставил на ноги. Бить по морде не стал, просто повторил с вполне искренним интересом: — Куда?

Лицо у него сейчас было совершенно не злобное, сонное, скорее — но губы у Йоло вновь запрыгали. Верно, он вспомнил, как Йанто расправлялся с разными тварями — и, похоже, примерил это вот к себе...

— Системы... — наконец, выдавил он.

— Что? — спросил Йанто, протянув руку к уху Йоло — словно к приемнику, которому хотел прибавить громкости.

— Системы модификации... — быстро сказал тот.

— Ах ты гад... — Витька даже задохнулся от возмущения. — *У`рар* захотел стать?

— Какие *у`рар*? — заторопился Йоло. Сейчас, насмерть перепуганный, он был растерян и жалок. — Просто наноборгом. Это страшно дорого же, я вам говорил... А тут — даром.

— Ты же сам говорил, что тут оператор толковый нужен, иначе концы можно отдать, — рассудительно сказал Мишка. Сейчас ему казалось, что за него говорит кто-то другой.

— Ну, говорил, — быстро согласился Йоло. — А вдруг повезет?

— А вдруг нет? — спросил Сашка. — Превратишься в каракатицу какую-то, или вообще концы отдашь.

— Вы не понимаете... — глаза Йоло вдруг заблестели. — Стать совсем другим, трансчеловеком, способным менять форму, стать всем, чем только захочется, сильным, почти неуязвимым, почти вечным...

— Оборотнем, что ли? — удивленно спросил Йанто. Похоже, несмотря на все объяснения, он не совсем понимал, о чем тут идет речь.

— Ну да, что-то типа того, — наконец, сказал Йоло.

— Дурное это дело, — мрачно сказал Йанто, хмуро глядя на него. — Дурное и опасное. Бывает такое... но лишь по великой нужде — за свой род мстить или ещё такое что... А просто так такое делать — себе судьбу сломать.

— Ага, мы просто так тут сидим, — обиженно сказал Йоло. — Среди термоядерных бомб и *у`рар*.

— Мы тут Сайэр ждем, которые нам домой вернуться помогут... быть может, — хмуро сказал Сашка. — А так-то — нафиг это всё, все эти местные разборки...

— Вы не понимаете... — снова начал Йоло, но Сашка показал ему кулак, и он тут же заткнулся.

— Да всё мы понимаем. Халявы ты хочешь со страшной силой, вот и всё. Эти ж системы не для того тут оставили, чтобы ты вот в них лез, как свинья в апельсины.

— А какая теперь разница — зачем? — неожиданно хмуро сказал Йоло. Похоже, что он начал злиться — и это понемногу разгоняло душивший его страх. — Тем, кто всё это оставил, теперь всё равно, так или иначе. И всё это всё равно испариться, когда

самоликвидатор работает. Вам-то что до них?

— Нам-то ничего, — не менее хмуро сказал Мишка. — А вот до тебя так очень даже есть. Если ты в чудо-юдо какое превратишься — нам что, легче станет? И времени сколько это займет? Ну, модификация?

— Дня три-четыре, — неохотно сказал Йоло. Он помолчал и неохотно добавил: — Может, неделю. Но процедура простая совсем. Надо только лечь туда и запустить систему. Она сама всё делает.

— Да не хотим мы неделю здесь сидеть, — возмутился Витька. — Мы домой хотим. Понимаешь? Домой.

— А у меня дома больше нет, — зло уже сказал Йоло. — Всё, съели мой дом. Кончился он. Совсем.

— Но родители-то есть, наверное, — сказал Сашка. — Ты что — и к ним не хочешь?

— Хочу, — Йоло опустил глаза. — Но, понимаешь... в вашем диком мире ты можешь быть только самим собой. Ну, денег разве что заработать или ещё что такое там... Но ни ума, ни сил, ни лет жизни это тебе не прибавит. А здесь, у нас, можно стать трансчеловеком.

— Что, прямо так вот в машину забраться и стать? — ядовито спросил Витька.

— Ну, почему... — Йоло смутился. — Это денег много стоит, я вам говорил же... Нет, если ты тут, в Доминионе Сайэр, например, живешь, — в смысле, не прямо вот тут, а гражданство их имеешь — то тебе даром сделают, но это если у тебя способности есть.

— Ага, а у тебя разве есть?

— Ну, — Йоло смущенно опустил глаза. — Я же тридцатник, всё-таки.

— Кто?

— А, вы не знаете же... Тридцатник — это тот, чьи способности лучшие из тридцати. Сотник — тот, чьи способности лучше одного из ста. Ну, и так далее. Я был лучшим в своем классе, вот.

— Если ты там был лучшим, то... благодарю покорно, — буркнул Мишка. Если это вот — гордость, так сказать, класса — то как выглядит, так сказать, его хвост? Брр...

— Ну да, я не такой, как вы, — обиженно и зло сказал Йоло. — Я глупый, я медлительный, я трус. Я знаю же, что вы все про меня думаете. Но это же не потому, что мне так нравится же! Просто... ну, просто так вот получилось. Вот, я и решил, что лучше... ну, попробовать. Выйдет — стану лучше, чем вы, наноборг и эмоции свои может программировать же. Нет — а зачем тогда я?..

Витька присвистнул. Мишка ошалело почесал в затылке. Нет, теперь-то он всё понимал... но это ж до такого ещё дойти надо!..

— А почему ты убежал-то? — спросил он. — Я же тебя чуть не того... не пристрелил нафиг.

— Испугался, — буркнул Йоло, не глядя на него.

— Дурак ты, — с чувством сказал Мишка. Противно ему сейчас было — и от того, что напугал Йоло мало, что ни до смерти, и от того, что тот так испугался...

— Ну, дурак, — мрачно согласился Йоло. Похоже, что испуг перешел в него в стадию чернейшей меланхолии. — Ну, и что мне теперь делать? В унитазе топиться?

— В унитаз не надо, — сказал Сашка. — И в бронелису какую-то себя переделывать тоже не надо. Просто подойди к зеркалу, посмотри себе в глаза, дай себе три раза по морде и скажи себе: «я трус. Я больше так не буду». И не будь.

Йоло надулся, конечно... но сказать ничего не успел. На забытом всеми пульте за их

спинами вдруг раздался злой, тревожный писк, и сердце Мишки ёкнуло.

К ним всё же пришли гости... и что-то говорило ему, что пришли они вовсе не с добром.

Больше книг на сайте - Knigolub.net